

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

3' 2024

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2024. Том 16. № 3
Interaction. Interview. Interpretation
2024. Volume 16. No. 3

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2024. Том 16. № 3

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3

EDN: SARGHP

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

На обложке использовано изображение с онлайн ресурса PickPik
<https://www.pickpik.com/lost-places-rooms-leave-pforphoto-old-decay-57073>

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2024
© Interaction. Interview. Interpretation, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	10
<i>Наталья Веселкова, Елена Прямикова</i> Состояние постиндустриальности: «власть заводов»	10
<i>Евгения Гольман</i> Текстильный коллаж как художественный метод работы с индустриальной памятью: анализ проекта «Лучезарный город» Елены Шаргановой	33
Визуальная социология	49
<i>Ольга Сергеева, Елена Недосека</i> Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов	49
Полевые исследования	69
<i>Яков Щеглов, Жанна Чернова</i> Представления о доказательности в ветеринарной медицине мелких домашних животных	69
<i>Шарепина Екатерина, Ломанова Александра</i> Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустраивающимися на периферию для отработки целевого направления	87
Рецензии	110
<i>Петр Бизюков</i> Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения	110

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	10
<i>Natalia Veselkova, Elena Pryamikova</i> The State of Post-Industrialty: The "Power of Factories"	10
<i>Evgeniya Golman</i> Textile Collage as the Artistic Method to Comprehend Industrial Memory: the Analysis of the Project "Radiant City" by Elena Sharganova	33
Visual Sociology	49
<i>Olga Sergeeva, Elena Nedoseka</i> Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos.....	49
Field Work Research	69
<i>Yakov Shcheglov, Zhanna Chernova</i> Perceptions of Evidence in the Veterinary Medicine of Pets.....	69
<i>Ekaterina Sharepina, Aleksandra K. Lomanova</i> Benefit or Coercion: the Perception of Compulsory Service Programs by Doctors Who Are Employed on the Periphery	87
Book Reviews	110
<i>Petr Bizyukov</i> Hegemony and Transformism: Post-Soviet Trade Unions as an Object of Study.....	110

Письмо редактора

Новый осенний номер журнала ИНТЕР содержит два тематических блока, которые посвящены исследованиям деиндустриализации и социологии профессий.

В рубрике «Теоретические дискурсы и дискуссии» авторы дебатировать о том, что делать с индустриальным наследием и каким может быть его будущее. Наталья Веселкова и Елена Прямикова рассуждают о проблеме соотношения индустриального и постиндустриального в пространстве российских городов, уделяя особое внимание малым городам Урала. На богатом исследовательском материале они показывают, как в развитии деиндустриализующихся территорий сочетаются остаточная «власть заводов» и возникающее креативно-туристическое направление. Евгения Гольман рассматривает возможности текстильного коллажа как художественного инструмента для работы с проблематичной индустриальной памятью на примере проекта «Лучезарный город» художницы Елены Шаргановой, который посвящен шахтерскому городу Нелидово в Тверской области.

Рубрика «Визуальная социология» продолжает дискуссию о новых способах использования бывших промышленных территорий. В ней Ольга Сергеева и Елена Недосека предлагают читателям задуматься о визуальных репрезентациях заброшенных индустриальных пространств в фотографиях, сделанных туристами-энтузиастами и размещенными в тематических онлайн-сообществах.

В рубрике «Полевые исследования» авторы изучают восприятие своей профессиональной деятельности российскими врачами. Яков Щеглов и Жанна Чернова обсуждают проблемы доказательности в ветеринарной медицине мелких домашних животных, предлагая свою типологию способов понимания доказательности ветеринарными врачами. Екатерина Шарепина и Александра Ломанова проводят анализ восприятия программы целевого набора начинающими врачами, которые устраиваются работать на периферийные территории для отработки целевого направления.

Завершает номер рецензия Петра Бизюкова на книгу Максима Кулаева «Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России».

Мы приглашаем читателей ознакомиться с новым номером!

Редактор номера
Александрина Ваньке

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.1

EDN: SZLGZM

Состояние постиндустриальности: «власть заводов»

Ссылка для цитирования:

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Состояние постиндустриальности: «власть заводов» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 10–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1> EDN: SZLGZM

For citation:

Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2024) The State of Post-Industrialty: The "Power of Factories". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 10–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1>

Веселкова Наталья Вадимовна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: vesselkova@yandex.ru

Прямикова Елена Викторовна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: pryamikova@yandex.ru

Постиндустриальное и индустриальное сегодня присутствуют и в малых, и в средних российских городах. В некоторых из них заводы продолжают работать, но уже не могут обеспечить всех горожан в силу автоматизации и других процессов. В других городах предприятия прекратили свое существование, но заброшенные заводские пространства рассматриваются жителями как места, где должен появиться новый завод, то есть исключительно в контексте индустриальности. Постиндустриальное проявляется в повышении требований населения к разнообразию мест работы и отдыха, к безопасности рабочих мест, к экологической обстановке, к комфорту жизни,

доступу к самым различным ресурсам. В результате городское пространство приобретает маргинальные характеристики: новые заводы не появляются, участки земли остаются заброшенными, туризм, креативные проекты присутствуют, но пока не становятся определяющими для поселений.

Теоретическая рамка отсылает к подходу производства пространства А. Лефевра и исследованиям маргинального пространства. На протяжении десяти лет мы исследовали небольшие российские города. В статье использованы материалы 2018–2023 годов, полученные методами малоформализованных мобильных и стационарных интервью, групповых дискуссий, наблюдения и фотомэппинга, ментальных карт, а также методика «капсул времени». Цель статьи — представить наблюдения о сочетании сохраняющейся «власти заводов» и проявляющихся ростков креативности и туризма как признаков постиндустриальности.

Ключевые слова: индустриальное; постиндустриальное; «власть заводов»; экология; маргинальность

В середине 1950-х годов старый Добрянский завод был демонтирован, остатки ушли под воду при затоплении территории для Камской ГЭС. В 1975 году под Добрянкой началось строительство Пермской ГРЭС, которая заработала в 1986 году ГРЭС символизирует наступление «новой индустриальности», но и старая остается значимой. Некоторые конструкции, как рассказывают жители Добрянки, иногда можно рассмотреть сквозь воду, а то и над ней. Таким в ходе наших исследований предстает наблюдаемое состояние постиндустриальности: отживший, как кажется, свое — и даже спрятанный под воду — прежний социокультурный паттерн продолжает «выпирать», значимо присутствуя в жизни города.

Площадкой наших изысканий на протяжении более десяти лет выступали небольшие российские города. В статье использованы материалы 2018–2023 годов¹, полученные методами малоформализованного мобильного и стационарного интервью, групповых дискуссий, фотомэппинга, ментальных карт (информантов просили нарисовать свой город) и «капсул времени»².

¹ «Масштабирование социальной памяти поколений в городах “старой” и “новой” индустриальности» (2018–2020 гг., РФФИ № 18–011–00456); «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля» (2018–2020, РФФИ № 18–011–00457); «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)» (2021–2022, РФФИ № 21–011–43019); «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021–2023, РНФ 21–18–00418). Проекты реализовывались разными командами исследователей, при постоянном участии к.с.н. М. Н. Вандышева. Первые три проекта сфокусированы на уральском регионе, последний имеет общероссийский охват; в совокупности 26 городов. Опыт этих исследований нашел отражение в книгах: [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022; Веселкова, Граматчикова и др., 2022; Веселкова, Вандышев, и др., 2024], монография по музейному проекту в стадии доработки.

² «Капсулы времени» — методика, которую мы придумали и апробировали в проекте «Масштабирование социальной памяти поколений»: старшеклассников и студентов колледжей во время групповых дискуссий просили написать послание тем, кто будет здесь жить через сто лет [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 159–169; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2023].

Цель статьи — представить наблюдения о таких разноречивых явлениях, как сохраняющаяся в восприятии горожан важность заводов и тенденции креативности и туризма, которые мы рассматриваем как признаки наступающей постиндустриальности³.

Используемая теоретическая рамка отсылает к подходу производства пространства А. Лефевра и понятию маргинального пространства.

«Власть заводов»

Заводы мы рассматриваем как центральный символ, «оплот» индустриальности⁴, парадоксальным образом сохраняющий позиции и поныне. Интрига в том, какие именно позиции и каким образом воспроизводимые? Как показывают наши материалы, заводы продолжают считаться смыслообразующим основанием существования многих небольших городов, независимо от экономического состояния конкретного предприятия: и там, где оно продолжает работать, как в Качканаре, Сатке, Серове или Медногорске, и там, где производство серьезно сокращено, как в Каслях, Краснотурьинске или Ирбите, и там, где оно вообще ликвидировано, как в Алапаевске, Данилове или Петровске-Забайкальском⁵.

Подобные представления характерны для людей разного возраста, что убедительно демонстрируют групповые дискуссии и интервью, в ходе которых информанты рисовали ментальные карты. Завод, или, в случае Добрянки, ГРЭС, занимает левый верхний угол на рисунках и 57-летнего мужчины, и 17-летней девушки (рис. 1 и 2)⁶.

Правда, «знак» может радикально различаться, от сугубо положительного до резко отрицательного. Представители старшего поколения в связи с заводом ожидаемо упоминают производственные мощности и «градосодержащую» (показательная оговорка одной из информанток) роль предприятия, окутывая его теплотой личной причастности.

В Данилове Завод деревообрабатывающих станков, вокруг которого в позднесоветское время вырос целый район, прекратил свое существование. Работавшая на нем когда-то женщина описывает его со словами: «Завод. *Мой любимый, драгоценный*», поясняя: «*и директор был хороший*», и сама она получила там квартиру, и для города завод построил и бассейн, и профилакторий.

³ Зачастую городские районы развиваются неравномерно, одновременно переживая и преиндустриализацию, и индустриализацию, и постиндустриализацию [Пасека, Филипповски, 2015: 18].

⁴ Будучи системным явлением, индустриальность пронизывает все подсистемы общества, находя выражение и в таких, на первый взгляд, далеких от «завода» стезях, как социальная память (чему так или иначе посвящены все вышеуказанные наши исследования) или «индустриальная структура чувств» [Vanke, 2024], однако развитие этой темы выходит за рамки статьи.

⁵ Характеристики упомянутых в статье городов см. в Приложении 1.

⁶ Для ментальных карт и выдержек из интервью использован шифр, первые буквы которого означают город (Дб — Добрянка, Кч — Качканар и т. д.), далее большой буквой обозначен пол информанта (Ж — женский, М — мужской), цифрами — возраст. Например, (ДбМ57) — житель Добрянки, мужчина 57 лет. Для групповых дискуссий вместо возраста указано: Ш — школа, порядковый номер и класс.

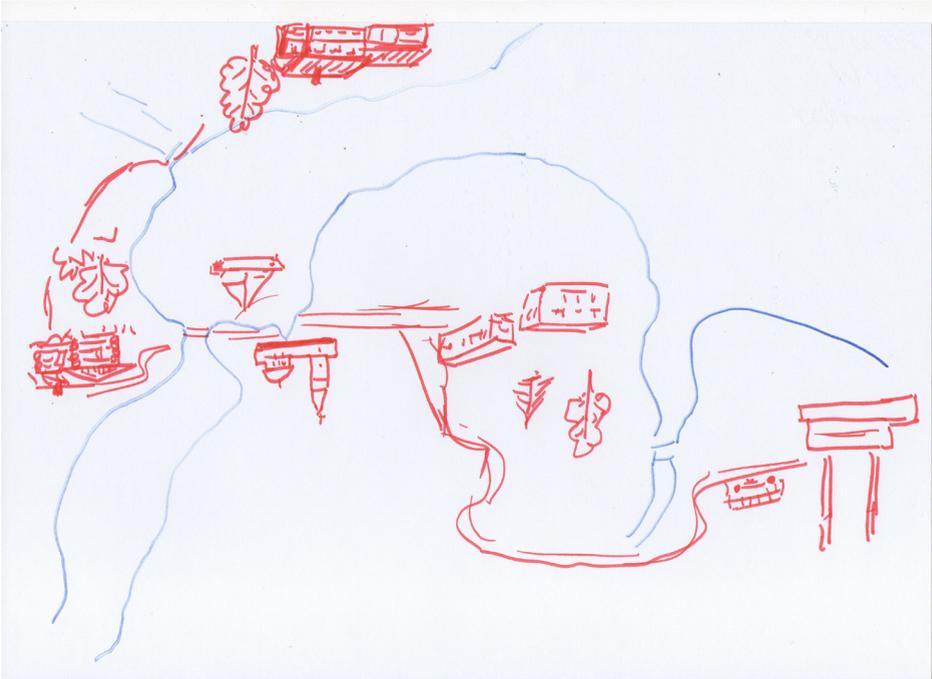

Рисунок 1. ГЭС на ментальной карте Добрянки (ДБМ57)

Рисунок 2. ГЭС на ментальной карте Добрянки (ДБЖ17)

«Где-то в 80-м», вспоминает она, на заводе был занят каждый десятый житель города (ДнЖ67). Распространенность профзаболеваний, от одного из которых умер и ее муж, никак не нарушает этой благой картины.

15–16-летние жители г. Алапаевска, где большая часть заводов закрыта, с готовностью воспроизводят хорошо знакомый им дискурс, считая промышленные предприятия неотъемлемой частью городской идентичности и источником рабочих мест по имеющимся, что важно, у горожан специальностям [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 76]. Составленные в ходе групповых дискуссий «капсулы времени» экстраполируют заводы и в будущее:

«Я надеюсь, что спустя 100 лет Алапаевск процветает. Появились рабочие места, построено много заводов» (АЖШ2/10).

Отличие города с работающим предприятием только в том, что залогом процветания в воображаемом будущем видятся не новые заводы, а все та же ГРЭС, как в Добрянке:

«Надеюсь, что вы живете в процветающем развитом городе, у вас достроили дом культуры, ГРЭС все так же отлично работает, а в городе проводятся интересные мероприятия» (ДБЖШ10–11).

Продолжая «все так же отлично работать» и сто лет спустя, предприятие обеспечивает понятную и надежную картину будущего как продолженного настоящего⁷, блокируя его тревожную неопределенность и непредставимость.

Изменившийся порядок индустриальности

На протяжении жизни одного поколения кардинально изменился сам социальный порядок индустриальности — система отношений, составляющая ее суть. Из сложного комплекса таких изменений остановимся на двух, наиболее ощутимых в наших материалах.

Во-первых, это социальные эффекты от смены типа собственности. Сохранившиеся с советских времен (а порой и с досоветских, как в случае металлургического завода в Серове) крупные предприятия ныне работают чаще всего в составе больших корпораций и как будто уже не принадлежат городу. С учетом того, насколько сильной остается «локально-заводская идентичность» [Витковская, Назукина, 2018; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 37, 77], болезненно значимой оказывается и эта поселившаяся в ней

⁷ «Будущее как продолженное настоящее» — вариант лумановской «технологической» схемы будущего, «которое не может наступить» [Luhmann, 1976], в связи с «капсулами времени» см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2023].

большая червоточина воспринимаемого отчуждения физически остающегося здесь производства.

В качестве иллюстрации приведем Качканар — классический, модельный моногород, построенный на рубеже 1950–1960-х одновременно с горно-обогатительным комбинатом (КГОК). Раньше, как говорят старожилы, *«мы были все причастны»* к жизни предприятия (КчЖ73)⁸, от мала до велика:

«Пацаны вырастают, видя, как работают их родители, как работают окружающие люди <...>. То есть ты хочешь на машине — ты прокатаешься на машине, ты хочешь на тепловозе — ты прокатаешься на тепловозе. Тебе интересен бульдозер — машинист бульдозера тебя рядом с собой посадит <...> и рычаги даст подержать» (КчМ67).

Единение с комбинатом проявлялось обоюдно: ГОК, построенный руками горожан, заботился о городе, а горожанам хотелось там работать, и все для этого было устроено: после школы *«заканчивали восемьдесят седьмой ГПТУ, <...> поступали в комбинат»* (КчЖ45). Сейчас же, резюмирует жительница Качканара, *«это потеря... все. Мы не можем детей устроить своих»* (КчЖ45). Ощущение причастности утрачено, молодежь не хочет идти на комбинат, а желающим сложно туда устроиться.

Разумеется, это не единовременная и абсолютная перемена — дискурс связи города и основного предприятия в небольших поселениях, особенно монопрофильных, остается довольно сильным, однако люди явственно ощущают все новые и новые признаки размывания этой связности. Если раньше, как замечают качканарцы старшего возраста, пенсионеры приходили в цех на День пожилого человека (*«пирогі заказывали в столовой и угощали их чаем»*), то теперь:

«...даже неохота идти. Говорят, <...> что там они это [передовое] знамя <...> вместо шторки сделали» (КчЖ72).

Вместо полнокровной жизни сейчас только *«все работают — и всё, [идет] «выкачивание прибыли и [нрзб] на счет коллектива разделение, разделяй и властвуй»* (КчЖ72, КчЖ45).

Во-вторых, и сами по себе заводы-гиганты начинают казаться архаичными. Они по-прежнему представляются привлекательным местом работы, символизируя не только надежность, но и непрестижность, как объяснили нам в Златоусте. Престижным же считается работать у бизнесменов, где меньше

⁸ Даже не работавшие в ГОКе *«знали всю технологию на производстве»* (КчЖ73). С особым чувством вспоминают «единение», когда утром *«целые потоки шли в одном направлении»* на работу; подобное единение (информантка с нажимом повторяет это слово) связывают и с кинотеатром «Юность»: *«сколько народу, два зала: один выходит, другой заходит — это те толпы»* (КчЖ73). О легендарном к/т «Юность»: [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 165–166]; в настоящее время в здании к/т располагается продуктовый магазин.

бюрократии, «*платят хорошую зарплату*» и заботятся о сотрудниках. А старые «*Машзавод, Метзавод — они все-таки немного тяготеют к <...> советскому стилю управления*» (ЗлЖ27). При этом стиль управления произведен от типа и величины предприятия, воспринимаемых уже не как мощь, но как источник инерции — в отношении и завода, и людей:

«Ну, возможно, заводы подстроятся со временем. Все-таки это громадины и махины. Не так просто им перестроиться. Ну, и к тому же <...> там очень много пожилых людей работает. Ну, может быть, не пожилых, но очень прилично в возрасте, которым очень трудно перебороть себя и сделать как-то по-новому, непривычно» (ЗлЖ27).

В глазах учащейся молодежи тема завода практически полностью теряет свой сакральный оттенок. Признавая, что заводы дают городу рабочие места, участники групповых дискуссий подчеркивают урон, наносимый экологии. В промышленных городах он повседневно ощутим в виде характерного запаха, «*розового смога*», «*красного дыма*» из трубы, по выражению студентки одного из колледжей г. Сатка.

Ответы на экологические вызовы можно условно разделить на два типа: компромиссный и радикальный. Оба типа легко уживаются в одном городе. Компромиссный ответ состоит в том, чтобы усовершенствовать промышленные предприятия, без которых многие информанты не мыслят свой город. Его хорошо выражают послания в будущее студентов серовских профессиональных образовательных учреждений:

«Перестройте (переоборудуйте) завод по новым стандартам в особенности экологии, восстановите старые предприятия, переоборудуйте тепловые электростанции на экологически чистые типы энергии» (СрМ18, металлургический техникум).

«Я надеюсь, что придумали (изобрели) фильтры, очищающие воздух, и помогающие заводу меньше загрязнять окружающую среду» (СрЖ18, педагогический колледж).

Радикальный ответ базируется на несовместимости индустриальной деятельности и здоровой экологии. 11-классница одной из серовских школ советуется потомкам:

«Не живите на „Сортировке“, либо разрушайте дома там, воздух отравлен и несет отриц. воздействие на вас» (СрЖШ1/11).

Ее ментальная карта изображает простертый над деревьями почти без листвы заводской дым и грустных людей с черным цветком в руке (рис. 3).

Рисунок 3. Серов на ментальной карте 11-классницы (СрЖШ1/11)

Если решение этой девушки заключается в том, чтобы убрать селитьбу, то ее ровесник из другой школы предлагает еще более радикальный вариант — «снести заводы»:

«Не открывайте окна на ночь, а не то задохнетесь. Снесите заводы и живите спокойно. Следите за экологией» (СрМШ2/11).

Буксующая маргинальность

Закрывшиеся промышленные предприятия продолжают существовать в ментальном облике города. В происходящем видят прямое продолжение их, теперь незавидной, судьбы. Помещения в центре города имеют шанс на перепрофилирование, обычно под торговые площади. Местные жители воспринимают это как безусловное угасание, когда и здание, и люди просто доживают свой век:

«Здесь вот была такая громадная швейная фабрика в советское время. Сейчас здесь торговый центр. <...> Работа здесь — это, конечно, не очень благодарная работа, потому что в этом здании очень плохая вентиляция. <...> Здесь очень много пенсионеров работает» (ЗлЖ27).

Подобным образом эта жительница Златоуста характеризует и другое предприятие, которое «уже не функционирует, <...> сдает лишь территории свои»,

что означает не по-новому производимое пространство, а «жизнь после смерти» прежнего субъекта — «один из тех заводов, которые уже умерли» (ЗлЖ27).

Ностальгическая привязанность, понимание пространства как исключительно заводского (а всех попыток перепрофилирования — как сугубо временных, в ожидании возврата исконного предназначения) питают затянувшуюся маргинальность.

Под маргинальными мы понимаем такие пространства, которые свою прежнюю функцию (а зачастую и облик) утратили, а устойчивую новую не обрели. Тем самым, они находятся в пограничной зоне как по функционалу, так и по статусу, и по ценностно-нормативному порядку. По сути, утрата прежнего положения и отсутствие нового означают аномию — в данном случае применительно к производству того или иного пространства. Замершие в ожидании следующего состояния (функционала, статуса, порядка), такие пространства обладают потенциально высокой изменчивостью. С другой стороны, находясь в подвешенном состоянии, они словно выпали из времени, зависли на неопределенный срок и с неясными перспективами. Как отмечают Дмитрий Тимошкин и Дарья Пчелкина, «По аналогии с социальной маргинальностью, переходным состоянием между разными социальными категориями, маргинальные пространства оказываются на границе между разными состояниями городской среды, между различными коллективными и индивидуальными проектами ее прошлого и будущего» [Тимошкин, Пчелкина, 2021: 56].

В качестве таких пространств в отечественной практике изучаются дворы, частный сектор, гаражи, неформальные рынки и т. п. [Бляхер, Иванова, Ковалевский, 2021; Тимошкин, Григоричев, 2018; Тимошкин, Пчелкина, 2021; Ковалевский, 2022; Григоричев, Дятлов, Тимошкин, 2023]. В нашем случае предметом интереса являются закрытые заводы. В отличие от Леонида Бляхера, Алины Ивановой и Андрея Ковалевского, мы не считаем маргинальные пространства невидимыми — они «оформлены в публичном пространстве» и «порождают дискурс самопрезентации» [Бляхер, Иванова, Ковалевский, 2021: 151–152], то есть опознаются, называются и предъясняются именно как бывшие заводские. В таком «длении» остаточной идентичности пространства в очередной раз проявляется «власть заводов», согласно нашему исходному тезису.

Траектория изменений может быть разной. Довольно благоприятный вариант — это выход из подвешенного состояния за счет обретения новой идентичности или восстановления некогда утраченной первоначальной. Мужской монастырь в г. Далматово, где в советский период размещался завод, после передислокации которого пребывавший в заброшенном состоянии, ныне успешно восстанавливается в рамках федеральной программы.

Во многих других случаях в городах, где мы проводили исследования, территории остановленных заводов пребывают в запустении. Такие места, как заметил Ливиу Келча (правда, применительно к столичному Бухаресту, а не к малым городам), сопротивляются описанию в терминах «возврата к природе», «девелопмента недвижимости», «индустриального наследия», «креативных индустрий» или «курируемых руин», которые обычно применяют к постиндустриальным местам по всему миру [Chelsea, 2015]. Скорее,

по мысли Элис Ма, подобные локации находятся на пограничье, на полпути от индустриального пространства к пространству потребления, с еще «живой памятью» об индустриальном прошлом [Ма, 2010: 401–402; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 47–48].

В концептуализации маргинальности продуктивным для нас оказалось обращение к исследованиям «оставленных мест» (“left behind places”). Это понятие вошло в обиход после глобального финансового кризиса 2008 года как способ осмысления посредством пространственного воображения маргинальных, переживающих упадок мест [Pike et al.].

С легкой руки Андреса Родригеса-Посе для обозначения такого рода территорий появилось еще одно хлесткое выражение — «места, которые не имеют значения» (“the places that don’t matter”) [Rodríguez-Pose et al., 2023]. Такие места определяются не только извне (показателями экономического упадка), но также, что стоит особо подчеркнуть, изнутри — ощущением безнадёжности, отсутствия будущего.

В нашем случае масштаб оставленных, не имеющих значения мест — это масштаб отдельного предприятия в небольшом городе, но для него точно так же справедлив ключевой акцент данного подхода — восприятие упадка с точки зрения его продолжительности и (не)обратимости. В изучаемых городах состояние упадка наступило не так давно — люди живо помнят лучшие времена, — но длится достаточно долго, чтобы ощущения «безбудущности» успели укорениться. Остановленный более двадцати лет назад (в 2001 году) металлургический завод в Петровске-Забайкальском остается незаживающей раной («это наша, так сказать, городская рана» (ПЗМ35)). Ситуацию усугубляет расположение руин в ложбине между сопками, откуда они видны как на ладони и постоянно теребят рану.

Остановка и закрытие заводов приводят к появлению «незавершенных», маргинальных пространств, прежние смыслы которых перестали быть актуальными, а новые так и не возникли. В небольших городах подобные пространства приобретают особое значение, напоминая о конце стабильного прошлого, идеализируемой советской эпохи. Утрата могла бы обещать обретения в будущем, но буксующая маргинальность иссушает потенциал возможного возрождения [Прямикова, Вандышев, Веселкова, 2020; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 48–49].

И конкретному пространству, и городу в целом словно не хватает решимости сделать шаг к переозначиванию — столь трудному, поскольку речь идет о ломке «собственной логики города» [Беркинг, Лёв, 2017], его, в зиммелевском смысле, судьбы [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2019].

Креативность и туризм

Выдающийся пример радикального переизобретения (посредством креативной экономики) представляет собой немецкая шахта Цольферайн. Его особая значимость состоит в заранее разработанной стратегии: с 1986 года,

одновременно с закрытием шахты, а потом и завода, их планомерно готовили под постиндустриальное использование, оберегая от разрушения [Пасека, Филипковски, 2015: 14–15]. В 2001 году, когда останавливался петровск-забайкальский завод, угольно-промышленный комплекс Цольферайн вошел в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а к 2010 году там заработал Рурский музей, бизнес-инкубаторы, большой парк с бассейном, катком, ресторанами и кафе [Кравцова, 2012; Пасека, Филипковски, 2015: 14–16; Ермакова, Суховская, 2017: 102–104].

В шахтерском городе Инта, где мы были вскоре после закрытия последней шахты, многие высказывали пожелание о создании музея шахтерского дела. В городе уже имелся небольшой сквер шахтерской славы с образцами техники, а в краеведческом музее — небольшая тематическая экспозиция, однако о музеефикации и культурном перекодировании производственных территорий, пусть и не в масштабах Цольферайна, речи не шло. Более того, никто не мог сказать ничего определенного о судьбе музея, ранее существовавшего в одном из шахтных поселков.

На вопрос, как быть с угасающей индустриальностью, существует два принципиально разных ответа: реиндустриализация и деиндустриализация. Все города наших исследований ставят на первый вариант. На работающих предприятиях совершенствуют технологии, корпоративную культуру, работают над брендингом. При закрытии завода главное желание — заменить его чем-то аналогичным по типу производства и, главное, по градообразующей, патерналистской роли в отношении города. Судьбу креативного кластера никто на себя не примеряет.

Тем не менее ростки «креатива» все-таки появляются. В зависимости от состояния предприятия мы выделяем «креатив на руинах» и «креатив без руин».

«Креатив на руинах»

Пожалуй, наиболее близкий (пост)индустриальной тематике вариант эстетизации (индустриальных) руин представлен деятельностью ВК-сообщества «Эстетика e*ней» (ЭЕ). В 2024 году ЭЕ отмечает десятилетие и успело стать объектом научного анализа [Чумакова, 2018; Претер, 2023]. Само же словосочетание является популярным хештегом Рунета с начала 2010-х годов [Киклевич, 2020]. Под концепцию ЭЕ («Романтика городских окраин | захватывающие миры e*ней и промзон») подпали и непарадные виды одного из исследуемых нами городов — Сатки, а именно останки к/т «Металлург» и панорама частного сектора с терриконом на заднем плане⁹.

Демонстрацию подобных видов можно определить как постиндустриальный декаданс, переживание и проживание распада индустриальной эпохи. В Петровске-Забайкальском руины завода стали сценой посвященного Великой Отечественной войне клипа «Земля родная, помни нас...», снятого

⁹ Публикация. Фото // Группа ВКонтакте «ЭЕ». URL: https://vk.com/yebenya?from=search&z=photo-69563163_457745066%2Fwall-69563163_1668215 (дата обращения: 21.05.2024).

местным клубом военно-исторической реконструкции «Забайкальский фронт» в 2023 году был создан уже часовой документальный фильм с игровыми сценами, одна из которых (об участнике войны петровчанине Петре Гладких) также снималась в развалинах завода¹⁰.

«Креатив без руин»

«Руина» — так называется открытое арт-пространство неподалеку от Дворца культуры в Сатке, созданное в 2017 году на месте снесенного дома (рис. 4). «Руину» придумали в рамках архитектурного фестиваля «Моя Сатка» и используют для уличных фотовыставок. Как таковых руин здесь уже нет, так что этот пример можно считать переходным между типами «креатива на руинах» и «креатива без руин».

Рисунок 4. Арт-пространство «Руина» в Сатке. Сентябрь 2019

В наблюдаемых нами локациях такая креативность запускается, как правило, сверху и извне, далеко не всегда сразу встречая поддержку местного населения. Если «Руина» (креатура московского архитектурного бюро «Контора») как будто прижилась, то сад камней, устроенный в той же Сатке в 2023 году на месте снесенного к/т «Спутник», вызвал у горожан массу

¹⁰ Фильм «Земля родная помни нас» // Канал «Дмитрий Головин» YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bHrd7z2qYdU&ab_channel=%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD (дата обращения: 20.05.2024). Автор сценария и режиссер Д. Головин.

негативных откликов¹¹. Надо сказать, что и в отношении классической музыки, как нам рассказывали в администрации, саткинцы поначалу не испытывали энтузиазма, однако в 2019 году музыкальный фестиваль «Кармен» памяти Елены Образцовой в День металлурга прошел с большим воодушевлением. На сегодняшний день фестивальный формат не используется, но после международного “Satka Street Art Fest” 2017–2019 годов в городе остались интересные муралы, информанты с удовольствием рассказывали о них [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 54–59]:

«“Satka Street Art Fest” — приглашают людей из разных стран, художников, архитекторов, они как бы преображают город. Если сравнить Сатку с каким-то другим городом, например Троицком, Сатка значительно ярче, намного» (СтЖШ2/10).

«Лет десять назад ничего в Сатке не было. Он был такой пасмурный, такой средний себе город. Когда появились... когда выиграла этот проект... На Сатку стало приятно посмотреть» (СтЖШ2/10).

Среди немногих примеров инициатив, идущих снизу, — борьба за спасение дворянской усадьбы в Пущино:

«Если мы это не сделаем, не сделает никто <...>. Мы к себе притягиваем жителей города, включаем их в работы по усадьбе, причем в комфортных вариантах. <...> Сейчас на самом деле уже четыре формата экскурсионных по городу, то есть три связанные с усадьбой <...>. Мы использовали средства массовой информации, у нас за три года, не знаю, наверно, штук 15 интервью на центральных каналах» (ПцЖ48).

Туризм оценивается жителями положительно, если эта сфера уже поступательно развивается, но при этом работает и промышленность, как в Златоусте. В «капсуле времени» студентка колледжа предлагает «сделать больше мест для туристов» (ЗлЖ18К), а один из информантов подробно оценивает перспективы развития города в зависимости от туристических ресурсов (эта тема возникла в ходе интервью, специальных вопросов о туризме в гайде не было). Первый ресурс — природный:

«Очень много иностранцев в нашем городе, приезжает, прям можно реально встретить, вот итальянцы здесь постоянно находятся. Ну, китайцы, и так далее, близлежащие, тоже периодически приезжают, но вот именно с той, с Европы, очень много гостей. Потому что у нас национальный парк „Таганай“ есть, у нас тут стадионы, у нас озера

---

¹¹ Новость о создании сада камней собрала 174 комментария, в подавляющем большинстве негативных. Фотофакт // Говорит Сатка. URL: https://vk.com/wall-97709937_105703?w=wall-97709937_105703 (дата обращения: 20.05.2024).

здесь рядом красивейшие, и туристы как бы поток идет. Люди, все равно как бы бизнес-люди, они развивают эти направления туристические» (ЗлМ30).

Второй ресурс — наследие города, производство холодного оружия: прежнего большого завода уже нет, но работает несколько оружейных фабрик.

Если раньше «основой города», по выражению информанта, служили металлургия и машиностроение, то сегодня такой основой становится именно туризм, поэтому *«промышленность как таковую надо отсюда по максимуму убрать и сделать здесь именно вот культурное там какое-то достояние, и туризм развивать»*. Главным препятствием наш собеседник считает недостаток капиталовложений, пока что туристы видят *«разруху в плане дорог, мусор, грязь»* (ЗлМ30).

Скептические оценки туризма как постиндустриального драйвера развития присущи поселениям, где при набирающей обороты деиндустриализации туризм еще не проявил себя, такую картину мы наблюдали в Алапаевске. Имея богатый задел в виде музея и маршрута по узкоколейной дороге, дома-музея Чайковского и т. п., а также большие планы на Царские дни (в 2018 году отмечалось столетие трагической гибели в Алапаевске членов царской семьи и их приближенных), на момент проведения исследования в современном развитии туризма город делал только первые шаги.

«На туризме долго не протянешь» — это высказывание алапаевского школьника вызвало поддержку его одноклассников:

«М: Нужно новые достопримечательности, наверно, открывать, заводы восстанавливать и рабочие места новые давать людям.

Модератор: То есть без завода все равно вариантов нет развития?

М: Ну, у нас на этом город строился, то есть завод, он держался.

Ж: Заводы обеспечивают основные рабочие места для людей. У нас очень много людей, которые имеют такие профессии, потому что они были очень востребованы в свое время, и сейчас им просто негде работать. И люди пытаются как-то неофициально, что-то, куда-то уезжают. И многие семьи из-за этого разрушаются... Если бы у нас были заводы, которые обеспечивали бы большее количество мест, много чего изменилось бы (АлШ2/10) [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 76].

У туризма практически нет шансов пробиться сквозь дискурс «власти заводов» в суждениях юных алапаевцев. Позитивную же оценку потенциала туризма в Алапаевске мы услышали из уст представительницы старшего поколения:

«В нашем городе можно было бы настолько так развить туризм, что ну вот это было бы вообще здорово! <...> От центра самое-самое интересное — сделать вот это вот место, часть этой улицы

пешеходной, потому что там <...> собор, мечеть, памятник Елизавете Федоровне, дом Чайковского. <...> Летом какие-то даже там фотовыставки, еще что-то — ну много чего можно придумать. <...> Перспективу вижу только в туризме!» (АлЖ59).

Алапаевские данные если не полностью опровергают, то выразительно размывают возрастную предопределенность в распространении «власти заводов»: старшее поколение не обязательно «хранит верность» бывшему предприятию, а молодые далеко не всегда разделяют энтузиазм в отношении внеиндустриальных — а подчас и вообще хоть каких-то — перспектив для своего города.

Заключение

Изменившийся порядок индустриальности, экологические тревоги подтачивают «власть заводов». Социальный порядок стал другим, город и завод не составляют единое целое — предприятие чаще всего принадлежит большой компании со штаб-квартирой где-то далеко. Большие предприятия не пользуются популярностью у молодежи, завершающей обучение в школах и даже в колледжах. Тем не менее «власть заводов» остается глубоко укорененной в социальной памяти горожан разных поколений — и там, где завод продолжает работать, и там, где производство серьезно сокращено, и там, где оно ликвидировано.

Буксующая маргинальность характерна для многих малых городов. Зброшенные индустриальные зоны имеют больше шансов стать местом памяти, используемым в качестве съемочной площадки, нежели вновь функционирующим предприятием в результате реиндустриализации. Реиндустриализация желанна, но в ряде городов существует только в виде постепенно угасающих надежд населения.

На этом фоне проявления деиндустриализации — креативные индустрии и туризм, — как бы странно это ни звучало, наиболее успешно реализуются при наличии работающих предприятий, которые могут финансировать различные креативные проекты, создавая тем самым точки притяжения в городском пространстве.

Постиндустриальное проявляет себя в повышении требований к безопасности рабочих мест, защите экологии и благоустройству городской среды, комфорту и доступу к различным ресурсам. Проявления индустриальности, однако, просвечивают там и здесь, а то и выпирают, как останки давно затопленного добрянского завода. Местные жители воспринимают оставленные заводом пространства не как возможность чего-то нового, но как «бывший завод». Такие проверенные шаги, как развитие креативных индустрий и туризма, хотя и пробивают постепенно дорогу, пока не могут переломить ситуацию.

Литература / References

Беркинг Х., Лёв М. Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Berking H., Lyov M. (2017) *Sobstvennaya logika gorodov: Novye podhody v urbanistike* [Cities' Own Logic: New Approaches in Urbanism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Бляхер Л. Е., Иванова А. П., Ковалевский А. В. «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 150–173. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-150-173> EDN: MXPLMS

Bliakher L. E., Ivanova A. P., Kovalevsky A. V. (2021) "Empty Spaces" and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: The Case of Khabarovsk. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Sociology. Sociology. Ethnology]. Vol. 30. No. 3. P. 150–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-150-173>

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Е.: Издательство Уральского университета, 2022. EDN: CMCGLL

Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) *Industriálnaya pamyat: masshtaby i mnozhestvennost* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universita. (In Russ.)

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 172–187. EDN: FGASLP

Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2019) *Malye i srednie goroda Urala: industrialnost kak sudba* [Small and Medium-sized Townes of the Urals: Industrialization as Destiny] In: M. G. Pugacheva (ed.) *Puti Rossii. Granicy politiki* [The Ways of Russia. The Boundaries of Politics]. Moscow: Izd. dom "Delo" RANHiGS. P. 172–187. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н. и др. (Моно)город в движении. Опыт исследования мобильностей. Е.: Издательство Уральского университета, 2024.

Veselkova N. V., Vandyshev M. N. et al. (2024) *(Mono)gorod v dvizhenii. Opyt issledovaniya mobilnostej* [(Mono)City in Motion. Experience in Mobility Research]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Продолженное настоящее: капсулы времени как социальная практика и метод исследования // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2023. Т. 15. № 1. С. 4–32. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-4-32> EDN: OEAIBQ

Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. (2023) The Continued Present: Time Capsules as a Social Practice and Research Method. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 15. No. 1. P. 4–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-4-32>

Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б., Енина Л. В., Прямикова Е. В. Мечты и память: нарративные ландшафты небольшого советского города. Е.; М.: Кабинетный ученый, 2022.

Veselkova N. V., Gramatchikova N. B., Enina L. V., Pryamikova E. V. (2022) *Mechty i pamyat: narativnye landshafty nebolshogo sovetskogo goroda* [Dreams and Memory: Narrative Landscapes of a Small Soviet City]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Е.: Издательство Уральского университета, 2016.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) *Mesta pamyati v molodyh gorodah* [Places of Memory in Young Towns]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Витковская Т. Б., Назукина М. В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 148–165. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165> EDN: YBJFSX

Vitkovskaya T. B., Nazukina M. V. (2018) Industrial Cities of the Urals: Specificity of Local Identity and Political Practices. *Vestnik Permskogo universita. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. No. 3. P. 148–165. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165>

Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О. «Частный сектор»: не-городские пространства и сообщества российского города. И.: Издательство «Оттиск», 2023. EDN: UQUIIY

Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O. (2023) "Chastnyj sektor": ne-gorodskie prostranstva i soobshchestva rossijskogo goroda ["Private Sector": Non-urban Spaces and Communities of the Russian City]. Irkutsk: Izdatelstvo "Ottisk". (In Russ.)

Ермакова Л. И., Суховская Д. Н. Роль креативных пространств в городском развитии (на примере провинциальных регионов Германии и Италии) // International Communication, Education, Language and Social. O.: Scientific Public Organization «Professional Science», 2017. P. 100–106. EDN: YRDSHQ

Ermakova L. I., Suhovskaya D. N. (2017) The Role of Creative Spaces in Urban Development (On the Example of the Provincial Regions of Germany and Italy). In: *International Communication, Education, Language and Social Science*. Oslo: Scientific Public Organization "Professional Science". P. 100–106. (In Russ.)

Киклевич А. К. Эстетический аспект воздействия СМИ (на примере журналистики и Интернета) // Филологические науки. 2021. № 1. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.016> EDN: XSBEIP

Kiklewicz A. K. (2021) Aesthetic Aspect of Media Influence (on the Example of Journalism and Internet). *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. No. 1. P. 16–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.016>

Кравцова Л. А. Музеефикация как форма актуализации наследия угольной отрасли в европейских странах // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 13–16. EDN: PCTGYD

Kravtsova L. A. (2012) Museumification as a Form of Actualization of the Coal Industry Heritage in the European Countries. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. No. 4. P. 13–16. (In Russ.)

Ковалевский А. В. Город вообще и город в России: особенности моделирования социального пространства (кейс г. Хабаровска) // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР / Отв. ред. А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина. В.: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 79–83. EDN: EBLYBQ

Kovalevskij A. V. (2022) *Gorod voobshche i gorod v Rossii: osobennosti modelirovaniya social'nogo prostranstva (kejs g. Habarovska)* [The City in General and the City in Russia: Peculiarities of Modeling Social Space (Case Study of Khabarovsk)]. In: A. V. Vinokurova, E. Yu. Kostina (eds.) *Problemy modelirovaniya socialnyh processov: Rossiya i strany ATR* [Problems of Modeling Social Processes: Russia and the Asia-Pacific Countries]. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. P. 79–83. (In Russ.)

Пасека А., Филипповски П. Антропологические упражнения в постиндустриальной рефлексии // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2015. № 3. С. 14–24.

Paseka A., Filipkovski P. (2015) Anthropological Exercises in Post-industrial Reflection. *Laboratorium: Zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 3. P. 14–24. (In Russ.)

Претер В. П. В центре циклона: Инструменты Маршала Маклюэна для анализа медиасред. М.: Издательство ВШЭ, 2023. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1797-0> EDN: RBRFVP

Preter V.P. (2023) *V centre ciklona: Instrumenty Marshala Maklyuena dlya analiza mediasred* [In the Center of a Cyclone: Marshall McLuhan's Instruments for Media Environments Analysis]. Moscow: Izdatelstvo VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1797-0>

Прямыкова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. (Де)индустриализация малых и средних городов Урала: опыт мультискалярного анализа // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2020. С. 5503–5510. DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.645> EDN: JLOLZN

Pryamikova E.V., Vandyshev M.N., Veselkova N.V. (2020) (De)industrializatsiya malyh i srednih gorodov Urala: opyt multiskalyarnogo analiza [(De)Industrialization of Small and Medium-Sized Towns of the Urals: The Experience of Multiscalar Analysis]. In: V.A. Mansurov (ed.) *Sociologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v socialnom razvitiy regionov* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions]. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sociologov. P. 5503–5510. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.645>

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66> EDN: PIFWWW

Timoshkin D.O., Pchelkina D.S. (2021) Vulnerable Archaism: The Visual Nature of “Frontier” Urban Spaces in Krasnoyarsk. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Research]. No. 1. P. 56–66. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66>

Тимошкин Д., Григоричев К. «Не-место» вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-118-140> EDN: YRVQST

Timoshkin D., Grigorichev K. (2018) “Non-Place” beyond Time: Uncertainty as the Specificity of the Existence of a Post-Soviet City Localities (the Case of Irkutsk). *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 39. P. 118–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-118-140>

Чумакова В. П. Эстетика руин в вернакулярной фотографии русскоязычных социальных медиа: постановка проблемы исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 3. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90> EDN: YNGMOD

Chumakova V.P. (2018) The Aesthetics of Ruins in Vernacular Photography in Russian Social Media: Stating the Research Problem. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television]. Vol. 14. No. 3. P. 74–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90>

Abaleron C. A. (1995). Marginal Urban Space and Unsatisfied Basic Needs: the Case of San Carlos de Bariloche, Argentina. *Environment and Urbanization*. Vol. 7. No. 1. P. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.1177/095624789500700101>

Chelcea L. (2015) Postindustrial Ecologies: Industrial Rubble, Nature and the Limits of Representation. *Parcours Anthropologiques*. No. 10. P. 186–201. DOI: <https://doi.org/10.4000/pa.448>

Luhmann N. (1976) The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society. *Social Research*. Vol. 43. No. 1. P.130–152.

MacKinnon D., Beal V., Leibert T. (2024) Rethinking “Left-behind” Places in a Context of Rising Spatial Inequalities and Political Discontent. *Regional Studies*. Vol. 58. No. 6. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2291581>

Mah A. (2010) Memory, Uncertainty and Industrial Ruination: Walker Riverside, Newcastle Upon Tyne. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 34. No. 2. P. 398–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2010.00898.x>

Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N. et al. (2023) “Left Behind Places”: A Geographical Etymology. *Regional Studies*. Vol. 58. No. 6. P. 1–13. DOI: <http://doi.org/10.1080/00343404.2023.2167972>

Rodríguez-Pose A., Terrero-Dávila J., Lee N. (2023) Left-behind Versus Unequal Places: Interpersonal Inequality, Economic Decline and the Rise of Populism in the USA and Europe. *Journal of Economic Geography*. Vol. 23. No. 5. P. 951–977. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbad005>

Vanke A. (2024) Co-existing Structures of Feeling: Senses and Imaginaries of Industrial Neighbourhoods. *The Sociological Review*. Vol. 72. No. 2. P. 276–300. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380261221149540>

Сведения об авторах:

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** vesselkova@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 287754; **ORCID:** 0000-0002-0855-8901; **ResearcherID:** T-3009-2017.

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** pryamikova@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 416263; **ORCID:** 0000-0002-6783-008X.

Статья поступила в редакцию: 12.06.2024

Принята к публикации: 05.08.2024

БАК: 5.4.1, 5.4.4

.....
The State of Post-Industriality: The “Power of Factories”

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.1

Natalia V. Veselkova *Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Elena V. Pryamikova *Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*
E-mail: pryamikova@yandex.ru

Post-industrial and industrial today are present in both small and medium-sized Russian towns. In some of them, they continue to operate, but can no longer provide employment for all citizens due to automation and other processes. In some others, businesses have ceased to exist, but abandoned factory spaces are viewed by residents as places where a new factory should appear, that is, exclusively in the context of industrialism. The post-industrial is manifested in the increasing demands of the population for a variety of places of work and leisure, for job security, for the environmental situation, for the comfort of life, and for access to a wide variety of resources. As a result, urban space acquires marginal characteristics: new factories do not

appear, plots of land remain abandoned, tourism and creative projects are present, but are not yet decisive for such settlements.

We use the theoretical frame of space production by A. Lefebvre and the approach of marginal space characteristics. For ten years we have been researching small Russian cities; the article uses materials from 2018–2023, obtained through semi-formalized mobile and stationary interviews, group discussions, observation and photo mapping, mental maps, as well as the “time capsule” technique. The purpose of the article is to present observations about the combination of the following phenomena, such as the continuing “power of factories” and the sprouts of creativity and tourism appearing here and there as signs of post-industriality.

Keywords: industrial; post-industrial; power of factories; ecology; marginality

Authors Bio:

Natalia V. Veselkova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** vesselkova@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 287754; **ORCID:** 0000-0002-0855-8901; **ResearcherID:** T-3009-2017.

Elena V. Pryamikova — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** pryamikova@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 416263; **ORCID:** 0000-0002-6783-008X.

Received: 12.06.2024

Accepted: 05.08.2024

Города, данные по которым использованы в статье: основные характеристики

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Масштабирование социальной памяти поколений в городах „старой“ и „новой“ индустриальности» (2018–2020 гг., РФФИ № 18–011–00456)						
Алапавск , Свердловская область	1639/ 1781	37219 (на 1.01.2019)	нет	Июль, октябрь 2019	25 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Ал
Добрянка , Пермский край	1623/ 1943	32304 (на 1.01.2019)	Пермская ГРЭС (АО «Интер РАО — Электрогенерация»)	Июль, ноябрь 2019	32 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Дб
Златоуст , Челябинская область	1754 / 1865	165375 (на 1.01.2019)	нет	Июль, сентябрь 2019	23 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Зл
Сатка , Челябинская область	1758/1758	41339 (на 1.01.2019)	Комбинат Магnezит (группа Магnezит)	Июль, сентябрь 2019	21 интервью, 4 дискуссии в школах и колледжах	Ст
Серов , Свердловская область	1893 / 1919	97369 (на 1.01.2018)	Надеждинский металлургический завод (УГМК), АО «Серовский завод ферросплавов» (группа предприятий ЧЭМК)	Июль, октябрь 2018	33 интервью, 4 дискуссии в школах и колледжах	Ср

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля» (2018–2020, РФФИ № 18-011-00457)						
Далматово , Курганская область	1644/1947	12413 (на 1.01.2019)	Старт Далур монастырь	Июль, сентябрь 2019	20 интервью, две групповых дискуссии в колледже, 4 в школах города	Дл
Красноурьинск , Свердловская область	1758/1944	56584 (на 1.01.2019)	Богословский алюминиевый завод (БАЗ, РУСАЛ), производство алюминия остановлено в 2013	Июнь, октябрь 2018, октябрь 2019	52 интервью, 10 групповых дискуссий, две из них в колледжах, восемь в школах	Кр
Первоуральск , Свердловская область	1732/1933	122183 (на 1.01.2019) 120778 (на 1.01.2020)	Первоуральский новотрубный завод (ПНТЗ, группа ЧТПЗ) Динас Хромпик	Май 2018, май, июнь, август, сентябрь 2019, июнь, ноябрь 2020	17 интервью, 4 дискуссии в школах, 4 в колледжах	П

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021–2023, РНФ 21–18–00418)						
Данилов, Ярославская область	1777	14331 (на 1.01.2022)	Даниловский завод деревообрабатывающих станков (ДЗДС), остановлен в 2009	Май 2022	25 интервью, 36 информантов	Дн
Инта, Республика Коми	1932/1954	23701 (на 1.01.2021)	АО «Интауголь», решение о ликвидации 2018	Июнь-июль 2021	22 интервью, 27 информантов	Ин
Качканар, Свердловская область	1957 / 1968	37687 (на 1.01.2021), 36910 (на 1.01.2023)	Качканарский горно-обрабатывающий комбинат (КТОК, Компания ЕВРАЗ)	Июнь 2021, декабрь 2022	25 интервью, 25 информантов, 1 групповая дискуссия старожилов	Кч
Петровск-Забайкальский, Забайкальский край	1789/1926	14 683 (на 1.01.2023)	Петровск-Забайкальский металлургический завод, остановлен в 2001	май 2023	21 интервью, 30 информантов	ПЗ

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.2
EDN: YEANKF

Текстильный коллаж как художественный метод работы с индустриальной памятью: анализ проекта «Лучезарный город» Елены Шаргановой

Ссылка для цитирования:

Гольман Е. А. Текстильный коллаж как художественный метод работы с индустриальной памятью: анализ проекта «Лучезарный город» Елены Шаргановой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 33–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.2>
EDN: YEANKF

For citation:

Golman E. A. (2024) Textile Collage as the Artistic Method to Comprehend Industrial Memory: the Analysis of the Project “Radiant City” by Elena Sharganova. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 33–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.2>

Гольман Евгения Андреевна

Независимый исследователь,
Москва, Россия

E-mail: eve.golman@list.ru

В статье представлен социологический анализ проекта «Лучезарный город» художницы Елены Шаргановой, посвященного родному городу художницы — Нелидово — и представляющего собой серию текстильных коллажей, сделанных в смешанной технике с использованием фотопечати, цианотипии, машинного шва и ручной вышивки. В основе проведенной концептуализации — интервью с Еленой Шаргановой, анализ архивных материалов города, любезно предоставленных художницей, а также академических исследований, посвященных проблемам памяти и индустриальных городов. Отталкиваясь от интерпретации коллажей как пространств репрезентаций в терминологии Анри Лефевра, отражающих зону переживаемого, в которой образы и символы наполняют физическое пространство и знания о нем, автор показывает, что «Лучезарный город» является художественным размышлением о нереализованных траекториях развития города и — шире — о судьбе малых городов в целом. Выделены три актуальные темы, переосмысляемые

в проекте художницы: разочарование в коммунистической идее и ностальгия по прошлому, проблема развития (или вымирания) индустриальных городов, связь коллективной и индивидуальной памяти. Значимость проекта Елены Шаргановой обусловлена как экспериментом с материалами, так и исследовательской позицией художницы, сближающей искусство с актуальной социальной проблематикой.

Ключевые слова: исследования памяти; индустриальный город; индустриальная память; современное искусство; визуальная социология

Благодарности

Автор выражает благодарность Елене Шаргановой за готовность делиться своей личной и семейной историей и помощь в подготовке статьи, Наталье Веселковой и Александрине Ваньке — за ценные комментарии к черновому варианту текста, а также Анастасии Хаустовой, без курса которой по художественной критике в Московской школе современного искусства эта статья не увидела бы свет.

Введение

В центре внимания данной статьи — работы из серии «Лучезарный город», созданные Еленой Шаргановой в качестве резидента «Открытых студий Винзавода» десятого сезона (2023/2024)¹. В настоящий момент серия состоит из нескольких многослойных текстильных коллажей, два из которых образуют ядро художественного высказывания автора, — именно на них мы остановимся далее². Эта серия является частью более широкого художественного исследования Елены «Город акаций», посвященного родному городу художницы — Нелидово. В своем *artist statement*³ Елена подчеркивает, что

¹ Елена Шарганова окончила МГАХИ им. В.И. Сурикова по программе «Художник-живописец (станковая живопись)» в 2022 году. В том же году прошла курс «Мастерская художественного высказывания» в Московской школе фотографии и мультимедиа им. Родченко. В 2022–2023 годах училась в Школе современного искусства «Свободные мастерские» МОМА, затем была отобрана в числе десяти художников в «Открытые студии Винзавода» десятого сезона, где работала над проектом «Лучезарный город» с октября по май 2024 года.

² Два масштабных текстильных коллажа (250 x 190 см и 250 x 220 см), о которых пойдет речь в статье, стали первыми экспериментами с тканью как художественным медиумом в проекте Елены. Параллельно с работой над ними художница также выполнила третий коллаж, но меньшего размера (170 x 40 x 3). Он был приобретен в коллекцию Дмитрия Пинского на ярмарке современного искусства Catalog в декабре 2023 года. В последующем, на итоговой выставке выпускников десятого сезона «Открытых студий» «Это нам приснилось завтра», прошедшей в апреле — мае 2024 года на Винзаводе под кураторством Анны Зайцевой, Елена выставила еще два текстильных коллажа под названием «Терриконы памяти». Однако в статье я сконцентрируюсь только на первых двух полотнах в силу того, что именно они дали начало этой текстильной серии, и их монументальности.

³ *Artist statement* — высказывание или манифест художника, в котором он объясняет, о чем его творчество, какие темы он прорабатывает и что хочет донести миру.

отправной точкой для ее творчества стало «снижение доверия к настоящему, нежелание принимать необратимость времени»⁴, а в основе актуальных художественных проектов лежит обращение к исследованиям памяти. Чтобы проанализировать этот проект через социологическую оптику, остановимся сначала на общем описании серии, затем на авторской рефлексии и концептуализации. Данный подход следует за логикой анализа художественного произведения [Уильямс, 2022: 69], которая в целом соотносится с одним из базовых методологических инструментов изучения визуального материала в социальных науках. Базу социологической концептуализации проекта составило интервью с Еленой, что позволило вывести на передний план позицию художницы в интерпретации своей работы⁵. Также мы будем обращаться к архивным материалам, в частности выпуску «Ленинградского киножурнала» 1948 г., публикациям в газетах «Знамя коммунизма», «Нелидовские известия» и другим. Все они были собраны художницей в рамках своего художественного исследования и любезно предоставлены для подготовки этой публикации.

«Лучезарный город»: описание художественного проекта

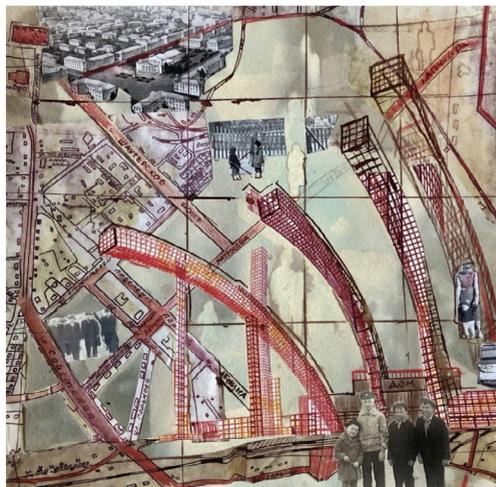
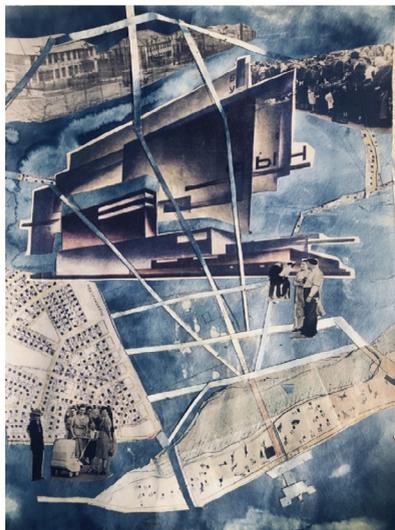
Работы Елены Шаргановой из серии «Лучезарный город» представляют собой масштабные текстильные коллажи, сделанные в смешанной технике с использованием фотопечати, ручного окрашивания ткани (методом цианотипии), машинного шва и ручной вышивки (см. рисунки 1 и 2). Экспериментируя с материалами, художница обращается к ткани как одному из актуальных медиумов в современном искусстве, который, по мнению исследователей текстильного искусства или искусства волокна [Цветкова, 2018: 652], сокращает дистанцию между художником, его идеей и зрителем, за счет широко распространенной в обществе ассоциации с традицией и ремеслом [Митрофанова, 2019: 182].

На первом коллаже, где доминирует синяя гамма, в центре композиции — массивный архитектурный объект, выполненный из денима. Пространство полотна разделено геометрически выверенными линиями, которые интуитивно считываются как дороги. Этому восприятию также способствует обозначение улиц на них. В разных частях работы представлены фрагменты черно-белых фотографий. В левом верхнем углу — снимок улицы с малоэтажной застройкой, в правом — собрания людей, ниже — прогуливающейся пары. Среди этих фрагментов выделяется фотография семьи с коляской в левом нижнем углу, которая композиционно соединена с клиновидным отрезком ткани, представляющим собой карту меньшего масштаба, чем в основной композиции.

⁴ Цитата дана по портфолио, предоставлено художницей.

⁵ Интервью с Еленой было проведено 18 декабря 2023 года в «Открытых студиях Винзавода». Общая длительность нашего разговора составила около полутора часов.

На втором коллаже доминирует красная гамма⁶, однако ключевые элементы схожи — архитектурная доминанта в виде склоняющихся вперед небоскребов, дороги и фрагменты карты города, фотографии. Цветовые решения полотен не случайны, к их интерпретации обратимся позже.

Рисунок 1. Коллажи на бумаге, послужившие основой для первых текстильных коллажей Елены Шаргановой. Бумага, коллаж, фотография, смешанная техника. 27 x 22 см и 27 x 26 см, 2023 год
 Источник: фотографии предоставлены художницей.

По форме и содержанию эти полотна отчасти напоминают ментальные карты города [Линч, 1982]. Последние являются исследовательским инструментом в социальных науках и представляют собой изображение какой-либо местности, отражающее не только образ, но и социальный опыт информантов, сопряженный с физическим пространством [Веселкова, 2010: 6–7]. Однако «Лучезарный город» — это главным образом художественное высказывание, не подчиненное задачам социологического исследования города. Созданные в «Открытых студиях» коллажи не воспроизводят в строгом смысле историческую или современную карту Нелидова, впрочем, как и ментальные карты, которые отражают восприятие горожанами городской повседневности. Как отмечает Елена, это в первую очередь «проект о не случившемся будущем». Поэтому данное художественное высказывание может быть интерпретировано как одно из «пространств репрезентаций» в терминологии Анри Лефевра: это зона переживаемого, она «проникнута воображаемым и символикой и уходит корнями в историю — историю целого народа и каждого отдельного человека» [Лефевр, 2015: 55]. Образы и символы наполняют территорию и знания о ней, создавая пространство жителей, непосредственно использующих

⁶ Поскольку второй текстильный коллаж еще находится в процессе создания, его описание основано преимущественно на эскизе.

ее, — обжитое, не обязательно когерентное пространство. Чтобы понять, какие темы поднимает этот проект — о каком будущем идет речь, почему оно не случилось, по выражению художницы, и какие художественные средства сообщают зрителю об этом, — важно обратиться к истории города.

Рисунок 2. Текстильные коллажи из серии «Лучезарный город» Елены Шаргановой. Текстиль, ручное окрашивание ткани, коллаж, фотопечать на ткани, машинный шов, ручная вышивка. 250 x 190 см и 250 x 220 см, 2023 год
Источник: фотографии предоставлены художницей.

История Нелидова и ее художественное переосмысление

Статус города Нелидово Тверской области получил в 1949 году, а его развитие во второй половине XX века тесно связано с добывающей промышленностью⁷. После открытия угольных месторождений в 1930-х годах и приостановки разработок на время войны в конце 1940-х годов началась кампания по привлечению молодых специалистов на работу в шахтах. Духом энтузиазма большой социалистической стройки проникнут сюжет выпуска «Ленинградского киножурнала», посвященный строительству города⁸. Показаны молодые специалисты, которые «отдадут свои знания и силы созданию новой топливной базы», макет будущего города, а Нелидово назван «центром

⁷ История Нелидовского городского округа // Нелидовский городской округ. URL: <http://nelidovo.su/istoriya/?ysclid=lqdsqcl5y2329094566> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Нелидово, строительство города, 1948 год // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wkfLm36CJsg> (дата обращения: 20.12.2023).

будущего угольного района». По воспоминаниям родных Елены, романтическое восприятие усиливалось образом «города акаций», хотя ни одного из этих деревьев в Нелидове не сохранилось. В своем художественном исследовании Елена рассуждает о том, откуда мог взяться образ южного дерева в тайге, и связывает его с советской шахтерской романтикой: акация — одно из немногих деревьев, способных расти на безжизненной земле терриконов. В городской газете «Знамя коммунизма», впоследствии переименованной в «Нелидовские известия», отмечались «значительные работы по озеленению и благоустройству города» весной 1949 года, без уточнения, какие именно деревья были высажены⁹. Реальность шахтерского города, расположенного на болотах, была далека от южного курорта. Возможно, акации были высажены, но будучи чувствительными к перепадам температуры и заморозкам, не выжили¹⁰. Романтизация природы, пришедшая на смену теме покорения, характерна для советского дискурса 1950–1980-х годов. Именно в этот период на первый план вышло восприятие природы как партнера в достижении целей индустриального развития, появилась тенденция «эстетизации природы и увязывания ее с вечной красотой» [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016: 120].

Привлеченный агитационными материалами, дед Елены приехал в город — так возникла тесная связь истории ее семьи с этим местом. Однако в 1990-е годы все шахты были закрыты, и начался естественный отток населения в более крупные города. Как пишет Елена в своем портфолио, «*история "города будущего" подошла к концу*»¹¹.

В своих коллажах художница сочетает реальные исторические материалы, такие как карты города и фотографии из семейного архива, с композиционными элементами, отсылающими к конструктивистским проектам 1920–1930-х годов. Так, доминантами обеих работ выступают утопические архитектурные фантазии Якова Чернихова, название серии заимствовано у проекта идеального города Ле Корбюзье, а композиционно доминирующая развязка на первом коллаже вдохновлена планом города Бразилиа, основанном на принципах, сформулированных французским архитектором. Будучи разработанным в конце 1940-х, план Нелидова является правопреемником градостроительных идей, сформулированных ранее конструктивистами. Лучевидный фрагмент реальной карты города, закрепленный на первом текстильном панно, перед которым размещены фотографии семьи с коляской, испещрен хаотично нанесенной черной строчкой, усиливающей эффект близости — «внутренней связи» жителей (см. рисунок 3). Эта связь обусловлена не только спецификой малого города как такового, но и социалистической идеей, объединившей молодых специалистов из разных городов.

⁹ Максимов С. Вставали копры на болотах. Нелидово: День за днем // Знамя коммунизма. 1985. Выпуск от 16 марта.

¹⁰ В качестве одной из инициатив в рамках своего проекта художница размышляет об организации высадки адаптированных к условиям агрессивной среды акаций, тем самым желая воплотить идею социальной скульптуры Йозефа Бойса.

¹¹ Цитата дана по портфолио, предоставлено художницей.

Рисунок 3. Детали текстильного коллажа Елены Шаргановой
Источник: фотографии предоставлены художницей.

Доминирующие цвета на коллажах выбраны не случайно. На первом полотне синий цвет является результатом экспериментов художницы с цианотипией — старинным методом фотопечати с использованием солей железа и последующим проявлением отпечатка под лучами ультрафиолета. Эта техника набирает все большую популярность в рамках художественной фотографии — пикториализма [Ермолова, 2018: 121]. Как отмечает Елена, идея использовать цианотипию пришла к ней во время работы с архивом семейных фотографий и из стремления интегрировать в собственную художественную практику историю семьи и города. Как результат, полотно, по словам художницы, представляет собой «огромную засвеченную фотографию». Работа с данной техникой фотопечати, наряду с использованием архивных фотографий, с одной стороны, позволяет получить уникальное изображение, с другой стороны, сближает субъективное художественное высказывание с практикой документирования социальной реальности. Цветовая гамма второго полотна в первую очередь обусловлена цветовым решением архитектурной фантазии Якова Чернихова. В создании обоих полотен художница использовала фрагменты старой одежды членов своей семьи — джинсов своих и чужих, юбки мамы, — тем самым усиливая связь произведения с семейной историей и давая этим материалам вторую жизнь в соответствии с популярным трендом на апсайклинг — преобразование старого текстиля в вещь с новым функционалом. В рассказе художницы тема несбывшегося будущего усиливается историей о красном материале, из которого выполнена архитектурная фантазия на втором коллаже: это ткань, когда-то заготовленная бабушкой Елены для обивки гроба, была приобретена

«с рук» в конце 1990-х годов и представляла собой длинный отрез шириной не больше 80 сантиметров. Помимо того, что сама красная гамма вызывает ассоциацию с советским прошлым, размер ткани, по предположению Елены, говорит о том, что изначально она могла быть заготовлена для транспаранта с лозунгом. Однако и в качестве потенциальной обивки для гроба материал потерял свою актуальность в связи с изменившейся похоронной модой, в конце концов попав в руки художницы. Эта история создает дополнительный ностальгический и драматический контекст восприятия произведения.

Поскольку в основе «Лучезарного города» лежит художественное исследование Нелидова, подразумевающее не только собственно осмысление текущего положения города, но в первую очередь — работу с архивами и воспоминаниями родных художницы и других горожан, это обеспечивает близость данного проекта качественными методами в социальных науках [Hannula, 2009: 111–112], точнее — биографическому методу в социологии и современным исследованиям памяти, и обуславливает его значимость. Предприняв попытку концептуализировать проект в рамках социологии, выделим как минимум три актуальные темы, которые он затрагивает: разочарование в коммунистической идее и ностальгия по прошлому, проблема развития индустриальных городов, связь коллективной и индивидуальной памяти.

Разочарование в коммунистической идее и ностальгия по прошлому

Одна из ключевых тем, поднимаемых «Лучезарным городом», — ценностно-смысловой контекст великих советских строек, разочарование в коммунистической идее в период социальных, политических и экономических трансформаций и ностальгия по прошлому в посткоммунистическом обществе. Несмотря на то что «центр будущего угольного района» не относится к числу мегапроектов СССР, период его основания — конец 1940-х — совпадает с принятием четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, направленного на борьбу с последствиями Великой Отечественной войны. Энтузиазм «первых людей» в городе — строителей шахт, добытчиков угля — ярко отражен в торжественной тональности позднесоветских публикаций, обращенных в будущее: «их [строителей, добытчиков] эстафета будет передаваться из поколения в поколение, будет вечной»¹². Закрытие шахт в Нелидове пришлось на эпоху перестройки, распада Советского Союза и разочарования общества в коммунистической идее. Как справедливо отмечают социологи, «упадок индустриальности — это не просто сворачивание производства, это упадок всего комплекса социальных устоев, ценностей и чувств, постепенный распад индустриальной культуры» [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 90]. В таком смысле упадок индустриальности является частью травматичных социальных изменений в посткоммунистическом обществе,

¹² Максимов С. Вставали копры на болотах. Нелидово: День за днем // Знамя коммунизма. 1985. Выпуск от 16 марта.

нарушивших сложившийся мир коллективных смыслов и ценностей, образа жизни и паттернов поведения [Штомпка, 2001: 11; Ядов, 2004: 350]. Материальная среда воплощает сложной смысловой и эмоциональный контекст этого распада, что прослеживается в рассказе Елены:

«Это поражает... Когда ты смотришь на это — огромная карта [выработок] — и ты понимаешь, что ничего не сохранилось. [...] Они [шахты] закрыты, затоплены. Там проблема была — болото и обводнение. Ты себе представляешь, как сложно это поддерживать, ведь все затопливается. Болото на место возвращается, и сейчас ничего нет. Там есть террикон с 25-этажный дом, и с него — до горизонта эта тайга — лес. И это все были разработки подземельные — на сколько глаз хватает, но ты понимаешь, что уже все. Весь этот труд — он вроде как и был, и вроде как и не был».

Разочарование в идеалах минувшего времени тесно связано с несбывшимися надеждами на «вечную эстафету» и переживанием ностальгии. Ностальгия по индустриальному прошлому нашла свое выражение в творчестве местных жителей — стихах и песнях, вышедших в региональных газетах и журналах в 1990-х годах. Среди них ярко выделяется «Шахтерская прощальная», в которой два главных героя буквально поминают прошлое рядом с заброшенной шахтой. Обращаясь к образам, подчеркивающим тоску («давит память и в горле першит», «перед тобой [шахтой] виноватые», «в снах спускаемся снова в забой»), автор подчеркивает сложность адаптации шахтеров к новой жизни в других ролях:

*«Очень тяжко рабочим рукам,
Загрубевшим от угольной пыли,
Привыкать к непривычным делам:
Труд шахтерский они не забыли»¹³.*

Кризис индустриальности, повлекший за собой изменение профессионального пути, образа жизни и разрушение ценностей, заложенных энтузиазмом коммунистической стройки, затронут в «Лучезарном городе» как размышлении о прошлом и нереализованных траекториях развития города — во взгляде на будущее из прошлого.

Проблема развития индустриальных городов в настоящем

Второй важной проблемой, поднятой в проекте Елены, является проблема развития (или вымирания) индустриальных городов, многие из которых — моногорода, то есть населенные пункты, все предприятия и службы которых относятся к одной отрасли [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2011: 212].

¹³ Кузнецова Л. Шахтерская прощальная // Нелидовские известия. 1999. Выпуск от 28 августа.

Нелидово не входит в федеральный список моногородов¹⁴, поскольку помимо добывающей промышленности во второй половине XX века в городе были построены заводы и комбинаты других отраслей (также пострадавшие в постперестроечный период). Однако разработка угольных месторождений — ключевая причина основания и развития города, что подчеркивается в газетных публикациях об его истории в позднесоветский период: «рождением города мы обязаны тем людям, кто пришел сюда, чтобы добывать уголь, строить шахты, а с ними — заложить город»¹⁵. Даже после закрытия шахт беглый поиск в открытых источниках демонстрирует, что в публичном пространстве Нелидово позиционируется как «шахтерский город», «город шахтерской славы», «угольная столица Тверской области».

Нелидово разделяет судьбу многих поселений страны, представляющих собой в настоящее время «законсервированную квинтэссенцию» индустриальной эпохи [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2011: 216]. Исследователи отмечают, что процесс сжатия городов, под которым понимаются комплекс негативных демографических процессов и экономический спад, типичен для многих стран в конце XX века, однако широкое распространение этих процессов в России тесно связано с постсоциалистической трансформацией [Гуныко, Еременко, Батунова, 2020: 122]. Сужение пространства возможностей предопределяет отток человеческого капитала: население Нелидова снизилось практически вдвое за последние. Эта проблема не уникальна для Нелидова — статистические данные о динамике численности населения в малых городах фиксируют значительное преобладание убыли над ростом населения в большинстве федеральных округов [Симагин, 2020: 767]. Таким образом, тема, поднятая художницей, значима в контексте не только судьбы одного города, но и судеб индустриальных городов в целом. В этом смысле символично, что одна из дорог на первом коллаже обозначена не названием улицы, а фразой «на Москву». Как объясняет Елена, среди первопричин данного проекта — ее личный отъезд из города: «я уехала, потому что невозможно было там развиваться». В пространстве мегаполиса данная проблема может быть легко узнана зрителями, многие из которых сами приехали из другого города. Это косвенно подтверждается рассказом Елены о высоком отклике аудитории, посещающей Винзавод, и проведенным автором статьи пилотным исследованием посетителей «Открытых студий», посвященном их родному городу, эмоциональному контексту возвращения в него и образу будущего¹⁶.

¹⁴ Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) от 29 июля 2014 г. // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата обращения 30.01.2024).

¹⁵ Максимов С. Вставали копры на болотах. Нелидово: День за днем // Знамя коммунизма. 1985. Выпуск от 16 марта.

¹⁶ Пилотное исследование было проведено в январе — марте 2024 года, в рамках него посетителям «Открытых студий» предлагалось записать ответы на три вопроса: «1) Твой родной город? 2) Что ты чувствуешь, возвращаясь в него? 3) Каким он станет через 30 лет?» Всего было собрано 267 писем посетителей. Данное исследование не претендует на репрезентативность, однако оно позволило сформулировать важные темы для обсуждения на последовавшей за ним групповой дискуссии «Локальная история и память места» 19 апреля 2024 года на Винзаводе с участием художниц Елены Шаргановой, Марии Сафроновой, Сании Саженской, художественного критика

Рассуждая о возвращении в родной город, большинство ответивших называют положительные или смешанные эмоции (47% и 27% соответственно), объясняя, что он является важной опорой, где «ты на своем месте» — твой дом, родные и близкие, место спокойствия и часть личной истории. Однако если речь идет о негативных эмоциях, которые посетители в своих письмах отмечали в целом реже, в 38% случаев они связаны с тем, что город, по их мнению, уменьшается в связи с оттоком населения, приходит в запустение, снижается уровень жизни. Художественный проект Елены как способ актуализации социальной проблемы затрагивает вопрос не только о сохранении и передаче истории, но и о перспективных направлениях развития города.

Проработка коллективной и индивидуальной памяти

Третья затронутая в проекте «Лучезарный город» проблематика — связь коллективной и индивидуальной памяти. Коллективная память, будучи множественной памятью в той мере, в какой множественны социальные группы в обществе, является важной основой формирования индивидуальной памяти [Хальбвакс, 2005: 17]. Анализируя данную взаимосвязь в контексте индустриального города, важно опереться на исследования собственно «индустриальной памяти». Для последней характерны краткосрочность с точки зрения временного периода (для Нелидова — с конца 1940-х до середины 1990-х годов), идея всемогущества человека, массовый характер, травмированность в связи с «угасанием» стержневых индустриальных центров и, как следствие, разрушением сложившейся культуры вокруг них, восприятие через призму советскости [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 80–101]. Ощущение травмированности от резких социальных трансформаций красной нитью проходит через темы, которые Елена поднимает в своем художественном исследовании. Возвращение ландшафта терриконов природе — той карты выработок, от которой ничего не осталось, — поднимает вопрос о сохранении мест памяти. А проблематика физического пространства города как базиса для социальной памяти приобретает особое значение в свете угрозы потери идентичности. В контексте закрытия предприятий горнодобывающей промышленности, имевших ключевое значение для истории города и городской идентичности, невозможность профессиональной реализации в личных нарративах рабочих раскрывалась в газетных публикациях в 1990-е годы с помощью метафоры гибели: «мы — подводная лодка с последним глотком воздуха»¹⁷. Шахта наделялась чертами человека: «шахта медленно умирает»¹⁸.

Анастасии Хаустовой, куратора Майкла Арутюняна и автора этой статьи. Среди написавших письма только для 12% Москва была родным городом, еще 26% ответивших переехали в столицу из крупных городов с населением от 500 тыс. человек.

¹⁷ Мангазеев И. Шахтеры: гвардия умирает, но не сдается // Комсомольская правда Твери. 1995. Выпуск от 25 августа.

¹⁸ Кузнецов В. Убывающий город. Типичные проблемы типичной российской угольной шахты // Новое время. 1997. № 7.

Этот пессимистический взгляд в связи с прекращением выработок как градообразующего стержня и оттоком населения заставляет опасаться за будущее города и, как следствие, собственную идентичность, что подтверждается в рассказе Елены:

«Мне страшно, а если он [город] вообще исчезнет. А если я приеду, а там снесли дома. Мне бы не хотелось, чтобы это исчезло, потому что... это отношения, память, люди, история моей семьи [...] это надо хранить как-то... в себе».

Работая в данном проекте с прошлым города — как с историей места, так и с ожиданиями его строителей — мечтами о светлом будущем, Елена пытается осмыслить свою идентичность и идентичность жителей Нелидова в настоящем. Через память происходит «переосмысление ключевых координат осознания себя как общности» [Рождественская, Семенова, 2011: 28], а художественная практика является способом межпоколенческой коммуникации не просто о произошедших событиях, но о том, что необходимо передать о них [Николаева, 2020: 5], то есть на этом этапе осуществляется ценностно-смысловой отбор информации. Рассказ об истории города на текстильных полотнах содержит в себе важные компоненты такой коммуникации: основание города как регионального центра добывающей промышленности (фиксация действия, произошедшего в прошлом), объединившую строителей города социалистическую идею (как фиксацию принимаемых договоренностей) и сложный эмоциональный контекст — энтузиазм прошлого и трансформацию ценностей в постсоветский период. Используя в текстильных панно снимки из семейного архива, Елена закрепляет связь своей семьи и себя с местом, что подтверждает значимую роль фотографии в качестве инструмента документирования социальной идентификации [Мещеркина, 2004: 95].

В целом «Лучезарный город» можно рассмотреть как пример рефлексивной ностальгии в терминологии Светланы Бойм, связывающей историческое и индивидуальное время, размышление о конечности и невозвратности прошлого [Бойм, 2019: 117]. Это не только проект, рассказывающий о «не случившемся будущем», но и инструмент коммеморации — сохранения и передачи индустриальной памяти, памяти местных сообществ, отдельной семьи и жителя города.

Заключение

Значимость художественного проекта «Лучезарный город» Елены Шаргановой обусловлена не только экспериментом с техническими средствами создания произведения искусства в поисках личного художественного стиля и эффективного способа донесения идеи произведения до аудитории, но и исследовательской позицией художницы, сближающей искусство с актуальной социальной проблематикой. Серия коллажей, как и весь проект,

посвященный городу Нелидово, представляет собой, с одной стороны, художественный метод для творческой работы с индустриальной памятью и переозначивания прошлого, а с другой стороны — открывает пространство для социологической концептуализации. Мы выделили три ключевые проблемы, затронутые в концепции проекта и актуализированные в интервью с художницей. Во-первых, это сложный ценностно-эмоциональный контекст «упадка индустриальности». Закрытие предприятий добывающей промышленности — часть социальных трансформаций, связанных с переоценкой коммунистических идеалов прошлого и изменением образа жизни. Во-вторых, это актуальная проблема перспектив развития индустриальных городов, многие из которых, как Нелидово, являются малыми городами и переживают демографический кризис в связи с оттоком населения. В-третьих, в этом проекте художница прорабатывает воспоминания, связывающие индивидуальную и коллективную память — семейную, профессиональную, локальную историю и более широкий исторический контекст. Тем самым Елена размышляет о собственной идентичности. В то же время это проект ностальгический — рефлексирующий о прошлом и невозможности повернуть время вспять, что может быть описано понятием «рефлексирующая ностальгия», предложенным Светланой Бойм [Бойм, 2019]. «Лучезарный город» может стать отправной точкой для дискуссии о локальной истории, будущем и стратегиях развития индустриальных городов в художественном сообществе и, шире, публичном пространстве.

Литература/References

Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Boym S. (2019) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ.)

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Е.: Издательство Уральского университета, 2022. EDN: [CMCGLL](#)

Vandyshv M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) *Industrialnaya pamyat: masshtaby i mnozhestvennost* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2010. № 31. С. 2–29. EDN: [MUCUBJ](#)

Veselkova N. V. (2010) City Mental Maps: Issues of Methodology and Empirical Experience. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya:4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. No. 31. P. 2–29. (In Russ.)

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 112–133. EDN: [VUYMCP](#) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>

Veselkova N., Vandyshv M., Pryamikova E. (2016) The Discourse of Nature in Young Towns. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 15. No. 1. P. 112–133. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>

Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. № 1. 2011. С. 208–224.

Veselkova N., Pryamkova E., Vandyshev M. (2011) Monocity: Dilemmas of Designing Space. *Topos* [Топос]. No. 1. P. 208–224. (In Russ.)

Гунько М. С., Еременко Ю. А., Батунова Е. Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. Т. 29. № 3. С. 121–141. EDN: [MSETBH](#) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>

Gunko M. S., Eremenko Yu. A., Batunova E. Yu. (2020) Planning Strategies in the Context of Urban Shrinkage in Russia: Evidence from Small and Medium-Sized Cities. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No. 3. P. 121–141. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>

Ермолова А. А. Возрождение пикториализма в современном фотоискусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1. С. 119–127. EDN: [UQKKUJ](#)

Ermolova A. A. (2018) The Revival of Pictorialism in Contemporary Photo Art. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. No. 1. P. 119–127. (In Russ.)

Лефевр А. Производство пространства. Пер. с фр. И. Стаф. М.: Streike Press, 2015.

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Transl. from. French by I. Staf. Moscow: Streike Press. (In Russ.)

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

Мещеркина Е. Ю. Фотография из семейного альбома // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2004. Т. 2. № 2–3. С. 95–96. EDN: [QBKJUD](#)

Meshcherkina E. Yu. (2004) The Photo from a Family Album. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 2. No. 2–3. P. 95–96. (In Russ.)

Митрофанова Н. Ю. Современное текстильное искусство в поисках новых форм, смыслов и средств выразительности // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019. № 1. С. 176–190. EDN: [XCBTXJ](#)

Mitrofanova N. Yu. (2019) Modern Textile Art in a Search for New Forms, Meanings and Means of Expression. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.YA. Vaganovoj* [Bulletin of Vaganova Ballet Academy]. No. 1. P. 176–190. (In Russ.)

Николаева Ж. В. Документирование социальной реальности // Фотография. Изображение. Документ. 2020. № 9. С. 4–5. EDN: [PEYIUP](#)

Nikolaeva Zh. V. (2020) Documenting the Social Reality. *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument* [Photography. Image. Document]. No. 9. P. 4–5. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 27–48. EDN: [QBKNXB](#)

Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. (2011) Social Memory as an Object of Sociological Study. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 5. No. 6. P. 27–48. (In Russ.)

Симагин Ю. А. Демографические проблемы малых городов России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. № 15. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 764–768.

Simagin Yu. A. (2020) Demograficheskie problemy malyh gorodov Rossii [Demographic Problems of Small Towns]. In: *Rossiya: Tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik* [Russia: Trends and Prospects of Development. Annual]. No. 15. Moscow: INION RAN. P. 764–768. (In Russ.)

Уильямс Г. Как писать о современном искусстве. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2022.

Williams G. (2022) *Kak pisat o sovremennom iskusstve* [How to Write About Contemporary Art]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». (In Russ.)

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Под ред. М. Габовича. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and Historical Memory]. In: M. Gabovich (ed.) *Pamyat o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 16–50. (In Russ.)

Цветкова Н. Н. Текстильный арт-объект в искусстве XX — XXI веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. № 8. СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. С. 652–660. EDN: WZXPGI DOI: <https://doi.org/10.18688/aa188-7-64>

Tsvetkova N. N. (2018) Tekstilnyj art-obekt v iskusstve XX–XXI vekov [A Textile Object in the Art of the 20th–21st Centuries]. *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual Problems of Theory and History of Art]. No. 8. Saint-Petersburg: Izdatelstvo SPBGU. P. 652–660. (In Russ.)

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Shtompka P. (2001) Social Change as Trauma. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)

Ядов В. А. «Посткоммунистические» трансформации с позиций современных теорий // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 346–355. EDN: PBTJOL

Yadov V. A. (2004) “Postkommunisticheskie” transformacii s pozicij sovremennyh teorij [Modern Theories on Post-Communist Transformation]. In: L. M. Drobizheva (ed.) *Rossiya reformiruyushhayasya* [Russia Is Reforming]. Moscow: Institut Sociologii RAN. P. 346–355. (In Russ.)

Hannula M. (2009) Catch Me If You Can: Chances and Challenges of Artistic Research // *Art & Research*. No. 2. P. 109–129.

Сведения об авторе:

Гольман Евгения Андреевна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, куратор, Москва, Россия. **E-mail:** eve.golman@list.ru. **РИНЦ Author ID:** [806364](https://elibrary.ru/author/id/806364); **ORCID:** [0000-0002-6432-7294](https://orcid.org/0000-0002-6432-7294).

Статья поступила в редакцию: 01.03.2024

Принята к публикации: 20.06.2024

BAK: 5.4.6

Textile Collage as the Artistic Method to Comprehend Industrial Memory: the Analysis of the Project “Radiant City” by Elena Sharganova

DOI: [10.19181/inter.2024.16.3.2](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.2)

Evgeniya A. Golman Independent Researcher, Moscow, Russia
E-mail: eve.golman@list.ru

The article is focused on the sociological analysis of the project “Radiant city” of Elena Sharganova, resident of the tenth season of Open Studios at the Center of Contemporary Art Winzavod (2023/24), that is devoted to the artist’s hometown — Nelidovo — and consists of a series of textile collages, made with mixed media techniques including photo printing, cyanotype,

machine seam, hand embroidery. Sociological conceptualization of the project is made based on the interview with the artist, analysis of archive publications kindly provided by the artist, and researches on social memory and industrial cities. Based on the interpretation of collages as spaces of representation in terms of Henri Lefebvre that represent a zone of experience, in which images and symbols fill in physical space and knowledge about it, the article shows that the "Radiant city" is the artist's reflections on Nelidovo's unrealized development trajectories and destinies of small industrial cities in general. There are three key topics raised by the artist in this project: disappointment in communism and nostalgia for the past, the problem of small industrial cities' development, interrelation of collective and individual memory. Elena Sharganova's project significance is defined by experiments with art mediums and a research approach that brings together art and social issues.

Keywords: memory studies; industrial city; industrial memory; contemporary art; visual sociology

Author Bio:

Evgeniya A. Golman — Candidate of Sociology, Independent Researcher, Curator, Moscow, Russia. **E-mail:** eve.golman@list.ru. **RSCI Author ID:** 806364; **ORCID:** [0000-0002-6432-7294](https://orcid.org/0000-0002-6432-7294).

Received: 01.03.2024

Accepted: 20.06.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.3

EDN: ZQWFJI

Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов

Ссылка для цитирования:

Сергеева О. В., Недосека Е. В. Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 49–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.3> EDN: ZQWFJI

For citation:

Sergeeva O.V., Nedoseka E.V. (2024) Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 49–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.3>

Сергеева Ольга Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет;
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

Недосека Елена Владимировна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nedelena@socinst.ru

Несколько десятилетий назад увлеченный исследователь, ищущий информацию о руинах современности — структурных последствиях быстрых экономических изменений, — нашел бы относительно мало материалов для работы. Но сегодня тот же поиск выявляет необычайное усиление академического и общественного интереса к руинам недавнего прошлого и связанным с ними заброшенным пространствам. Авторы статьи включаются в дискуссию и исследуют образы деиндустриализации, которые создаются и распространяются в онлайн-сообществах туристов-энтузиастов, путешествующих

по заброшенным местам, или, как их иногда называют, городских разведчиков. Цель работы — понять, как посредством любительских фотографий воспроизводится народная политика взгляда на переставшую использоваться индустриальную инфраструктуру. Народная политика взгляда представляет собой означивание и наделение смыслом заброшенных руинизированных пространств при внесении их в кадр и последующей публикации фотографий в социальных медиа. Авторы опираются на идеи архитектора и историка И. де Сола-Моралеса, называющего оставленные людьми пространства «неопределенными» (*terrain vague*). Фотоизображения неопределенных пространств играют важную роль в присвоении им значения. Чтобы понять, какие значения формируют народную политику взгляда, авторы используют неттографический метод погружения в онлайн-сообщества путешественников во «ВКонтакте» и Telegram и фиксируют повторяющиеся иконографические элементы «заброшки». Деиндустриализация на фотографиях определяется через утрату человека, о котором свидетельствуют следы — вещи и тексты прошлого. Человек замещается природой, становящейся новым агентом опустевшего пространства. Авторы обсуждают общность образов, которые воспроизводят фотографы-любители, и медийных клише из популярного кино и видеоигр. Фотографии представляют собой способ объяснения пространства и пространственного опыта. Но кроме того, как любое другое произведение, фотография передает не только и не столько фактические характеристики изображаемых объектов, благодаря которым мы можем сложить представление о них (в данном случае — о пространствах), но также аффекты, переживания. Так, фотография становится средством, с помощью которого мы формируем ценностные суждения об увиденных местах.

Ключевые слова: деиндустриализация; руины; неопределенное пространство; индустриальный туризм; репрезентация; визуальные клише; фотография; иконография

Введение

Пустующие заводские здания, оставленные складские территории и автостоянки есть в разных странах мира. Зачастую они называются «ржавыми поясами» по аналогии с бывшими промышленными территориями США, переживающими социально-экономический спад. Эти кейсы вызывают интерес не только у экономистов, политиков и планировщиков среды, но и философов, аналитиков культуры, современных художников и дизайнеров, работающих с ландшафтами запустения. Более того, существует несовпадение дискурсов о заброшенных, руинизированных местах в традиционном городском планировании и в гуманитарно-художественных текстах. Управленцы воспринимают такие места как проблему, в центре их внимания — рост неблагополучия и угроза для жителей из-за ассоциаций девиации и маргинальности, которые вызывают нежилые здания. Следовательно, управленческий дискурс

ориентируется на инициативы преобразования, борьбу с вероятной антиобщественной деятельностью и возвращение этим местам качества позитивных ресурсов.

Наряду с управленческими, интервенционистскими аргументами растет количество работ, стремящихся подчеркнуть творческую функциональность и философскую ценность руинизированных пространств. Многие ученые, работающие в этой области, стратегически используют разрушение и заброшенность, чтобы критиковать то, что они считают ограничительными механизмами, которыми регулируется современная городская среда. Испанский архитектор и историк И. де Сола-Моралес полагает, что оставленная людьми «неопределенная местность» (*terrain vague*) — это пространство, в котором отсутствие формального использования может создать ощущение возможностей и свободы [Sola Morales, 1995: 119]. «Скелеты» руин обнажают напластования различных культурных слоев, давая идеи городскому ландшафтному планированию и дизайну. Они визуализируют диалектику производства и потребления (и разрушения) чрезмерно запрограммированной городской среды.

Вместе с тем разрушенная форма представляет собой один из самых устойчивых репрезентативных приемов в мировой художественной традиции. Современные образы руин неизбежно находятся под влиянием шаблонов их видения и изображения. Поэтика руин преимущественно основана на их аллегорических возможностях сообщать о быстротечности времени, вызывать меланхолию, ностальгию, трепет ужаса или воодушевление героикой прошлого. Хотя начиная с XVIII века культ руин волнами сопровождал западную современность, на рубеже третьего тысячелетия, по мнению исследователя культурной памяти А. Гюйссена, развилась странная одержимость руинами как часть гораздо более широкого дискурса и эстетического освоения темы социальных травм [Huysen, 2006: 7].

Пейзажная фотография, посвященная упадку и разрушению когда-то освоенных пространств, приходит на выставки, становится объектом рассматривания, а затем и превращается в моду ближе к началу XXI века. Одним из поворотных моментов считают выставку 1975 года «Новая топография: фотографии ландшафта, измененного человеком», которая прошла в музее фотографии Дж. Истмана в Рочестере, штат Нью-Йорк. Художественные проекты пейзажного направления выдвигают на первый план, а не стирают человеческое воздействие, тем самым фотографии постулируют ответственность людей за будущее ландшафта, что перекликается с социальной критикой. Профессиональное фотоизображение деиндустриальных пространств отражено в работах ряда фотографов: Э. Буртинского [Burtynsky, 2005], Т. Лэма [Lam, 2013], К. Х. Вергары [Vergara, 1999].

Однако наряду с профессионально создаваемыми образами индустриальных руин в нашем мире распределенного знания и цифровой фотографии присутствует народная практика визуальной репрезентации брошенных мест. Циркулируя онлайн, эти фотографии зачастую собирают в социальных сетях сообщества тех, кто занимается посещением разрушающихся, оставленных объектов, или они просто становятся темой подборок на сайтах, посвященных

фотографии. Цель статьи — реконструировать народную политику взгляда на переставшую использоваться индустриальную инфраструктуру, отраженную в фотографиях туристов-энтузиастов или городских разведчиков, интересующихся «заброшками» [Garrett, 2010]. Согласно нашему определению, народная политика взгляда — это означивание и наделение смыслом заброшенных и руинизированных мест туристами-энтузиастами или городскими разведчиками посредством их внесения в фотокадр. Сегодня народная политика взгляда осуществляется благодаря возможностям Интернета. В нашем исследовании мы фиксируем сюжеты и иконографию «заброшки», чтобы реконструировать направленность народной политики взгляда, посредством которой продвигаются опасения, ностальгия, критика, разочарование и другие представления и эмоции. Мы также можем проследить тенденции конвергентной культуры в использовании непрофессионалами визуальных шаблонов популярных медийных образов руин из фильмов-катастроф и видеоигр.

Эмпирическим материалом для анализа стали открытые для публичного доступа фотографии индустриальных объектов из тематических сообществ во «ВКонтакте» и Telegram. В статье мы используем подход Э. Панофски, предполагающий иконографический анализ и иконологическую интерпретацию изображений. Для понимания образов деиндустриализации немаловажно, что по сравнению с фотографиями индустриализации, которые делались в эпоху централизованного тиражирования, сегодня туристы фотографируют все и много, разделяя эти впечатления с глобальной аудиторией. Казалось бы, расширяются возможности для создания разных визуальных версий деиндустриализации, но так ли это? На этот вопрос отвечает наше исследование.

Исследования деиндустриализующихся пространств

Нас интересует деиндустриализация в качестве запечатленного процесса, то есть того, что, во-первых, ощутимо представлено в различных ландшафтах, где может оказаться человек; во-вторых, захвачено в этих ландшафтах взглядом фотографа-любителя. Чтобы точнее определить задачи и результаты нашего исследования, мы размечаем область накопленного опыта, относящегося к репрезентативно-пространственному аспекту деиндустриализации.

Закрытие заводов, уменьшение нагрузки на востребованную когда-то дорожную, трубопроводную и т.п. инфраструктуру, миграция и сжатие городов в научной литературе отразились в разнообразии понятий, которыми стали обозначать меняющиеся пространства: «пустоши» (wastelands) [Lynch, Carr, 1979], «лишние пространства» (superfluous landscapes) [Nielsen, 2002], «заброшенная земля» (derelict land) [Kivell, Hatfield, 2018], «мертвые зоны» (dead zones) [Doron, 2000], «потерянное пространство» (lost space) [Trancik, 1991], «пустующая земля» (vacant land) [Pagano, Bowman, 2000] и «неопределенные пространства» (vague spaces) [Larsen, Brandt, 2018]. Нередко используется термин «заброшка» (abounded).

В российском междисциплинарном дискурсе исследований пространства деиндустриализированные объекты обозначаются понятиями «заброшка», «руины» и «ржавый пояс». В рамках этого дискурса культуролог и историк искусства В. В. Дегтярев [Дегтярев, 2023] выявляет философский смысл разрушения и утраты, а дизайнер и культуролог Л. Ю. Салмин размышляет о диалектике общих процессов развития и стагнации «трещин», сущности красоты и уродства, предостерегая от безумия цивилизации бесшовного глянца [Салмин, 2023]. Социолог Р. Н. Абрамов предлагает типологию «заброшек» на основе различий, которые используют сами городские туристы в отношении мест их экспедиций [Абрамов, 2014]. А. А. Масленников и С. А. Тесленок рассуждают о заброшенных военных городках, обсуждая причины их запустения и картографируя их ареалы [Масленников, Тесленок, 2020]. Постоянно пополняется комплекс работ, посвященных конкретным регионам. Например, Е. С. Волкова и Ю. Н. Ковалевская рассматривают механизмы возникновения ареалов заброшенности на Дальнем Востоке в конце XX — начале XXI века [Волкова, Ковалевская, 2022]. М. В. Клиценко и Д. С. Целуйко акцентируют внимание на потенциале «заброшек» в Хабаровске, их ценностях и новых возможностях использования [Клиценко, Целуйко, 2022]. Д. С. Поликарпов с соавторами изучает функционирование заброшенного объекта внутри обычного городского пространства на примере кинотеатра «Энтузиаст» в Москве и недостроенного военного городка в Санкт-Петербурге [Поликарпов, Пустовалова, Сененко, 2023].

Отдельным направлением междисциплинарной аналитики становится репрезентационная практика совершающих походы по руинам. Стоит отметить, что туристическое фотографирование представляет собой изученное явление. В частности, О. Ю. Бойцова излагает идеи о типичных приемах фотографирования, свойственных путешественникам, что имеет значение и для нашего исследования [Бойцова, 2013: 108–120]. Р. Н. Абрамов пишет о выработанных правилах представления «заброшек» в сообществах урбекс (urban exploration; urbex), то есть о так называемой визуальной грамматике создания снимков. Согласно Абрамову, иконография — ключ к обнаружению видов заброшенных пространств [Абрамов, 2014]. Исследователи уделяют внимание и фоторепрезентациям опыта «городских туристов-разведчиков» [Шевелев, 2014; Тимофеева, 2018; Бугрова, 2022]. В. П. Чумакова рассматривает эстетизацию запустения и разрушения в вернакулярной фотографии, размещаемой в русскоязычных социальных медиа, которые создают интерактивную среду дополнения, переделки и обсуждения визуальных образов. Как и нас в настоящей статье, В. П. Чумакову интересует бытование фотографий в современных медиа, угадывание отсылок к устойчивым культурным образам, распознавание мест съемки, выполнение пользователями рисунков и коллажей, воспроизводящих клишированную эстетику захолустья [Чумакова, 2018].

Основываясь на социокультурных исследованиях опустевших территорий и их присутствия на фотоснимках, мы считаем актуальными вопросы повседневного (то есть вернакулярного/народного) кодирования

пост- и деиндустриального состояния пространства. С помощью каких приемов туристы-фотолюбители показывают нам деиндустриализующиеся места? Известный тезис о производстве пространства настраивает нас как социологов изучать способы установления отношений с пространством через его репрезентацию. В ряду этих способов присутствует и самостоятельная семантическая активность совершающих походы по заброшенным местам.

Деиндустриализующееся пространство как неопределенное пространство

Обращаясь к практике фотографирования и народному взгляду на деиндустриализующееся пространство, мы привлекаем идеи И. де Сола-Моралеса о «неопределенном пространстве» (*terrain vague*). В эссе 1995 года И. де Сола-Моралес рассматривает фотографию в качестве принципиально значимого медиума, помогающего нам воспринять «вещество» и содержание городской среды: «Технология фотографирования развивалась в унисон с ростом больших городов. Образы Парижа, Берлина, Нью-Йорка и Токио, а также обитаемых континуумов первого, второго и третьего миров вошли в нашу память и наше воображение посредством фотографии. Пейзажная фотография, аэрофотоснимки, фотографии зданий и людей, живущих в больших городах, представляют собой основной источник информации, который позволяет осознать архитектурную и человеческую реальность современного мегаполиса» [Sola Morales, 1995: 118]. То есть манипуляции с запечатленными камерой объектами — кадрирование, композиция и детализация — решающим образом повлияли на наше восприятие архитектуры и ландшафтов.

Принимая точку зрения И. де Сола-Моралеса о конструирующей роли фотографии в понимании города / архитектуры / пространства, культурный географ Э. Пинеiros сближает эти размышления с концепцией симулякра Ж. Бодрийяра [Pineiros, 2016: 18]. Изображения на фотографиях способны имитировать жизненное пространство таким образом, что представляется сложным отделить посредничество от реальности. Городская улица, парк или руины, «став картинкой», выявляют, как писал Ж. Бодрийяр, радикальную необъективн. Создаваемая симуляция формирует наш мысленный образ пространства и то, как мы его воспринимаем и чувствуем.

И. де Сола-Моралес констатирует появление примерно в 1970-х годах совершенно другого фототекста, направляющего наш взгляд, а именно: глаз фотографа покоряется пустым, заброшенным пространством. Это пространство исследователь обозначает французским выражением *terrain vague*, которое передает такие смыслы, как пустота, открытость, неизвестность, безымянность, переходность состояния. И. де Сола-Моралес размышляет о знаковой функции неопределенного пространства, которое, попав в кадр, транслирует изменившиеся урбанистические акценты и новые концепции города.

Изображение неопределенных, то есть оставленных людьми, заброшенных пространств играет важную роль в присвоении значения этим пространствам. Поскольку в отношении их репрезентации не ведется четкого и всеобъемлющего регулирования по сравнению с другими локусами, например, центрами городов, местами массового туризма и т.п., они открыты для тематизации посредством низовых практик различных агентов, в том числе туристов-энтузиастов. Неопределенность местности стимулирует воображение. Опираясь на этот тезис, мы анализируем фотографии «заброшки», сделанные энтузиастами походов в «неглянцевые» руинизированные места.

Методология исследования

Объектом нашего исследования выступают фотографии заброшенных, руинизированных индустриальных пространств, которым в трактовке И. де Сола-Моралеса свойственны неопределенность, открытость для наполнения смыслами. Работа с фотографиями проводилась в логике иконографическо-иконологического подхода, предложенного Э. Панофским для интерпретации изображений [Панофский, 1999]. Согласно данному подходу, «иконография — это описание и классификация образов... это... по сути своей вспомогательное исследование, результаты которого дают нам сведения о том, где и когда те или иные темы обрели зримую реальность в определенных мотивах... Иконология — это скорее синтетический, чем аналитический метод интерпретации» [Панофский, 1999: 48–49]. Наша эмпирическая работа включала следующие этапы:

- определение онлайн-ресурсов, на которых туристы-энтузиасты размещают фотографии заброшенных индустриальных мест;
- онлайн-сбор фотоданных;
- доиконографическое описание или фиксация признаков изображений — повторяющихся объектов, композиции, ракурса;
- иконографический анализ (систематизация изобразительных приемов, использованных фотографами-любителями) и иконологическая интерпретация (обсуждение смысла изображения).

Фотографии руин образуют отдельный жанр, популярный у создателей визуального сетевого контента. Например, фотохостинг Pinterest агрегирует постоянно пополняющиеся коллекции «заброшки» со всего мира. Однако тематически ориентированные фотографии концентрируются прежде всего в онлайн-сообществах «альтернативных туристов», или «городских разведчиков», как они сами себя называют. При отборе сообществ мы руководствовались следующими критериями: тематическая направленность (группа должна быть посвящена заброшенным пространствам), высокая популярность сообщества в социальной сетях (не менее тысячи подписчиков), регулярная коммуникация внутри сообщества (не менее двух постов в месяц), активность участников сообщества (лайки и репосты фотографий) и продолжительная история существования сообщества (не менее двух лет).

Отобранные для эмпирического анализа онлайн-сообщества

Наименование сообщества	Онлайн-платформа	Количество подписчиков	Ссылка
Urban Exploration	ВК	8529	https://vk.com/urban_explorations
URBAN3P [project]	ВК	14000	https://vk.com/urbantrip
Заброшенное	Telegram	29045	t.me/outciv

Сбор данных проходил осенью 2023 года как процедура просмотра ленты изображений в выбранных сообществах. В данной ситуации просматривание ленты, или скроллинг, становится визуальным онлайн-поиском, позволяющим охватить как можно больше изображений, связанных с изучаемой темой. Такая процедура входит в практику социологов в качестве эффективной и необходимой для иконологической интерпретации. Как отмечает Н. М. Сергеева, «На помощь синтетической интуиции социолога приходят поисковые системы сети Интернет. Сегодня архивы визуальных данных в сети стремительно расширяются, а значит, растут шансы результативного поиска визуальных соответствий, позволяющих как решать социологические задачи иконологической интерпретации, так и в целом проследить в изображениях типичные сюжеты, повторяющиеся символы и клише» [Сергеева, 2021: 137–138].

Хронологическая глубина нашего поиска основывалась на среднем количестве постов в месяц в сообществах. У «Urban Exploration» в среднем 6 постов, в «URBAN3P» [project] — 14, в то время как на Telegram-канале «Заброшенное» ежемесячно размещается примерно 70 постов. Исходя из объема публикаций, доступных в каждом из источников, мы просмотрели ленту сообщений в сообществах «ВКонтакте» за год с июня 2022 по июнь 2023 года, а также альбомы сообщества, закрепленные на «стене», а в Telegram — только за три летних месяца 2023 года. Можно говорить об общем примерном количестве просмотренных постов, равном 450, но количество отобранных изображений больше этого числа, поскольку один пост может включать несколько фотографий.

Мы не делали архива изображений, а просматривали ленту сообществ. Тем самым наша работа была похожа на онлайн-наблюдение за репрезентационной практикой энтузиастов «заброшки». Параллельно со скроллингом мы делали аналитические заметки, фиксируя такие признаки фотоизображений, как повторяющиеся объекты, особенности композиции (статичная или динамичная) и специфика ракурса. Фиксация признаков не предполагала их подсчета. Полевые заметки соответствовали методологии качественного подхода. Отметим также, что мы не описывали фотографии с изображением обезлюдивших деревень, дворянских усадеб, полагая, что эти сюжеты не относятся к теме деиндустриализации.

По результатам аналитических заметок мы смогли представить доиконографическое описание основных характеристик фотографий в виде схемы (рис. 1).

статичная композиция изображения

Рисунок 1. Схема изобразительных мотивов и элементов, типичных для фотографий заброшенных пространств

Схема направляет наши выводы. Во-первых, для фоторепрезентаций «заброшки» характерна статичная композиция с преобладанием вертикальных и горизонтальных линий у объектов в кадре. Во-вторых, рамочная структура схемы передает сочетание общих и частных изобразительных мотивов и элементов, которые включают фотографии «заброшки». Соответственно, исследователи (и мы в том числе) сначала наблюдают, фиксируют и классифицируют то, что изображено. Затем зафиксированное описывается с учетом исторических «корней» и особенностей бытования изображений в культуре, это и есть этап иконографии. После чего решается задача иконологического заключения, представляющего выводы о передаваемых изображениями смыслах и о циркуляции этих смыслов.

Технологии создания изображений — от карандаша до цифровых камер — через особенности своего устройства предписывают варианты пользовательских действий. Вездесущность и доступность съемки и легкость публикации приводят к тому, что современный опыт путешествий неразрывно связан с фотографированием. Для туристов и поисковиков, проводящих разведку в труднодоступных и необычных местах, фото- и видеоматериалы имеют статус отчетов, которые квалифицируют уровень их навыков как первооткрывателей. Недаром в некоторых сообществах вход в состав участников происходит через предоставление результатов съемок, и это оценивается голосованием. Путешественник в труднодоступные, покинутые места является зрителем. Мы отмечаем включенность технологии в придание смысла социальным группам, использующим данные технологии. В итоге разведка пустующих пространств создает поток репрезентаций и формирует народную политику взгляда, выделяющую «заброшенное» по отношению к другому пространству.

Результаты исследования и дискуссия

Переставшие использоваться здания и инфраструктура исключены из обычных городских практик, а значит, по мнению И. де Сола-Моралеса, открыты для какого-то иного определения. Энтузиасты «городской разведки» видят в этих местах альтернативную среду. Соответственно, для понимания практики означивания важно ответить на вопрос: как и с помощью каких

изобразительных приемов придается значение инаковости и альтернативности оставленного пространства?

Донесение до зрителей идеи заброшенности начинается с композиции фотографии. Статичность мира в фотокадре создается доминированием вертикальных и горизонтальных линий, иногда — симметрией линий и объектов. Фотографии с панорамным видом зданий в ландшафте либо с изображением цеха или бывших жилых помещений обязательно изобилуют линейными формами, поддерживающими концепцию неподвижности. Фотографии композиционно передают остановку жизненных процессов.

Для иконографии фотографического опыта туристов, посещающих заброшенные индустриальные места, характерны: 1) отсутствие человека; 2) изображение буйства растительности или агентности природы; 3) репрезентация вещей и текстов прошлого или визуализация агентности материальных объектов. Каждый из этих воспроизводимых, повторяющихся сюжетов можно разложить на более частные элементы, к которым относятся, например, ржавчина, плесень, мох, поврежденные стены, окна и т.д. Однако мы делаем иконологическую интерпретацию, фокусируясь не на частных, а на трех основных наблюдаемых нами характеристиках данных фотографий.

Отсутствие человека

Особое значение образам пустого пространства на фотографиях придается с момента ее появления. Как пишет искусствовед Е. В. Васильева, фотографирование архитектуры и природы без людей легитимировало художественные претензии фотографии, поскольку тем самым приближало ее к стандартам пейзажной живописи. Кроме того, «эффект пустоты» создает дистанцию между повседневностью, обыденным «людским» порядком и удивительным другим миром [Васильева, 2019: 69, 79]. Поэтому, с одной стороны, и для современных фотографов-любителей заброшенных мест принципиальным определением инаковости запечатлеваемой среды является отсутствие в ней человека. С другой стороны, избегание «портретов на фоне» представляет собой попытку отделить свой опыт от банализированной туристической фотографии.

При изучении любительской фотографии антрополог О. Ю. Бойцова констатирует ключевую характеристику фотографий, сделанных путешественниками, — присутствие человека на фоне посещаемого места. Через включение себя в кадр рядом с достопримечательностью происходит, по мнению Бойцовой, туристическое потребление [Бойцова, 2013: 109]. Связь с местом, в котором ты побывал, становится явной при позировании «внутри» ландшафта. Но путешествие к руинизированным местам демонстрирует иную иконографию, а именно — отсутствие человека-персонажа (рис. 2). Помимо дистанцирования от тривиальности массовой туристической фотографии такой способ фотографирования приближается к исследовательским фотографиям, когда необходимо представить находку и ее состояние. Находкой в данном случае является пустота, утрата, а также человеческий след с почти забытыми артефактами. Изображения не фиксируют жизнь

как действие, а наталкивают на размышления о пространствах, где жизнь разворачивалась. Из этого наблюдения следов и последствий возникают маргинальные эстетика и поэтика, намекающие на потенциальную красоту самых неожиданных мест.

Рисунок 2. Фотография заброшенного пространства без человека
Источник: сообщество "Urban3p" (публикуется с разрешения автора)¹

Буйство растительности или агентность природы

Согласно традиционному анализу руин, разрушающаяся каменная кладка напоминает о течении времени и эфемерности культуры перед лицом вторжения природы [Зиммель, 1996: 228]. Насколько тщательно объектив фотографа «заброшки» следит за уменьшением человеческого присутствия, настолько воодушевленно он документирует рост мхов, трав, деревьев (рис. 3). Природа берет верх, показывая свою агентность в заполнении оставленных человеком пространств. Обезлюдивший мир наполняется зеленью, и мы часто видим «пустые, проросшие как зерна дома» [Толстая, 2014: 157].

Сюжет с буйной растительностью воспроизводит клишированную оппозицию техники и природы, свойственную мировоззрению общества модерна. Промышленная революция и урбанизация сформировали в западной культуре институцию управляемой городской «зеленой инфраструктуры», поэтому городское сжатие типично видится как то, что влечет всплеск природного.

¹ Мы благодарим Алексея Самошкина за разрешение использовать эту фотографию в настоящей публикации.

Сегодня в популярной культуре циркулируют как позитивные, так и негативные образы «дикой природы». Позитивный образ в значительной степени связан с эпохой романтизма рубежа XVIII–XIX веков, идеализировавшей естественные стихии, на которые тогда только началось воздействие производственной деятельности человека индустриальной эпохи. Между тем образ природы в качестве опасного «инога» архетипически укоренен в культуре человечества и проявляется в разные периоды в элементах картины мира. Вспомним, например, фольклорные мотивы дикого леса — если не как источника страха, то как зоны иночеловеческого. Столь понятные нам экологические идеи заботы и охраны, а не противостояния, стали продолжением современных представлений о природе «как мастерской»: стихия расколдована и требует ответственного отношения к себе. Наконец, в литературной и кинофантастике, откликающейся на философские повороты, в частности на обсуждаемый в наши дни онтологический поворот, создаются агенты, обладающие «чужой феноменологией». Иногда это могут быть расы разумных растений, например триффиды из романа и фильмов «День триффидов». Нам представляется важным влияние популярной культуры на то, что альтернативность заброшенных мест показывается как мир за пределами мира людей через фотографическое наблюдение за агентностью растений.

Рисунок 3. Фотография деиндустриального места и природы
Источник: сообщество "Urban Exploration" (публикуется с разрешения автора)²

² Мы благодарим Алексея Аригато за разрешение использовать эту фотографию в настоящей публикации.

Стихия природы имеет очень разные смыслы: она может быть источником страха, но также умиротворения и романтической красоты, она может воплощать «чужую феноменологию», что и характеризует народную политику взгляда на индустриальную «заброшку».

Вещи и тексты прошлого, или агентность материальных объектов

Туристы-энтузиасты «заброшки» создают портреты старых вещей. Взгляд фотографов «заброшки» постоянно сосредотачивается на материальной среде, превращая, казалось бы, ненужные вещи в экспонаты. Оставленные индустриальные пространства функционируют как музеи: в них можно найти удивительные вещи прошлого — старые машины и механизмы, лабораторную посуду, пропагандистские лозунги, товарные накладные и путевые листы. Все они фиксируют утраченные социальные отношения, разворачивавшиеся на этой арене, хранящей память о профессиональных общностях и социальных ролях, которые выполняли работавшие здесь люди. Человеческое тело как призрак здесь также присутствует: все объекты демонстрируют тот факт, что с ними обращались, использовали и в конечном счете уничтожали человеческие руки.

Особыми экспонатами, попадающими в кадр городских разведчиков, являются тексты лозунгов, школьные тетради, квитанции, справки, школьные аттестаты, которые хранят память об особенностях письменной культуры прошлого. Изобразительный прием соединения руин и слов, пришедших из прошлого, также укоренен и имеет иконографическую традицию. На граффити Рима Дж. Б. Пиранези можно увидеть слова, обращенные к римским гражданам, сохранившиеся на древних зданиях, арках и постаментах. Надписи, ставшие историей, если мы их можем прочесть, направляют наше понимание ушедшей эпохи. Слова «ударники коммунистического труда» и «доска почета», найденные в аутентичном интерьере, точнее передают знание о советских ритуалах.

Народная политика взгляда как повторение шаблонов

Наше исследование образов деиндустриализации, которые создаются и транслируются через социальные медиа, обнаруживает несвободу взгляда при всех социотехнических возможностях фотографа, снимающего вне давления редакционных рамок и снабженного персональным гаджетом. Обезлюдившие неопределенные пространства, названные так И. де Сола-Моралесом, включены в процессы означивания и репрезентации. Возможно, такие места остаются без регулярной управленческой кодификации, но существуют социальные группы, заинтересованные в том, чтобы их увидеть и определить. Городские разведчики и энтузиасты походов в руинизированные места воодушевлены инаковостью и непохожестью «выпавшего из определения» пространства. Их иконография всячески подчеркивает другой мир «заброшки», но эта иконография имеет устойчивые культурные формы.

Широко признано, что руины создают мощный символический резонанс в силу своей индексальной связи с крупными, формирующими мир историческими силами. Полуразрушенные здания и ржавеющие промышленные сооружения по всему миру демонстрируют превратности экономических циклов и их социальные последствия, однако не ограничиваются только этим. Разнообразие символических значений поломок и трещин основано на приучении зрителей к визуальной риторике руин, набору общих трактовок, которые опираются на фундамент, состоящий из обширного репертуара живописи, кинематографа, видеоигр (рис. 4, 5 и 6).

В итоге неопределенное пространство деиндустриализированных объектов «определяется» шаблонно, на основе ряда иконографических элементов. Фотограф-любитель создает сообщение о заброшенном пространстве в соответствии с устоявшейся визуальной грамматикой, на которую повлияли популярные произведения о посткатастрофических мирах. Пример широко известной в постсоветских странах игры S.T.A.L.K.E.R. хорошо демонстрирует закономерности современной конвергентной культуры: фанатские видео, снятые в «заброшках», ссылаются на локации игры (рис. 5).

Рисунок 4. Скриншот

Источник: фильм «Сталкер» (реж. А. Тарковский, 1979 год)

Народная или низовая политика взгляда, применяемая к местам деиндустриализации, обусловлена медийными шаблонами. Она направлена на то, чтобы свидетельствовать и интерпретировать тектонические сдвиги в социальной жизни.

Рисунок 5. Скриншот
Источник: видеоигра S.T.A.L.K.E.R. (GSC Game World, 2007 год)

Рисунок 6. Скриншот
Источник: фильм «Я-Легенда» (реж. Ф. Лоуренс, 2007 год)

Заключение

Политико-экономические изменения, обозначаемые понятием «деиндустриализация», имеют визуальное воплощение. Мы наблюдаем (иногда в черте городов, иногда за их пределами) опустевшие здания и пространства, но нам также доступны их репрезентации. Одна из репрезентационных практик воспроизводится группами туристов-энтузиастов или городских разведчиков, посещающими руинизированные места. Такие путешественники создают фото и видео и делятся этим материалом в онлайн-сообществах. Их деятельность отражает «народную политику взгляда», применяемую к деиндустриализующимся местам. В статье мы определили народную политику взгляда как означивание и наделение смыслом заброшенных и руинизированных мест туристами-энтузиастами посредством их внесения в фотокадр.

Современный путешественник, или фланер, является своего рода «генератором» онлайн-контента. Погружение в поток фотографий в онлайн-среде позволяет говорить об «обратной логике» в политике взгляда туристов или городских разведчиков: если обычный путешественник делает фотографии «я на фоне», то фотографии деиндустриализующихся мест концентрируются на отсутствии человека и буйстве растительности, замещении человека природой. Типичны также музеефикация артефактов, фотографирование вещей (агрегатов, механизмов и т.п.) и текстов (лозунгов, документов) прошлого без людей. Такая иконография служит смысловой цели передать альтернативность, инаковость пространства, которое больше не используется человеком.

Наше исследование показало, что «прочтение» конкретного места или объекта как руин требует согласования с уже существующим дискурсом о руинах. Другими словами, деиндустриализированные пространства и объекты должны быть представлены в образной форме «катастрофической иконографии». Они должны следовать определенной визуальной грамматике, что объясняет мимирию современных изображений заброшенных пространств, представленных в фильмах, видеоиграх и в подборках фотографий на сайтах по всему миру.

Фотографии представляют собой способ объяснения и переозначивания пространства и пространственного опыта. Кроме того, фотография передает не только и не столько фактические характеристики изображаемых объектов, благодаря которым мы можем составить представление о них, но также и аффекты, переживания от опыта их посещения. Фотография становится средством, с помощью которого мы формируем ценностные суждения об увиденных местах.

Литература / References

Абрамов Р. Н. «Забутые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях / Под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 231–255. EDN: [RWRQHZ](#)

Abramov R. N. (2014) "Zabytye v proshlom": osvoenie zabroshennykh prostranstv i fenomen novogo gorodskogo turizma ["Forgotten in the Past": The Development of Abandoned Spaces

and the Phenomenon of New Urban Tourism]. In: O. Brednikova, O. Zaporozhec (eds.) *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. City in Details]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 231–255. (In Russ.)

Бугрова Е. Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2022. № 3. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.54347/Lab.2022.3.2> EDN: QOIEJE

Bugrova E. D. (2022) Industrial Ruins: Modern Decay and Tourism. *Labyrinth: Teorii i praktiki kultury* [Labyrinth: Theories and Practices of Culture]. No. 3. P. 16–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.54347/Lab.2022.3.2>

Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. EDN: XMMYYF

Boitsova O. Yu. (2013) *Lyubitelskie foto: vizualnaya kultura povsednevnosti* [Amateur Photos: the Visual Culture of Everyday Life]. St. Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Васильева Е. В. Ранняя городская фотография: к проблеме иконографии пространства // *Международный журнал исследований культуры*. 2019. № 4. С. 65–86 DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00052> EDN: TWUUJE

Vasilyeva E. V. (2019) Early City Photography: to the Question of the Iconography of Space. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury* [International Journal of Cultural Research]. No. 4. P. 65–86. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00052>

Волкова Е. С., Ковалевская Ю. Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: «созидательное разрушение» или «медленное насилие»? // *Известия Восточного института*. 2022. № 1. С. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/78-90>

Volkova E. S., Kovalevskaya Yu. N. (2022) Ruins in the Post-Soviet Far East: “Creative Destruction” or “Slow Violence”? *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. No. 1. P. 78–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/78-90>

Дегтярев В. В. Память и забвение руин. М.: НЛО, 2023.

Degtyarev V. V. (2023) *Pamyat i zabvenie ruin* [The Memory and Oblivion of Ruins]. Moscow: NLO. (In Russ.)

Зиммель Г. Руина // *Избранное*. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227–233.

Simmel G. (1996) *Ruina* [Ruin]. In: *Izbrannoe*. T. 2. Sozercanie zhizni [Selected Works. Vol. 2. Contemplation of Life]. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Клиценко М. В., Целуйко Д. С. «Заброшки» города Хабаровска в структуре городского пространства // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 3. С. 100–113 DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Klitsenko M. V., Tseluiko D. S. (2022) Khabarovsk Abandoned Buildings in Urban Space Structure. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. No. 3. P. 100–113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Масленников А. А., Тесленок С. А. Классификация, характеристика и картографирование заброшенных военных городков // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2020. № 1. С. 72–76. EDN: NGZDWI

Maslennikov A. A., Teslenok S. A. (2020) Classification, Characterization, and Mapping of Abandoned Military Towns. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i socialno-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences]. No. 1. P. 72–76. (In Russ.)

Пановский Э. Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса // *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Академический Проект, 1999. С. 43–57.

Panofskij E. (1999) *Ikonografiya i ikonologiya: vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa* [Studies in Iconology Humanistic Themes in the Art of the Renaissance]. In: *Smysl i tolkovanie izobrazitelnogo iskusstva* [Meaning in the Visual Arts]. St. Petersburg: Akademicheskij Proekt. P. 43–57. (In Russ.)

Поликарпов Д. С., Пустовалова С. Ю., Сененко М. С. Городские руины: визуальность социальных смыслов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 3. С. 92–111 DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6> EDN: RDSQIU

Polikarpov D. S., Pustovalova S. Yu., Senenko M. S. (2023) Urban Ruins: Visuality of Social Meanings. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 15. No. 3. P. 92–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6>

Салмин Л. Ю. Апология трещины // Проект байкал. 2023. № 74. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.74.21>

Salmin L. Yu. (2023) The Anthropology of The Crack. *Proekt Bajkal* [Project Baikal]. No. 74. P. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.74.21>

Сергеева Н. М. Визуальный онлайн-поиск как инструмент иконографического визуального исследования в социологии // Человек в информационном обществе. С.: Издательство Самарского университета, 2021. С. 135–138. EDN: NUFKHN

Sergeeva N. M. (2021) Vizualnyj onlajn-poisk kak instrument ikonograficheskogo vizualnogo issledovaniya v sociologii [Visual Online Search as a Tool of Iconographic Visual Research in Sociology]. In: *Chelovek v informacionnom obshhestve* [Person in Information Society]. Samara: Izdatelstvo Samarskogo Universiteta. P. 135–138. (In Russ.)

Тимофеева С. О. Архитектурные руины как объект туризма // Туризм: технологии & тренды. Е.: Издательство Уральского университета, 2018. С. 229–235.

Timofeeva S. O. (2018) Arhitekturnye ruiny kak obekt turizma [Architectural Ruins as an Object of Tourism]. *Turizm: tehnologii & trendy*. [Tourism: Technologies & Trends]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo Universiteta. P. 229–235. (In Russ.)

Толстая Т. Н. Легкие миры. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014.

Tolstaya T. N. (2014) *Legkie miry* [Light Worlds]. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoi. (In Russ.)

Чумакова В. П. Эстетика руин в вернакулярной фотографии русскоязычных социальных медиа: постановка проблемы исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 3. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90> EDN: YNGMOD

Chumakova V. P. (2018) The Aesthetics of Ruins in Vernacular Photography in Russian Social Media: Stating the Research Problem. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television]. Vol. 14. No. 3. P. 74–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90>

Шевелев Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // Микроурбанизм. Город в деталях / Под ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 42–63.

Shevelev E. (2014) Gorod (bez) cheloveka: praktiki osvoeniya pustyy i zabroshennyh prostranstv [A City (without) a Person: Practices for the Development of Empty and Abandoned Spaces]. In: O. Brednikova, O. Zaporozhecz (eds.) *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. City in Details]. Moscow: Nvoe literaturnoe obozrenie. P. 42–63. (In Russ.)

Burtynsky E. (2005) *China*. Göttingen: Steidl.

Doron G. M. (2000) The Dead Zone and the Architecture of Transgression. *City*. Vol. 4. No. 2. P. 247–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810050147857>

Garrett B. L. (2010). Urban Explorers: Quests for Myth, Mystery and Meaning. *Geography Compass*. Vol. 4. No. 10. P. 1448–1461. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2010.00389.x>

Huysen A. (2006) Nostalgia for Ruins. *Grey room*. No. 23. P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.1162/grey.2006.1.23.6>

Kivell P., Hatfield S. (2018) Derelict Land — Some Positive Perspectives. *Environment, Planning and Land Use*. London: Routledge. P. 118–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429457807-9>

Lam T. (2013) *Abandoned Futures: A Journey to the Posthuman World*. London: Carpet Bombing Culture.

Larsen J. L., Brandt J. (2018) Critique, Creativity and the Co-Optation of the Urban: A Case of Blind Fields and Vague Spaces in Lefebvre, Copenhagen and Current Perceptions of the Urban. *Urban Planning*. Vol. 3. No. 3. P. 52–69. DOI: <https://doi.org/10.17645/up.v3i3.1394>

Lynch K., Carr S. (1979) Open Space: Freedom and Control. *City Sense and City Design*. Cambridge; London: The MIT Press. P. 413–417.

Nielsen T. (2002) The Return of the Excessive: Superfluous Landscapes. *Space and Culture*. Vol. 5. No. 1. P. 53–62. DOI: <https://doi.org/10.1177/1206331202005001006>

Pagano M. A., Bowman A.O'M. (2000) *Vacant Land in Cities: An Urban Resource*. Washington: Center on Urban and Metropolitan Policy.

Pineiros E. (2016) *Terrain Vague and the Urban Imagery*. Nottingham: University of Nottingham.

Sola Morales De I. (1995) Terrain vague. *AnyPlace*. Cambridge: MIT Press. P. 118–123.

Trancik R. (1991) *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. Hoboken: John Wiley & Sons.

Vergara C.J. (1999) *American Ruins*. New York: Monacelli Press.

Сведения об авторах:

Сергеева Ольга Вячеславовна — доктор социологических наук, доцент, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** o.v.sergeeva@spbu.ru. **РИНЦ Author ID:** 433656; **ORCID ID:** 0000-0002-8093-609X; **ResearcherID:** C-2692-2016.

Недосека Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** nedelena@socinst.ru. **РИНЦ Author ID:** 664872; **ORCID ID:** 0000-0003-1944-0367; **ResearcherID:** AEJ-0997-2022.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024

Принята к публикации: 16.07.2024

БАК: 5.4.4., 5.4.6

.....

Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.3

Olga V. Sergeeva *St. Petersburg State University; Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

Elena V. Nedoseka *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: nedelena@socinst.ru

A few decades ago, an enthusiastic researcher would have found relatively few data to analyze, looking for such information about the ruins of modernity as the structural consequences caused by rapid cycles of industrialization and desolation, development and depopulation, conflict and reconciliation. However, conducting the same search today reveals an extraordinary increase in academic and public interest in the ruins of the recent past and the associated abandoned places.

The authors of this article join in the discussion and explore the images of deindustrialization posted and distributed in the online communities among abandoned sites enthusiasts. The aim of the research is to form an idea of “everyday life policy” about the abandoned industrial facilities popularized by amateur photographers. “Everyday life policy” is expressed through the signifying and conceptualizing the abandoned and ruined places when putting them in a close-up. The authors rely on the ideas of the architect and historian I. de Sola-Morales, who calls the places left by people “terrain vague”. Photographic images of the terrain vague spaces play an important role in conceptualizing them. In order to understand what meanings exactly shaped the public policy, the authors use the ethnographic method of immersion in the online VKontakte/Telegram communities of abandoned sites enthusiasts to discover the recurring iconographic elements of the derelict places. Deindustrialization in photographs is reflected through 1) loss of human; 2) violence of vegetation or nature agency; 3) artifacts and texts of the past or material objects agency. The authors discuss the similarities of the images taken by amateur photographers and those media clichés found in popular movies and video games. Photographs are a way of explaining space and spatial experience. Furthermore, like any other work of art, a photo conveys not only and not so much the actual characteristics of the depicted objects, thanks to which we can form an idea about them (in this case, about space), but also effects and experiences. Thus, a photograph becomes a tool that helps us form value judgments about the places we have seen.

Keywords: deindustrialization; ruins; terrain vague; industrial tourism; representation; visual clichés; photography; iconography

Authors Bio:

Olga V. Sergeeva — Doctor of Sociology, Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University; Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** o.v.sergeeva@spbu.ru. **RSCI Author ID:** 433656; **ORCID ID:** 0000-0002-8093-609X; **ResearcherID:** C-2692-2016.

Elena V. Nedoseka — Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Peterburg, Russia. **E-mail:** nedelena@socinst.ru. **RSCI Author ID:** 664872; **ORCID ID:** 0000-0003-1944-0367; **ResearcherID:** AEJ-0997-2022.

Received: 30.03.2024

Accepted: 16.07.2024

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.4
EDN: HMIIVW

Представления о доказательности в ветеринарной медицине мелких домашних животных

Ссылка для цитирования:

Щеглов Я.И., Чернова Ж.В. Представления о доказательности в ветеринарной медицине мелких домашних животных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 69–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.4> EDN: HMIIVW

For citation:

Shcheglov Ya.I., Chernova Zh.V. (2024) Perceptions of Evidence in the Veterinary Medicine of Pets. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 69–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.4>

Щеглов Яков Иванович

Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия

E-mail: yschglv@gmail.com

Чернова Жанна Владимировна

Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chernova30@mail.ru

Ветеринарная медицина мелких домашних животных (МДЖ) в России начала свое развитие в 1990-е годы и сейчас находится в процессе профессионального становления, вступая в диалог с традиционной ветеринарией сельского хозяйства. В последнее десятилетие активно развивается доказательный подход как основа принятия обоснованных решений в различных аспектах профессиональной практики. Ветеринария МДЖ — как относительно молодая, находящаяся на стадии формирования профессиональная область в рамках консервативной профессии ветеринарного врача — сталкивается с кризисом легитимности. Этот кризис связан с нехваткой специализированного

образования в области патологии собак и кошек, отсутствием утвержденных профессиональным сообществом и государством протоколов лечения МДЖ. Доказательный подход, основанный на фактических данных, является основой современной медицины и служит методом легитимации ветеринарной практики МДЖ. Он отвечает потребностям ключевых стейкхолдеров взаимодействия: коллег, государственных регуляторов в случае спорных ситуаций и владельцев животных как потребителей услуг.

В статье рассматривается типология восприятия доказательности среди ветеринарных врачей, специализирующихся на мелких домашних животных в России. На результатах анализа 35 интервью выделены три типа восприятия доказательности ветеринарными врачами МДЖ: традиционный, фронетический и резидентальный, а также определено, как данные типы влияют на профессиональные практики ветеринарных специалистов и рассматриваются в контексте доказательной медицины и ее текущего развития.

Ключевые слова: доказательный подход; ветеринарная медицина; социология профессий; дискурс доказательности

Введение

В последнее десятилетие активно развивается доказательный подход как принцип принятия обоснованных решений в самых различных областях профессиональной деятельности [Connor et al., 2023; LoBiondo-Wood, Haber, 2021]. Он исходит из представления о том, что обоснованием для принятия решений выступают результаты научных исследований. При этом доказательства имеют различную степень надежности и достоверности, оценка которых возможна на основании строгости исследовательского дизайна, то есть соответствия процедур сбора и анализа эмпирических данных стандартам научного (в первую очередь количественного) исследования. На этой базе выстраивается пирамида доказательств, где на вершине иерархии располагаются результаты систематических обзоров, внизу — мнения экспертов и материалы отдельных качественных исследований. «Золотой стандарт» в иерархии доказательств — рандомизированные контролируемые эксперименты, результаты которых рассматриваются как «объективные» данные, обеспечивающие обоснованность принимаемого решения с точки зрения достижения заявленного результата. На практике использование данного метода сталкивается с рядом проблем: высокой стоимостью подобных испытаний, воспроизводимостью в других социально-экономических и культурных контекстах, этикой проведения [Stunnenberg et al., 2020; Meskell, 2020]. Это актуализирует дискуссию о повышении уровня доказательности и признания результатов качественных исследований как наилучших доказательств для решения определенных задач и получения на их основе валидных результатов.

Критика доказательного подхода, активно развивается из-за сложившейся «тирании показателей» — доминирования количественных методов сбора

и анализа данных. В результате чего пересматривается ценность вклада качественных данных в формирование базы доказательств. Доказательство перестает рассматриваться как объективный факт, а трактуется в качестве социального конструкта, в производстве которого участвуют различные акторы, обладающие неравными статусами и ресурсами, а также следующие различным идеологическим принципам [Kozleski, 2017; Given, 2006; Greenhalgh, 2002].

Также проблематизируется сам концепт доказательств. Дебаты о природе и структуре доказательств привели к пониманию того, что нет универсальных и неизменных доказательств как объективных фактов. Данные как доказательства не существуют сами по себе вне контекста их создания, рассмотрения и использования. Они служат доказательствами только как ответ на конкретный вопрос. Также эмпирические данные должны соответствовать определенным методологическим правилам и стандартам их сбора и анализа. Доказательства — это данные, дающие основание для вынесения суждения, которое становится фактом (общепринятым или профессиональным) [Becker, 2017]. При оценке надежности и обоснованности доказательств учитывается не только строгость соблюдения методологических процедур, но и общий социокультурный, политический и профессиональный контекст производства профессионального знания.

Принципы доказательного подхода, который сейчас активно используется в разных сферах общественной деятельности, включая образование, социальное обслуживание, государственное управление, сформировались в рамках доказательной медицины. Доказательная медицина — это концепция принятия врачебных и управленческих решений с учетом результатов клинических исследований надлежащего качества, клинического опыта и ценностей пациента для помощи в его конкретном случае [Эттингер, Жарова, 2021]. Она возникла как массовое движение в начале 1990-х годов и первоначально была сосредоточена на обучении клиницистов понимать и использовать их в специализированных научных публикациях для оптимизации клинической помощи (включая навык проведения систематических обзоров). Некоторые авторы считают точкой зарождения доказательной медицины закон Кеффера — Харриса, принятый в 1962 году в США и обязавший Управление по контролю за продуктами и лекарствами проверять наличие у них пройденных испытаний на людях.

Уже в самом начале движение за доказательную медицину столкнулось с критикой, связанной с отсутствием в нем какого-либо новаторства. Ведь «хорошие врачи» и до этого выписывали медицинские журналы, читали статьи и собирали клинические случаи [Chalmers, 1993]. Новшество, однако, заключалось в том, что адепты доказательной медицины в ее новом формате предлагали переосмыслить то, что именно можно считать доказательством [Chalmers, Haynes, 1994]. «Доказательность» предполагала разделение на «хорошие/правильные» и «плохие/неправильные» дизайны исследований.

К настоящему времени доказательный подход в медицине продвинулся дальше, признавая ограниченность одних только количественных метрик

и подчеркивая необходимость их сочетания с субъективными оценками пациентов, включающими ценности и предпочтения в зависимости от пола, возраста, уровня образования и других социально-демографических характеристик [Djulfbegovic, Guyatt, 2017]. К исключительной экспертизе врача как специалиста, обладающего знаниями и навыками анализа профессиональной литературы, добавилось мнение пациента: его субъективное представление о собственном благополучии, отношение к экспертному знанию, доверие к институтам и готовность следовать правилам. Это сделало доказательность более комплексной, основанной как на количественных, так и качественных оценках состояния пациентов, что в итоге обеспечивает совместное принятие решений и повышает эффективность лечения [Greenhalgh, 2002].

Доказательность в ветеринарии МДЖ как средство внутри профессиональной борьбы

Ветеринарная медицина в России возникла в начале 1990-х годов, когда стали открываться частные ветеринарные клиники. Происходило это в ответ на формирующийся запрос рынка на услуги, связанные с заботой о животных-компаньонах, то есть тех животных, которых люди заводили для получения положительных эмоций, осуществления персонифицированной заботы и установления близости. Это существенным образом отличает ветеринарию мелких домашних животных (МДЖ) от ветеринарии сельскохозяйственной (СХ). Целью последней является удовлетворение запросов государства на производство и контроль качества продуктов животного происхождения, что отвечает интересам национальной безопасности. В то время как первая ориентирована на удовлетворение запроса эмоционально насыщенного рынка владельцев МДЖ.

В советский период владельцы кошек и собак могли обратиться в городские и районные ветстанции для совершения таких базовых манипуляций с животными, как кастрация и прививка от бешенства. В более сложных случаях (например, лечение перелома) операции могли проводиться профильными специалистами на базе ветеринарных институтов, которые были обеспечены редким на тот момент оборудованием (например, в Ленинградском ветеринарном институте был рентген). Развитое тогда служебное собаководство предполагало наличие в штате ветеринарного врача, задача которого заключалась в том, чтобы поддерживать популяцию собак, состоящих на службе в различного рода ведомствах. Частные владельцы могли обращаться к таким ветеринарам за помощью в неформальном порядке. Кроме того, были ветеринарные врачи, выезжавшие на дом к владельцам заболевших животных, однако подобные практики не были институционализированы и вписаны в устойчивую структуру сервисов для МДЖ.

Будучи молодой областью внутри сформировавшейся и довольно ригидной профессии ветеринарного врача СХ, ветеринария МДЖ испытывала кризис легитимности. Он был связан с отсутствием профильного образования

в области патологии собак и кошек; протоколов лечения МДЖ, утвержденных профессиональным сообществом и государством; контрольно-надзорного органа, имеющего полномочия применять санкции в случае нарушений в профессиональной деятельности [Щеглов, 2022]. Источником этого кризиса стало то, что ветеринарная медицина в целом управлялась работниками сельского хозяйства, работа которых имела жесткие государственные стандарты, такие как протоколы диагностики и лечения, кодекс «ветеринарно-санитарных мероприятий», а ветеринария МДЖ ничего подобного в своем арсенале не имела.

Необходимость отделиться от СХ ветеринарии и институционализировать собственный подход к лечению МДЖ привела к возникновению раздражательного изоморфизма [DiMaggio, Powell, 1983] с гуманной медициной (human medicine), где доминирует доказательный подход. Использование принципов доказательного подхода стало одним из орудий ветеринарных врачей МДЖ в их межпрофессиональной борьбе с СХ ветеринарами. Ветеринарные врачи МДЖ использовали дискурс доказательности для отстройки от «старой ветеринарии», находящейся под влиянием контролирующей государственной бюрократии, предлагая в качестве альтернативы образ светлых европейских ветеринарных клиник, использующих практики лечения с доказанной эффективностью. Дискурсивная ориентация на образ западной ветеринарии, зарубежных коллег и лучшие практики мировой медицины становится средством удержания доминирующего положения внутри новой организационной сферы теми институциональными акторами, которые успели занять в нем лидирующие позиции.

Доказательность как практика, основанная на фактических данных, служит одним из базисов современной медицины. В случае ветеринарии МДЖ доказательный подход становится способом легитимации, отвечающим на запрос на позиционирование себя перед ключевыми аудиториями взаимодействия: коллегами, регулятором в лице государства в случае спорных ситуаций и пациентами — потребителями услуг. Мы вводим понятие *дискурса доказательности* для обозначения особого типа профессионального знания, разделяемого ветеринарными врачами, стремящимися легитимировать свой профессиональный статус для регуляторов, представителей СХ ветеринарии как материнской профессии, а также потребителей услуг — владельцев МДЖ, заинтересованных в индивидуализированном и качественном лечении своих питомцев. Нас интересует, как формируется и используется представление о доказательности в профессиональной деятельности ветеринарных врачей мелких домашних животных.

Методология

Статья основывается на анализе полуструктурированных интервью с ветеринарными врачами (N=35), которые были проведены в 2020–2023 годах в Санкт-Петербурге для изучения специфики институционализации ветеринарной медицины МДЖ в крупных городах России. В соответствии с целью

исследования были выделены следующие критерии отбора информантов: наличие диплома о высшем профессиональном образовании, начало профессиональной деятельности (до 1990-х, до 2000-х, до 2010-х, после 2015 года), должность (профессиональный статус внутри организации). Гайд интервью состоял из следующих тематических блоков: профессиональная биография (основное и дополнительное профессиональное образование, профессиональная социализация, включенность в профессиональные сети и сообщества); ценности и этика работы ветеринарного врача; практические навыки и компетенции, опыт поиска решения сложных клинических случаев.

Поиск и рекрутирование информантов осуществлялись на основе типологизации клиник Санкт-Петербурга, исходя из размера, статуса и профиля организации (например, сетевая/несетевая, узко/многопрофильная, клиника/кабинет). Интервью проводились на рабочем месте информантов, их средняя продолжительность составляет 60 минут. Все собранные интервью были затранскрибированы и анонимизированы.

В качестве основного метода обработки эмпирических данных был использован тематический анализ [Flick, 2013], а именно индуктивный тематический анализ [Braun, Clark, 2012]. В результате кодирования были получены следующие семантические темы: профессия, профессионализация, организационный контекст, регулирование, образование, доказательная медицина, профессиональное сообщество. После чего они были объединены в латентную тему «доказательность», включающую следующие измерения: образование, практический опыт, профессиональное сообщество. Аналитическое различие внутри категорий позволило сконструировать типологию доказательности в представлении практикующих ветеринарных врачей МДЖ. Мы выделяем во-первых, доказательность «традиционного» типа; во-вторых, «фронетический» тип, при котором представления о доказательности основаны на индивидуальном опыте; в-третьих, «резидентальный» тип понимания доказательности, при нем доказательность понимается как вера авторитету.

Для проверки надежности собранных данных использовалась коммуникативная валидация [Tracy, 2010], предполагающая возвращение к участникам исследования и обсуждение с ними промежуточных и итоговых результатов анализа. Проверка первичного анализа интервью участниками исследования как метод валидации состояла из представления полученных результатов сотрудникам одной из ветеринарных клиник Санкт-Петербурга. После презентации аналитических интерпретаций исследователя было проведено групповое обсуждение, включающее уточняющие вопросы, комментарии и замечания от участников. Обсуждение длилось 1,5 часа. Диапазон мнений и реакций со стороны практикующих ветеринаров фиксировался исследователем в процессе дискуссии и послужил материалом для дальнейшего анализа данных.

Во время сбора и анализа эмпирических данных первый автор столкнулся с рядом этических проблем, связанных с профессиональной принадлежностью к исследуемому полю. Опыт получения высшего профессионального образования в области ветеринарии, а также практической деятельности

в качестве ветеринарного врача, в том числе и в коммерческих клиниках, обусловил двойной статус исследователя в отношении информантов, а также представленных ими нарративов. С одной стороны, принадлежность к профессиональному сообществу ветеринарных врачей существенно облегчала доступ к информантам, способствовала большей открытости в суждениях информантов, которые говорили с интервьюером на одном языке и не чувствовали искусственность ситуации интервью, которое представляло собой скорее диалог двух профессионалов, а не коммуникацию, инициированную и контролируемую интервьюером. Включенность в поле также помогала первому исследователю на этапе анализа данных, особенно когда задача была определить такую латентную тему, как доказательность. С другой стороны, «позиция инсайдера» требовала от исследователя дополнительной рефлексии во время как полевого, так и аналитического этапа работы. Например, в интервью возникали ситуации, когда общее понимание контекста приводило к разорванному нарративу, что сложно было зафиксировать во время разговора, а просьбы вернуться и пересказать тот или иной сюжет в более развернутом виде нарушали динамику коммуникации и воспринимались информантами как навязывание им формата общения с неопитом, что вызывало у них негативную реакцию. В качестве решения было выбрано подробное комментирование первым авторов транскриптов интервью для того, чтобы специфические детали и контекст были более артикулированными и лучше поддавались анализу со стороны исследователя, не включенного в данное профессиональное поле. Также на этапе кодирования транскриптов особое внимание уделялось триангуляции и коммуникативной валидации во избежание предвзятой трактовки результатов. Обсуждение полученных данных и их интерпретации рекомендуется проводить для валидации результатов. Однако сама процедура валидации не всегда четко прописана в методической литературе. Например, должен ли исследователь вносить изменения в содержательные выводы своей работы, если мнения информантов о полученных результатах разделились примерно пополам, а также как учитывать полученные во время обсуждения замечания и комментарии. В ходе представления результатов данного исследования таких ситуаций не возникло. При этом подобный способ валидации требует большего обсуждения в литературе о качественной методологии.

«Традиционный» тип понимания доказательности ветеринарными врачами МДЖ

«Традиционное» представление о доказательности в наибольшей степени напоминает конструкции доказательной гуманной медицины, заключающиеся в опоре при принятии решений на результаты клинических исследований, и характерно для молодых специалистов — «лоялистов» профессии. Основным мотивом становится артикулированное стремление ветеринарных врачей МДЖ отстроиться от ветеринарных врачей СХ. Это особенно актуально

на этапе входа в профессию из-за специфики российской образовательной модели ветеринарных врачей.

Ветеринарные врачи учатся пять лет и получают диплом без указания специализации и профилирования на различных видах животных; исключение составляют ветеринарно-санитарные эксперты и ветеринарные фельдшеры (для них предусмотрена специализация работы с рыбами, пчелами и птицами). Однако и данная спецификация является легко проницаемой. В случае окончания одного из «малых» факультетов¹ выпускнику присваивается квалификация «ветеринарный фельдшер», что позволяет ему работать с прочими видами животных в учреждениях различного типа. Трудоустройство в частные ветеринарные клиники возможно при наличии у работодателя желания ввести дополнительную штатную единицу — ветеринарного фельдшера. В случае получения квалификации «ветеринарный врач», согласно профессиональному стандарту, специалист может «оказывать ветеринарную помощь животным всех видов» (Профессиональный стандарт «Работник в области ветеринарии» от 12.10.2021 № 547н.), что существенно расширяет потенциальные возможности для профессиональной реализации.

Молодым специалистам необходимо не только очертить границы своей экспертизы, но и обозначить собственную позицию на арене межпрофессиональной борьбы за счет разделения на «мы» и «они».

«Мы здесь [в клинике] читаем нормальные статьи, а не их учебники»
(М., хирург в сети ветеринарных клиник).

Здесь «мы» — это «продвинутые» врачи, постоянно повышающие свою квалификацию и следящие за актуальными трендами в диагностике и лечении заболеваний МДЖ, а «они» — носители консервативной модели ветеринарии, чьи знания и навыки не всегда соответствуют современным запросам потребителей услуг. Выстраивание этой оппозиции обусловлено спецификой профессионализации ветеринарных врачей МДЖ, заключающейся в том, что они не могут опираться на знания и навыки, полученные в университете, для валидации собственного профессионального статуса — вследствие различия институциональных логик сельского хозяйства и ветеринарии животных-компаньонов. Полученное образование расценивается информантами не как образование низкого качества, а как неподходящее, поскольку оно не соответствует требованиям рынка ветеринарных услуг.

«Вот на последних курсах, например, паразитология была очень интересная, у нас N [имя преподавательницы] вела, круто все было это, слушать про все это, но вот мне это зачем здесь [на актуальном месте работы]? Я для себя так ходила, потому что интересно было» (Ж., врач стационара в крупном ветеринарном центре).

¹ «Малыми» называются факультеты, на которых готовят бакалавров, потому что там учится малое количество студентов относительно «большого» факультета ветеринарной медицины (специалитет).

Дихотомия «мы — они» базируется на отсутствии «у них» как релевантных знаний, так и навыков для «наших» мест работы. Поэтому «их» экспертиза ставится под сомнение как устаревшая и бесполезная в новых условиях, обесценивается за счет незнания современной, преимущественно англоязычной научной литературы:

«Ну, ты же понимаешь, что это все [учеба в академии] ради корочки. Мы с N, когда в хозяйстве работали, там да, было полезно, там я эти тряпки на палки наматывала (смеется), а здесь мне это все зачем? Ну и что, они [преподаватели академии] рассказывают про АСД [лекарственное средство] <...> они же сами не знают, они никогда в клинике и не были, читать что-то надо, книжки там всякие новые, переведенные, иностранная литература в идеале, хоть это и непросто — языка-то я не знаю» (Ж., специалист по визуальной диагностике в сети ветеринарных клиник).

Не только знание иностранного языка, но и умение ориентироваться в поле профессиональных иностранных источников становится для молодых врачей обязательным элементом валидации их профессионализма. Этот тип доказательности предполагает обращение к «настоящей науке» — надежным и достоверным результатам зарубежных исследований, выполненных по строгим стандартам. В то время как профессиональное образование в России выстроено исключительно вокруг СХ ветеринарии как основной и легитимной области проведения исследований и построения карьер, где тематика МДЖ оценивается как неподходящая для научной работы, поскольку не соответствует представлениям, например, членов приемной комиссии в аспирантуру о достойной изучению теме.

Символическая ценность знания зарубежной профессиональной литературы, а значит, и включение в «нормальную науку», возможность опираться на сильные, высокоуровневые (в иерархии доказательств) результаты не только поддерживают границу между «новыми мы» и «старыми они», но и служит способом (вос)производства «традиционного» типа доказательности внутри группы ветеринаров МДЖ. Так, в описании ординатуры по кардиологии, образованной на базе крупного ветеринарного центра в Москве, в качестве единственного достоинства программы отмечается, что слушатели за время обучения прочитают 300 страниц иностранной литературы. Также одна из крупнейших клиник в Санкт-Петербурге в качестве критерия профессионализма своих врачей указывает на сайте, что они регулярно читают иностранные статьи.

Важно отметить, что в «традиционном» представлении о доказательности как использовании данных, являющихся результатом научного исследования, валидированных публикацией в профильных изданиях на английском языке, сам корпус профессиональной литературы рассматривается как нечто монолитное и обладающее ценностью само по себе. При том что устройство современной академической жизни предполагает не только дисциплинарную, методологическую, языковую дифференциацию, но и иерархию публикаций

и авторов внутри каждого тематического поля [Губа, Семенов, 2010]. В случае ветеринарных врачей МДЖ сам факт ссылки на англоязычную публикацию становится основой построения доказательной базы лечения. Не качество дизайна и используемый метод исследования (рандомизированные слепые эксперименты или когортные исследования), а исключительно язык публикации служит главным критерием доказательности и, следовательно, валидности данных.

«Спирт по вене [интервьюер приводит пример, основанный на профессиональном опыте, то есть другой системе доказательств]? Ты серьезно? Ну найди мне десять статей на английском, в которых написано, что так делают» (Ж., анестезиолог-реаниматолог в ветеринарной клинике).

Подобное отождествление «нормальной науки» с западными исследованиями не является уникальным отличием ветеринарии МДЖ, такая связь характерна и для других дисциплин [Соколов, Титаев, 2013].

Молодые врачи скорее исходят из такого представления о доказательности, некритически используя ссылки на зарубежные публикации не только для обоснования выбора лечения, но и для легитимации своего профессионального статуса, поскольку у них нет возможности опираться на знания, полученные во время обучения, а также отсутствует собственный профессиональный опыт. Отсылка к зарубежным публикациям позволяет им усилить обоснованность своего решения за счет «присоединения» к более престижному профессиональному знанию.

Фронетический тип понимания доказательности ветеринарными врачами МДЖ

Второй тип представления о доказательности МДЖ определяется опытом работы ветеринаров, на который они опираются для валидации собственного профессионального статуса. Через введение жестких протоколов руководство ветеринарных клиник регулярно предпринимает попытки институционализировать использование доказательств, лежащих в основе врачебных решений в практической работе врачей. Такие протоколы разрабатываются по аналогии с документами, действующими в гуманной медицине и СХ ветеринарии, и выстроены по схеме «симптом — диагноз — лечение». Однако опытные врачи отвергают такой подход, обосновывая свое сомнение в эффективности подобной стандартизации сложностью и вариативностью объектов лечения:

«Слишком много надо учесть, чтоб сделать простую схему. Человек всегда человек, а здесь, вот, смотри, скелет француза [французского бульдога] и добермана: кто вообще скажет, что это один вид?» (Ж., терапевт в сети ветеринарных клиник).

Протоколы лечения в доказательной медицине обладают статусом нормативного документа, регламентирующего действия врача по диагностике, лечению, наблюдению и реабилитации пациентов. Главная цель протоколов — улучшение качества медицинской помощи за счет стандартизации решений врача. Клинические протоколы разрабатываются на основе результатов клинических исследований, лучших практик, в том числе опубликованных в профессиональных научных изданиях. Клинические рекомендации — это ГОСты, устанавливаемые специализированными ведомствами, регулирующие и контролируемые медицинские вмешательства в отношении людей и животных. У протоколов в медицине МДЖ нет аналогичного статуса, что повышает степень дискреции при принятии решений и делает более значимым профессиональный опыт врача, его готовность взять на себя ответственность и не следовать стандартным схемам лечения.

«Протоколы — это прекрасно, но я против, чтобы у нас было как в Y [название клиники], потому что протоколы — это рекомендации, понимаешь? Я не могу просто следовать им, потому что все всегда по-разному. Они должны быть, но как какая-то база, потому что мы же скорее творчеством занимаемся. У нас часто мало информации, часто очень похожие клинические картины и нужно действовать по ситуации. Протоколы нужны начинающим врачам, я могу в них подсматривать, но зачем мне себя ограничивать? Вот, например [далее подробно описывает конкретную манипуляцию]. Этого не напишут. Это не приветствуется. Я пользуюсь» (Ж., заведующая отделением терапии в сети ветеринарных клиник).

Введение жестких протоколов лечения воспринимается информантами как обесценивание их индивидуального профессионального опыта и процессов его получения:

«Думаю, хорошо, что NN придумал [схему лечения], потому что где-то прочитал, а я говорю, вот [показывает на небольшую тетрадь]. Я с 84 года сюда все записываю, еще когда в таможене работала, сначала потому что ничего не было, а сейчас — вот мои доказательства, и что мне что-то эти вчерашние студенты говорить будут?» (Ж., терапевт в ветеринарной клинике).

Низкий статус внутри клинических протоколов обусловлен отсутствием нормативной базы, позволяющей их регулировать и валидировать. Протоколы часто воспринимаются как результат «творчества» отдельных врачей, отношение к введению протокола связано с личной оценкой профессиональной репутации каждого конкретного составителя.

В этом случае опора на собственный опыт и постановка под сомнение универсальности запрототолированных обобщенных схем становятся основой для фронетического типа понимания доказательности. Это выражается

в понятии «насмотренность», под которым понимается индивидуальный практический опыт. Он позволяет врачу интерпретировать неочевидные детали диагностики и лечения, обращая внимание на нефиксируемые и, возможно, не распознаваемые эксплицитно симптомы и паттерны.

«Ну, вот, можно вспомнить хотя бы собаку, которая умерла у нас недавно в наркозе, потому что сердце узили, по промерам все было нормально, но вот N мимо проходила, задержалась, что-то ее смутило, но она дальше пошла, а оказалась патология. Мы потом пересматривали, и она сказала, что клапан вел себя нетипично, но это же насмотренность, промеры в порядке, она просто знает, как должно быть. Она кардиолог, много сердец насмотрела, а ОРИТовцы не заметили, потому что пород сколько? Слишком много...» (Ж., терапевт в сети ветеринарных клиник).

Данный тип профессионального знания определяется как фронезис [Абрамов, 2014], представляющий некоторую «практическую мудрость», которая приобретает и усваивается профессионалами через практику. Доказательность, понимаемая таким образом, становится защитной реакцией «опытных» ветеринарных врачей на сужение профессиональной автономии, происходящее в результате требований регламентации их многообразного опыта, не поддающегося, по их мнению, кодификации.

Резидентальный тип понимания доказательности ветеринарными врачами МДЖ

Третий тип представления о доказательности среди ветеринарных врачей МДЖ — резидентальный способ построения иерархии доказательств. Резидентность определяется как количество лет, проведенных тем или иным специалистом или организацией в профессиональном поле [Вахштайн², 2003]. В нашем случае — в поле ветеринарной медицины МДЖ. Другими словами, чем дольше существует клиника или практикует врач, тем более легитимными будут ссылки на этот организационный или индивидуальный клинический опыт со стороны коллег для обоснования собственных решений.

Такая логика построения доказательности во многом обуславливается спецификой обучения ветеринарных врачей работе с животными-компаньонами, выстроенной по принципу «мастер — подмастерье».

«Нет, в клинике [на актуальном месте работы] скорее приглождаются знания, полученные, пока ты работаешь в клинике ассистентом. То есть именно техническая работа ассистента и навык, полученный от общения с врачом, с которым ты работаешь. <...> Потому что,

---

² В соответствии с действующим законодательством указываем, что Вахштайн Виктор Семенович внесен Министерством юстиции РФ в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

по большому счету, только так ты можешь научиться. Академия, к сожалению, таких разборов чего-то реального не устраивала, там это и не преподавалось» (Ж., терапевт в сети ветеринарных клиник).

Доказательность как следствие профессиональной социализации в целом конструируется в результате взаимодействия на рабочем месте, а не через формальные механизмы передачи знаний в аудитории от преподавателя студентам из-за специфики учебного плана — профессиональное образование ветеринарных врачей не предоставляет возможностей для получения знаний и опыта, релевантных для сферы МДЖ.

Траектория профессионального становления, выстроенная вокруг моделей обучения, связанных с конкретными клиниками и персоналиями, определяет тип понимания доказательности и способ выстраивания иерархии доказательств, при котором центральным звеном становится локальный авторитет, что впоследствии также реплицируется в другие сферы потенциальной экспертизы.

«Вирусный перитонит, ну, понимаешь, никакой доказательной базы сейчас просто нет. Все лечат просто по схемам X [название клиники] или Y [название клиники]» (Ж., терапевт в сети ветеринарных клиник).

Локальный авторитет подкрепляется символическим капиталом конкретного врача или специализацией клиники.

Узкоспециализированные клиники становятся провайдерами принудительного изоморфизма в ситуации отсутствия других «сильных» регуляторов (государство, профессиональные ассоциации) в этой сфере, поскольку они разрабатывают и транслируют собственные подходы к лечению в качестве стандартов. При этом в ситуации конкуренции и/или оспаривания их доминирующей позиции на рынке они имеют возможность применять к «нарушителям» санкции исключительно символического характера. Самым распространенным способом воздействия становятся негативные отзывы на различных агрегаторах или прямая полемика с врачами и клиниками-конкурентами в закрытых профессиональных сообществах, пользующихся большим авторитетом как площадки для дискуссий. Наиболее показателен случай, когда известный ветеринарный врач из Санкт-Петербурга записал негативный видеобзор ветеринарного препарата, размещенный впоследствии на многих интернет-площадках. Компания — производитель препарата посчитала информацию, представленную в обзоре, ложной и обратилась в суд с иском о защите деловой репутации, где выиграла дело (дело № А56–58327/2021).

Символическая борьба за центральное место в профессиональном поле (сохранение репутации) обусловлена экономическими мотивами, поскольку речь идет о коммерческих клиниках, конкурирующих между собой за клиентов. Также приверженность локальным авторитетам как способ построения доказательности позволяет минимизировать возможные риски в случае неудачного исхода лечения, частично или полностью снять ответственность

врача за принятое решение, приведшее к негативным последствиям для здоровья и жизни пациента. Зачастую врачи вынуждены опираться на локальные авторитеты не только из-за отсутствия необходимого индивидуального опыта, но также из-за специфики своей профессиональной социализации. Для начинающих врачей персонифицированное взаимодействие с более опытными и статусными коллегами становится не только способом повышения и подтверждения их квалификации, но и пропуском в профессиональное сообщество, защищающее их от нападков конкурентов, претензий со стороны клиентов, ошибок в клинической практике, сделанных из-за схематичности и универсальности протоколов лечения.

Заключение

Доказательный подход как принцип принятия решений, а также управления с опорой на данные прочно вошел во многие сферы общественной жизни. Принципы, сформировавшиеся в рамках доказательной медицины, нашли широкое применение в различных дисциплинарных областях, секторах экономики и уровнях управления. «Золотой стандарт» доказательной медицины базируется на иерархии доказательств, где результаты научных исследований ранжируются в зависимости от степени надежности полученных результатов и качества исследовательского дизайна. «Тирания показателей» была подвергнута критике из-за нечувствительности к контекстуальному характеру производства, анализа и применения данных, что привело к пересмотру ценности доказательств, полученных на основе качественных данных. В этом отношении кейс медицины МДЖ представляется крайне важным для анализа того, каким образом формируется дискурс доказательности в профессиональном сообществе, а также как именно практикующие врачи используют его для легитимации своего статуса во внутри профессиональной борьбе.

Анализ эмпирических материалов позволил выделить три типа представлений о доказательности, которые зависят от специфики модели российского профессионального образования ветеринаров, их профессиональной социализации и этапа профессиональной биографии. Традиционный способ предполагает апеллирование к результатам научных исследований, когда критерием доказательности служит факт публикации в англоязычных журналах. Фронетический тип основывается на индивидуальном профессиональном опыте врача, наличие которого позволяет ему ставить под сомнение необходимость следовать клиническим протоколам. Напротив, собственные знания и практический опыт представляются доказательствами более «высокого» уровня за счет «насмотренности» и нестандартизированного подхода к лечению. Резидентальность как основание конструирования доказательности учитывает символический вес и организационную историю специалистов и клиник, подкрепляя значимость локальных авторитетов.

С одной стороны, наше изучение того, каким образом формируется и используется представление о доказательности в профессиональной

деятельности ветеринарных врачей МДЖ, позволило прояснить общие моменты, характерные для формирования экспертности в разных дисциплинарных областях и сферах общественной жизни [Соколов, Титаев, 2013; Чернова, Шпаковская, 2016]. На этапе профессионального становления молодые специалисты скорее будут апеллировать к научным источникам и ссылаться на авторитет своих учителей, чем ставить под сомнение конвенциональные правила и принимать решения на основе своего профессионального опыта.

С другой стороны, именно случай ветеринарной медицины МДЖ наглядно демонстрирует стратегии верификации решений, как бы основанных на профессиональном «эзотерическом» знании в условиях отсутствия институционально понятных механизмов валидации и оценки качества доказательств. Это состояние характеризуется отсутствием легитимных площадок для дебатов, игроков с достаточным институциональным весом, обладающих властью нормативно распространить и легитимировать решение на всех участников поля, а также вводить санкции против несоблюдающих установленный порядок.

В условиях внутрiproфессиональной борьбы с сельскохозяйственной ветеринарией ветеринария МДЖ не может использовать для верификации собственных решений приказы Минсельхоза или Роспотребнадзора, так как эти организации находятся на стороне ветеринарных врачей СХ и ими контролируются. Если в случае гуманной медицины врачи могут опереться на рекомендации ВОЗ и ее дочерних структур (например, UNAIDS), а также учитывать рекомендации Минздрава РФ, ветеринарные врачи МДЖ, стремящиеся подражать им, не имеют в арсенале возможности аналогичного хода. Подобными институтами верификации знания становятся крупные клиники и врачи с сильным личным брендом. Это обуславливается узким профессиональным сообществом и необходимостью выстраивать и поддерживать сильные профессиональные связи, а также личным опытом, играющим роль валидирующего инструмента в случае нежелания или невозможности врача апеллировать к коллегам.

В профессиональном сообществе ветеринарных врачей МДЖ мы обнаруживаем зачатки доказательности, а также наличие и знание инструментов, позволяющих обращаться к доказательности при принятии врачебных решений. Однако в то же время мы можем наблюдать отсутствие ценности использования доказательного подхода, основанного на результатах исследований «хорошего качества», а дискурс доказательности используется контекстуально для решения прагматических задач внутри профессиональной борьбы.

Литература / References

Абрамов Р. Н. Историко-теоретический анализ форм профессионального знания: фронеzis и подразумеваемое знание // Вторые Давыдовские чтения. М.: Институт социологии РАН, 2014 С. 308–332. EDN: [SWSXGR](#)

Abramov R. N. (2014) Istoriko-teoreticheskij analiz form professionalnogo znaniya: fronezis i podrazumevaemoe znanie [Historical and Theoretical Analysis of the Forms of Professional

Knowledge: Fronesis and Implied Knowledge]. *Vtorye Davydovskie chteniya* [The Second Davidov Readings]. P. 308–332. (In Russ.)

Вахштайн В. С.³ Резидентность как фактор социальной стратификации // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 120–135. EDN: OYUYST

Vakhstein V. S.⁴ (2003) Residency as a Factor of Social Stratification. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Vol. 4. No. 3. P. 120–135. (In Russ.)

Губа К. С., Семенов А. В. В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С. 133–154. EDN: NCFHON

Guba K. S., Semenov A. V. (2010) Centres of Attention: An Analysis of the Status System of a Local Academic Community. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 13. No. 3. P. 133–154. (In Russ.)

Соколов М. М., Тумаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275. EDN: SWNIWB

Sokolov M. M., Titaev K. D. (2013) "Provincial" and "Indigenous" Scholarship in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology And Culture]. No. 19. P. 239–275. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 521–534. EDN: XHFLVH

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2016) Professionalization of Parenthood: Between Common Sense and Expert Knowledge. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 14. No. 4. P. 521–534. (In Russ.)

Щеглов Я. И. Влияние структуры организационного поля ветеринарной медицины мелких домашних животных на процессы профессионализации ветеринарных врачей // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3–4. С. 247–273. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-247-273> EDN: JLDRPC

Shcheglov Y. I. (2022) Influence of the Structure of the Organizational Field of Small Animal Veterinary Medicine on the Processes of Professionalization of Veterinarians. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2022. Vol. 34. No. 3–4. P. 247–273. (In Russia.)

Эттингер А. П., Жарова М. Е. Что такое доказательная медицина? // Доказательная гастроэнтерология. 2021. Т. 10. № 1. С. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.17116/dokgastro20211001138> EDN: WDYYQS

Ettinger A. P., Zharova M. E. (2021) What Is Evidence-Based Medicine?. *Dokazatel'naya gastroenterologiya* [Evidence-Based Gastroenterology]. Vol. 10. No. 1. P. 38–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/dokgastro20211001138>

Becker H. S. (2017) *Evidence*. Chicago: University of Chicago Press.

Chalmers I., Haynes B. (1994) Systematic Reviews: Reporting, Updating, and Correcting Systematic Reviews of the Effects of Health Care. *Bmj*. Vol. 309. No. 6958. P. 862–865. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.309.6958.862>

Chalmers I. (1993) The Cochrane Collaboration: Preparing, Maintaining, and Disseminating Systematic Reviews of the Effects of Health Care. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 703. P. 156–163. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1993.tb26345.x>

Braun V., Clarke V. (2012) *Thematic Analysis*. Washington: American Psychological Association.

³ В соответствии с действующим законодательством указываем, что Вахштайн Виктор Семенович внесен Министерством юстиции РФ в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ В соответствии с действующим законодательством указываем, что Вахштайн Виктор Семенович внесен Министерством юстиции РФ в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

Connor L. et al. (2023) Evidence-Based Practice Improves Patient Outcomes and Healthcare System Return on Investment: Findings from a Scoping Review. *Worldviews on Evidence-Based Nursing*. Vol. 20. No. 1. C. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.1111/wvn.12621>

DiMaggio P.J. et al. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. C. 147–160. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0742-3322\(00\)17011-1](https://doi.org/10.1016/S0742-3322(00)17011-1)

Djulbegovic B., Guyatt G. H. (2017) Progress in Evidence-Based Medicine: A Quarter Century on. *The Lancet*. Vol. 390. No. 10092. C. 415–423. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(16\)31592-6](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(16)31592-6)

Flick U. (ed.). (2013) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis*. Dorchester: The Dorset Press.

Given L. (2006) Qualitative Research in Evidence-Based Practice: A Valuable Partnership. *Library Hi Tech*. Vol. 24. No. 3. C. 376–386. DOI: <https://doi.org/10.1108/07378830610692145>

Greenhalgh T. (2002) Integrating Qualitative Research into Evidence Based Practice. *Endocrinology and Metabolism Clinics*. Vol. 31. No. 3. P. 583–601. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0889-8529\(02\)00009-9](https://doi.org/10.1016/s0889-8529(02)00009-9)

Kozleski E. B. (2017) The Uses of Qualitative Research: Powerful Methods to Inform Evidence-Based Practice in Education. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*. Vol. 42. No. 1. P. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796916683710>

LoBiondo-Wood G., Haber J. (2021) *Nursing Research E-Book: Methods and Critical Appraisal for Evidence-Based Practice*. Amsterdam: Elsevier Health Sciences.

Meskell L., Pels P. (2020) *Embedding Ethics*. London: Routledge. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003085249>

Stunnenberg B. C. et al. (2020) N-of-1 Trials: Evidence-Based Clinical Care or Medical Research that Requires IRB Approval? A Practical Flowchart Based on an Ethical Framework. *Healthcare*. Vol. 8. No. 1. P. 1–49. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare8010049>

Tracy S. J. (2010) Qualitative Quality: Eight “Big-Tent” Criteria for Excellent Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. Vol. 16. No. 10. P. 837–851. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800410383121>

Сведения об авторах:

Щеглов Яков Иванович — магистр, исследователь, Институт междисциплинарных медицинских исследований, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; младший научный сотрудник, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия. **E-mail:** yschglv@gmail.com.

Чернова Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 472822.

Статья поступила в редакцию: 16.07.2024

Принята к публикации: 02.09.2024

ВАК: 5.4.4, 5.4.7

.....

Perceptions of Evidence in the Veterinary Medicine of Pets

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.4

Yakov I. Shcheglov European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia;
Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia
E-mail: yschglv@gmail.com

Zhanna V. Chernova Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia;
Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: chernova30@mail.ru

Veterinary medicine for small domestic animals (SDA) in Russia began its development in the 1990s and is currently undergoing professional formation, engaging in a dialogue with traditional agricultural veterinary medicine. Over the last decade, the evidence-based approach has been actively developing as a foundation for making informed decisions in various aspects of professional practice. SDA veterinary medicine, as a relatively young and emerging professional field within the conservative profession of veterinary medicine, is facing a legitimacy crisis. This crisis is related to the lack of specialized education in the pathology of dogs and cats, as well as the absence of treatment protocols for SDA approved by the professional community and the state. The evidence-based approach is the foundation of modern medicine and serves as a method of legitimizing SDA veterinary practice. It addresses the needs of the primary stakeholders: colleagues, government regulators in case of disputes, and animal owners as service consumers.

This article examines the typology of evidence perception among veterinarians specializing in small domestic animals in Russia. Based on the analysis of 35 interviews, three main types of evidence perception by SDA veterinarians are identified: traditional, phonetical, and resident. The article also analyzes how these types influence the professional practices of veterinary specialists and considers them in the context of evidence-based medicine and its current development.

Keywords: evidence-based approach; veterinary medicine; sociology of professions; the discourse of evidence

Authors Bio:

Yakov I. Shcheglov — MA, Researcher, The Institute for Interdisciplinary Health Research Professor, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; Junior Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia. **E-mail:** yschglv@gmail.com.

Zhanna V. Chernova — Doctor of Sociology, Leading Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia; Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **RSCI Author ID:** [472822](#).

Received: 16.07.2024

Accepted: 02.09.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5
EDN: JEAXGP

Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустраивающимися на периферию для отработки целевого направления¹

Ссылка для цитирования:

Шарепина Е. А., Ломанова А. К. Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустраивающимися на периферию для отработки целевого направления // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 87–109. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.5> EDN: JEAXGP

For citation:

Sharepina E. A., Lomanova A. K. (2024) Benefit or Coercion: the Perception of Compulsory Service Programs by Doctors Who Are Employed on the Periphery. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 87–109. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.5>

Шарепина Екатерина Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: eaandreeva@hse.ru

Ломанова Александра Константиновна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: alomanova@hse.ru

Программа целевого набора — одна из ключевых программ по решению проблемы дефицита медицинских кадров. В последние годы в России увеличивается доля целевых мест в рамках бюджетного набора, усиливаются меры по обеспечению возвращения целевиков для отработки в местах прикрепления, однако результаты действия программы остаются дискуссионными.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Аналогичные зарубежные программы классифицируются либо как финансовые меры стимулирования врачей для трудоустройства на периферию, либо как меры принуждения. При этом исследования показывают, что восприятие программы исключительно как программы принуждения создает негативное отношение к ней и снижает долю отработавших. В статье на основе 21 биографического интервью рассматривается восприятие программы целевого набора врачами, окончившими специалитет и ординатуру по целевому направлению и трудоустроившимися для работы в периферийные муниципальные образования Центрального федерального округа (ЦФО). Результаты проведенного исследования показывают, что оценка программы врачами-участниками шире поставленной проблемы. Восприятие целевиками программы не ограничивается дихотомией договора: с одной стороны, финансовые выгоды от получения бесплатного образования, с другой — принуждение, связанное с необходимостью отработки. Выявлены неявные издержки и выгоды, их баланс определяет восприятие программы целевого набора на разных этапах: поступления, обучения, возвращения для отработки. Негативный взгляд на программу связывается с отсутствием понимания у целевиков финансовых выгод от участия, необходимостью переезда из населенного пункта получения медицинского образования и нежеланием разрывать сложившиеся за годы обучения социальные связи, отсутствием условий для первичной профессиональной социализации, некомфортными условиями труда и жизни после возвращения для отработки. Для части информантов вынужденный характер отработки компенсируется возможностями получения престижного образования; перспективами реального опыта работы; профессионального и карьерного роста; дополнительными финансовыми и жилищными мерами поддержки; помощью коллектива и администрации учреждений, а также личными и семейными факторами, связанными с возвращением в родной населенный пункт или индивидуальными демографическими событиями.

Ключевые слова: дефицит медицинских кадров; программа целевого набора; миграция врачей; профессиональная миграция; миграция в малые города и сельскую местность

Одной из основных программ по решению проблемы дефицита медицинских кадров в России, действующей во всех регионах и медицинских учреждениях, является программа целевого набора. Она заключается в предоставлении возможности участия в специальном конкурсе, в рамках которого осуществляется особо квотируемый прием абитуриентов на бюджетную форму обучения по программам специалитета, ординатуры или курсам повышения квалификации с условием обязательной последующей отработки в медицинском учреждении, выдавшем направление на обучение в течение определенного договором срока (не менее тр. В некоторых медицинских учреждениях и регионах программа целевого договора имеет форму возвращения средств

за обучение на платной основе: условия отработки аналогичные, основное отличие от классической федеральной программы — студент обучается на коммерческой основе в вузе и получает компенсацию средств, потраченных на обучение.

Долгие годы возвращение по программам мало контролировалось из-за отсутствия возможностей оказывать влияние на возвращение, так как программа и договор, заключаемый в ее рамках, имел правовые коллизии между формой договора и требуемыми обязательствами. К ним относятся: невозможность по действующему законодательству требовать возврата средств, потраченных государством на предоставление образования [Путило, 2016: 35–36]; отсутствие ряда значимых позиций в заключаемых договорах, например, о сроке и месте отработки [Дощанникова и др., 2017]. Низкая эффективность программы также объяснялась непрозрачностью системы отбора: отсутствием конкурсного отбора [Путило, 2016]; низким уровнем подготовки и невысокими проходными баллами для поступления по целевому направлению [Дощанникова и др., 2017]; получением направления по благу; востребованностью программы у лиц, которые знакомы с администрацией лечебных учреждений (в этом случае администрация не мотивирована настаивать на возвращении целевого студента [Дьяченко, 2015]).

В настоящее время, с одной стороны, меняются подходы к контролю исполнений обязательств по целевым договорам. В 2019 году Постановлением Правительства было установлено обязательство предоставлять дополнительные меры поддержки целевому студенту организацией, которая заключает договор о целевом обучении. Наличие мер поддержки увеличивает размеры неустойки, которую при неисполнении обязательств по отработке направления должен вернуть целевой студент. Кроме того, с 2022 года при поступлении на программы ординатуры на все формы обучения, в том числе коммерческие, требуется прикладывать заявление «Об отсутствии обязательств по целевому обучению в ВУЗе»².

С другой стороны, актуальная информация об эффективности программы, а именно о доле вернувшихся для отработки, и динамике программы отсутствует в открытом доступе. Крайне мало исследований, дающих косвенные оценки эффективности программы и оценивающих долю возвращающихся, и результаты отработки целевиков [Дьяченко, 2015; Тарасенко, 2016; Дощанникова и др., 2017]. По данным Минздрава, опубликованным в СМИ, в 2022 году почти 16% выпускников медицинских вузов не вернулись для отработки целевого направления, из них только 4,6% не возвратились по причине непрохождения аттестации (не прошли аккредитацию специалиста)³.

В ряде стран реализуются аналогичные программы. Основная их идея состоит в том, чтобы предоставить доступ к получению бесплатного образования

² Письмо Министра здравоохранения РФ от 11.08.2022 № 16–2/И/2–13202 // Минздрав России. URL: https://cardioweb.ru/files/division_ordinat_and_graduate/2022/1.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

³ Целевики медвузов не возвращаются в оплатившие им обучение регионы // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/30/992500-kazhdii-shestoi-tselevik-medvuza-ne-trudoustroilsya> (дата обращения: 16.02.2024).

через выплату стипендий или грантов взамен на обязательные отработки в течение конкретного срока на определенной территории (например, в ЮАР "The Friends of Mosvold Scholarship Scheme") или в любой отдаленной местности, где требуются специалисты данного профиля (к примеру, в ряде штатов США, Канаде, Австралии). Существуют программы, компенсирующие оплату образования постфактум, к примеру, программы погашения образовательных кредитов для врачей и медсестер, работающих в отдаленных и сельских территориях США и Австралии.

В научной литературе данные программы классифицируются по-разному. Ряд исследований относит их к программам «принуждения», исходя из обязательств отработки [Frehywot et al., 2010], другие — к программам «стимулирования», подчеркивая материальные выгоды для участников [Bärnighausen, Bloom, 2009]. В этом смысле меры, направленные на одну цель, — получение бесплатного образования при обязательствах отработки определенного срока, воспринимаются и интерпретируются по-разному. Анализ эффективности разных типов программ показывает, что их восприятие исключительно как программ принуждения создает негативное отношение и снижает долю отработки; наличие дополнительных мотиваций, добровольность включения в программы увеличивает их эффективность [Mathews et al., 2013: 54; Sempowski, 2004]. Опыт США свидетельствует, что программы погашения кредита (постоплаты образования) были более эффективны, чем программы предоставления грантов и стипендий (предоплаты аналогичной российскому варианту) [Pathman, 2004: 566]. В целом, зарубежный опыт показывает, что восприятие программы и ее тип влияет на возвращение медиков для отработки.

Зарубежные исследования показывают, что помимо характеристик самих программ целевого набора, на их восприятие и желание отработки со стороны акторов влияют характеристики места работы, места проживания [Putri et al., 2020: 15], возможности для семьи и детей [Mathews et al., 2013: 53; Mabunda et al., 2022: 11], а также ценности и психологические установки относительно работы самих врачей и их семей [Putri et al., 2020: 15, 17]. В большинстве случаев многоаспектные программы оказались более успешными, чем те, которые предлагали только финансовые стимулы [Sempowski, 2004].

В рамках описания профессиональных факторов в работах зарубежных социологов доказывалось, что досрочное прекращение отработки целевого направления в отдаленных территориях и сельской местности связано с профессиональной изоляцией и неудовлетворенностью коллегами по работе [Renner et al., 2010: 9; Mathews, 2013; Chauban, 2010: 102]. Большое количество часов работы и переработки уменьшают желание у врачей оставаться на работе в данной местности [Chauban, 2010: 105]. Как подчеркивают исследователи, важным фактором удержания участников программ являются условия рабочей среды (качество инфраструктуры, наличие рабочих инструментов и оборудования для врачей) [Putri et al., 2020: 15]. На примере реализации программ в ЮАР отмечается важность хороших отношений между администрацией учреждений и коллективом, значимость дружественной среды и поддержки [Mabunda et al., 2022]. Опыт программы погашения кредитов

в Западной Вирджинии (США) показывает, что одной из причин досрочного выхода из программы является неудовлетворенность отсутствием контактов с сотрудниками, реализующими программы, и низкий уровень помощи от них [Jackson et al., 2003: 335].

На удержание врача в программе влияют факторы, создающие условия комфортной жизни медика и его семьи: предоставляемые жилищные условия, развитость коммуникаций, возможности для детей и супругов [Putri et al., 2020: 15]. Семейные обстоятельства могут вызывать досрочное прекращение отработки: желание всей семьей переехать в иное место после окончания исполнения обязательств, изменение семейного положения или переезд к партнеру для совместного проживания [Mathews et al., 2013: 53; Mabunda et al., 2022: 11; Renner et al., 2010: 11]. Близость населенного пункта в сельской местности, где на данный момент занят врач, к его семье, напротив, повышает шансы на удачную отработку [Jackson et al., 2003: 334].

Внутренняя мотивация врачей является фактором, влияющим на принятие решения работать в сельской местности. Врачи, работающие по призванию, считающие свою работу значимой и полезной [Jackson et al., 2003: 336–337], имеющие потребность помогать людям в недостаточно обслуживаемых территориях [Renner et al., 2010: 5], остаются в удаленной местности чаще. При принятии медиком решения об отработке значимую роль играет долгосрочность его планов и понимание продолжительности пребывания в сельской местности [Jackson et al., 2003: 334].

Медицинские сотрудники, выросшие в сельской местности (или имеющие опыт проживания в ней), чаще проявляют желание участвовать в программе. Однако для продолжения их врачебной практики на отдаленных территориях это не является достаточным фактором [Renner et al., 2010: 9; Putri et al., 2020: 5].

Большая часть российских исследований программы целевого набора фокусируется на ее организационных аспектах на основе анализа статистики приема и данных отдельных медицинских вузов и регионов [Щербатых, 2014; Доцанникова и др., 2017; Чернышева и др., 2019]. Лишь несколько исследователей обращаются к изучению отношения целевых студентов к программе целевого набора. Так, на данных анкетного опроса 368 студентов Казанской медицинской академии в 2019 году А. Р. Заляев и Е. Ю. Шаммазова обсуждают основные причины вступления в программу и ее отрицательные стороны, которые выделяют студенты-целевики [Заляев, Шаммазова, 2021].

Таким образом, в рамках зарубежных исследований аналогичные программы классифицируются как программы финансовых выгод или как программы принуждения. При этом то, как воспринимают программу врачи, трудоустроившиеся для отработки целевого направления в России, остается вне исследовательского фокуса. Цель данного исследования — выявить мотивации врачей для переезда по отработке целевого направления в периферийные муниципальные образования⁴; факторы, способствующие положительному

⁴ Здесь и далее под периферийными муниципальными образованиями мы понимаем все нестоличные муниципальные образования вне зависимости от того, как далеко они находятся от столицы региона.

восприятию врачами участия в программе и желанию отработки на каждом этапе (получение направления, поступление в вуз, обучение и отработка). Результаты работы могут послужить основой для понимания механизма реализации программы целевого набора, ее проблемных моментов и возможностей их корректировки.

Подходы жизненного пути и биографического метода

Участие в программе целевого набора затрагивает ряд важных поворотных биографических событий в жизни человека. Полный цикл участия от вступления в программу до отработки положенного срока составляет от 9 до 14 лет; со стартом в среднем в 17–19 лет и окончанием в 26–35 лет. В теории жизненного пути возрастные категории от 17 до 35 лет обобщаются как периоды «перехода во взрослую жизнь» и считаются самыми «продуктивными». Они характеризуются высокой концентрацией значимых событий: получение образования, первый переезд, первое трудоустройство, вступление в брак, первое сожителство, рождение ребенка [Billari, Liefbroer, 2010]. Меняется статус человека, устройство его жизни, отношение к самореализации, а также к жизненным обстоятельствам и трудностям.

Рассмотрение полного срока участия в программе от поступления в вуз до отработки через призму теории жизненного пути позволяет предположить, что установки относительно участия в программе и восприятие возвращения для отработки может меняться под воздействием различных жизненных событий. Поэтому основой данного исследования стал теоретико-методологический подход биографических интервью. Данный подход рассматривает жизненную траекторию, как цепочку опыта и событий, включающую в себя субъективные смыслы, которые в них вкладывают информанты, и социальное давление — факторы, определяющие траектории извне [Рождественская, 2012].

Другая теоретическая рамка, лежащая в основе данного исследования, — теория push-pull факторов Э. Ли [Lee, 1966]. В ней переезд или намерение к переезду рассматривается как комплексный, многоаспектный процесс, сочетающий в себе притягивающие и выталкивающие факторы, характеристики точек исхода и приема, а также обстоятельств, осложняющих сам процесс переезда. Анализ установок относительно участия в программе целевого набора врачей, работающих на периферии, предполагает обсуждение миграционного опыта. В России медицинские вузы расположены в региональных центрах или в крупных городах, что вынуждает студентов из периферии покидать родной населенный пункт после окончания школы, а после получения специальности возвращаться обратно для отработки направления. В редких случаях встречается маятниковое перемещение. В большинстве периферийных муниципальных образований страны работает по одному медицинскому учреждению, поэтому при желании сменить место работы до окончания срока отработки возникает необходимость смены места жительства или маятниковой миграции.

Кроме того, переезд является важной поворотной точкой в жизни людей, он позволяет сравнивать разные периоды жизни, получать субъективную оценку возможностей и эффектов до и после него. Биографический подход открывает возможности рассмотреть не просто миграционные перемещения информантов, но и понять, каким образом мотивации к переезду (факторы, вызывающие переезд: притягивающие и выталкивающие факторы в терминах теории миграции Э. Ли) определяют субъективное восприятие уже совершенного переезда. Оценка субъективного восприятия итогов осуществленного переезда может быть также выполнена через оценку информантов изменения их социального положения при переезде; посредством анализа представлений информантов о сдвигах в обладании доступными им ресурсами и возможностями до и после переезда.

Таким образом, анализ опыта участия и восприятия программы целевого набора требует применения подходов теории жизненного пути и биографического метода, так как это позволит на основе рассмотрения профессиональных и личных биографий проследить динамику установок относительно участия в программе и факторы, определяющие продолжение участия или выход из нее. Исходя из того, что участие в программе сопровождается необходимостью миграции, факторы, определяющие возвращение для отработки целевого направления и последующее удержание, могут совпадать с общими факторами миграции.

Данные и методы

В работе применяется метод биографического интервью для получения данных о жизненных траекториях врачей-целевиков, ключевых событиях их биографии и факторах, обуславливающих переезды. В интервью обсуждался жизненный путь врача: место рождения, обучение в школе, выбор профессии, опыт получения целевого направления, поступление в вуз, обучение в вузе и возвращение для отработки.

В мае-декабре 2021 года было собрано 21 биографическое интервью с врачами, имеющими опыт отработки целевого направления и трудоустроенными в периферийных муниципальных образованиях ЦФО после 2010 года⁵. Все они выбрали направление на обучение на специалитете или в ординатуре в медицинских вузах. Ограничением исследования является небольшое число интервью с врачами, отказавшимися от исполнения целевых обязательств (два человека).

Биографические интервью с врачами были дополнены 30 экспертными интервью с представителями администраций медучреждений — главными врачами, их заместителями и сотрудниками кадровых служб. Экспертные интервью позволяют получить косвенные оценки биографий врачей, которые

⁵ 2010 год выбран целевым в связи с тем, что в начале 2010-х годов произошла активизация политики по решению проблемы привлечения врачей для работы на периферии (программа «Земский доктор» — 2012, майские указы Президента РФ и др.).

вышли из программы раньше срока, а также сделать обобщения относительно ее организационных аспектов.

Данная статья является результатом более широкого исследования проблем дефицита медицинских кадров в отдаленных территориях и сельской местности регионов ЦФО. Подробнее процедура формирования выборки и процесс отбора регионов, населенных пунктов и медицинских учреждений для исследования, а также методы анализа интервью описаны в наших других публикациях [Шарепина, 2023].

Результаты исследования

Полученные результаты представлены в той последовательности, что следовала в повествовании информантов в биографических интервью. Сначала описан процесс получения целевого направления, подготовки и поступления в медицинский вуз; потом представлено описание переезда и обучения в медицинском вузе; далее — этап переезда для отработки целевого направления.

Подготовка и поступление в медицинский вуз

Анализ биографий врачей и экспертных интервью показывает, что в ряде регионов работает правило, согласно которому целевое направление могут получить только выходцы из того же района, в котором выдается направление, а контроль происходит по наличию регистрации по месту жительства. В других регионах направление предоставляется и выходцам из других регионов, районов или столичных центров, но при наличии близких родственников или других социальных связей в населенном пункте на периферии.

В целом, информация о возможности получения целевого направления в медучреждения общеизвестна: поступление в них с помощью целевого направления воспринимается жителями периферии как социальный лифт. Часть абитуриентов указывает на то, что целевое направление им советовали взять родители, другим этот шаг рекомендуют учителя-предметники.

В большинстве случаев направления выдаются всем желающим, а не по баллам ЕГЭ или качеству подготовки, но часть абитуриентов в дальнейшем не поступает на целевые места или поступает без целевого направления.

Из-за возрастающей конкуренции⁶, даже при наличии целевого направления, абитуриентам — выходцам из сельских территорий и малых городов сложнее поступить в медицинские вузы из-за проблем с качеством школьного образования на удаленных территориях. Ряд исследований выделяет низкую подготовку целевых студентов как одну из основных проблем программ целевого набора [Доцанникова и др., 2017; Чернышева и др., 2019].

⁶ Медицинские вузы в целом характеризуются одним из самых высоких критериев отбора (величина баллов ЕГЭ, размер конкурса и так далее). По данным опросов, массовые представления об успешной карьере связаны с ИТ, математикой и здравоохранением [На сегодняшний день массовые представления..., 2022]. Кроме того, в 2023 году был зафиксирован рост баллов на 5 % для поступления и возросший конкурс в вузы на 24 %, по сравнению с 2022 годом.

Необходимо понимать, что лучшие ученики районных школ имеют возможность хорошо сдать ЕГЭ и поступить в медицинский вуз самостоятельно. Целевое направление выбирают неуверенные в результатах и не имеющие возможность оплатить обучение. Как правило, это семьи работников бюджетных организаций, прежде всего, медицинских и образовательных.

Информанты называли следующие мотивации для вступления в программу: шанс поступить на бюджетную форму в медицинский вуз по более простому конкурсу; возможность компенсировать/вернуть средства, потраченные на платное обучение; гарантии обязательного трудоустройства после окончания обучения.

В нарративах информантов можно выделить желание перестраховаться от непоступления в вуз: «*обезопасить*», «*подстраховаться*», «*обеспечить обязательное поступление*». Для некоторых абитуриентов целевое направление — это фактически единственная возможность поступить в университет, так как платное обучение их семьями не рассматривается.

«Я был уверен, что я сдам хорошо ЕГЭ и прочее. Чуть-чуть все-таки не хватило, и я взял направление, чтобы перестраховаться. Хотя в итоге и без направления поступил бы на бюджет» (врач, терапевт, муж.).

Сам факт бесплатного получения образования не воспринимается как мощная финансовая выгода. Целевые студенты полагают, что учатся на бюджете, подчеркивая отсутствие оплаты за образование. Обучение по целевому набору, скорее, оценивается как льгота для поступающего из периферийных территорий, то есть возможность поступить в университет не по общему конкурсу, а на особых условиях.

«Я туда не пошел, да. Ну, во-первых, там, согласно договору, мне стипендию не платили никакую. И меня... ничто не удерживало» (врач, невропатолог, муж.).

Некоторым из опрошенных целевиков отправляющие медорганизации обеспечивали меры поддержки в период обучения в вузе. Размер и цель выплат устанавливаются на региональном уровне и существенно различаются между регионами. В одних — дважды в год компенсируется стоимость проезда от места обучения до места проживания, в других — предоставляется компенсация средств за проезд и небольшая ежемесячная стипендия (1 тысяча рублей для специалитета и 1,5 тысячи в ординатуре). В некоторых регионах размер стипендии растет по мере длительности обучения (с 1 по 4 курс — 1 тысяча рублей, 5 и 6 курс — 5 тысяч рублей). По словам информантов, размер стипендий несущественный и не воспринимается как финансовая мера поддержки.

Финансовый мотив может быть более важным в случае, если целевой договор заключается непосредственно с медицинской организацией для

компенсации оплаты обучения на платной основе. Один из информантов в описании установок для участия в программе целевого набора сообщил, что для него в приоритете была финансовая выгода и невозможность оплаты обучения. На третьем курсе, учась на коммерческой основе, студент из-за финансовых проблем в семье потерял возможность платить за обучение. Была найдена больница, готовая оплатить обучение в вузе, взамен студент-целевик должен был отработать пять лет после получения медицинской специальности.

«По сути, целевой договор — да, но, по факту — нет. Больница платила за меня несколько лет обучения. Требовался специалист сюда, и они со мной договорились, что они будут оплачивать мое обучение, начиная где-то с третьего курса, были материальные сложности, из-за которых пришлось на это согласиться» (врач, педиатр, жен).

Врачи востребованных специальностей (стоматологи, хирурги) и врачи больниц, расположенных в миграционно привлекательных направлениях⁷, мотивированны получить целевое направление в специалитет и особенно в ординатуру для того, чтобы обеспечить себе выгодное место.

Экспертные оценки указывают на то, что наиболее распространенной является группа мотиваций, связанная с желанием поступить в медицинский вуз на бюджетную форму обучения по более простому конкурсу. Финансовые выгоды в нарративах информантов-врачей отходят на второй план, а в некоторых интервью отрицаются.

Переезд для обучения в медицинском вузе

Период обучения в нарративах информантов сопряжен с большими трудностями: необходимостью осваивать большие объемы информации, посвящать учебе много времени и сил, проходить нередкие пересдачи. Часть целевиков не заканчивает обучение из-за проблем с учебой и трудностей адаптации к жизни в новом населенном пункте. Дополнительных льгот в рамках образовательного процесса или помощи в обучении целевые студенты не получают.

Обучение в медицинском вузе в большинстве случаев сопровождается переездом на шесть и более лет в другой населенный пункт, в крупные города и столицы регионов. Это вызывает необходимость адаптироваться к иному стилю жизни и формировать новые социальные связи. Длительное проживание в крупных городах может изменить отношение к возвращению в родной населенный пункт после окончания учебы: желание возвращаться снижается, несмотря на то что зачастую это родные места.

У всех информантов по-разному сохраняются социальные связи с домом и с медучреждением, выдавшим целевое направление. Часть целевых студентов за время обучения в вузе полностью адаптируется и привыкает

⁷ Например, такие мотивации встречались у врачей из больниц с низким дефицитом медицинских кадров: это районы, приграничные к столице региона; отдельные районы Московской области; туристически привлекательные населенные пункты; районные больницы с небольшим штатом врачей.

к жизни в другом городе. Происходит формирование дружеских контактов, накапливается опыт жизни в крупном городе, происходит первое трудоустройство, нередко создаются семьи и рождаются дети. Все эти демографические и другие события жизненного пути происходят в данной возрастной группе со всеми студентами, не только с целевиками. Но у целевых студентов наступление указанных событий сопряжено с обязательством возврата в прежнее место жительства, что в отдельных случаях создает негативное отношение к необходимости разрыва сложившегося городского стиля жизни и социальных связей.

«Деваться было некуда, пришлось возвращаться. Работала просто в психиатрической больнице в областной [столице региона]. Прекрасное было место, и я каждый день жалею, что я оттуда ушла. Каждый день. [Город] очень понравился, когда там училась. За шесть лет обучения и последующие два года ординатуры я так привыкла там жить» (врач, фтизиатр, жен.).

Некоторые целевики, напротив, указывают на сохранение разносторонних контактов с представителями больниц, с которыми заключен договор, наличие крепких социальных связей с родственниками и друзьями в родных населенных пунктах. В части медучреждений реализуется политика контроля и поддержания связей с целевыми студентами в период их обучения. Формы этого взаимодействия могут быть разными: телефонные контакты кадровых служб больницы или регионального министерства для подтверждения намерений студента, привлечение целевых студентов для прохождения практики во время обучения. Врачи, трудоустроившиеся по целевому направлению, а также эксперты признают важность последнего, так как это позволяет наладить контакт, познакомиться, привыкнуть к коллективу, пройти практику, увидеть возможности для получения опыта, профессионального и карьерного роста. Все обозначенные факторы являются преимуществом рассматриваемого вида трудоустройства.

«Я не думала, я здесь работала с 2009 года. На время каникул я приходила, работала сначала санитаркой, потом медсестрой, потом я пришла помощником врача, потом пришла как врач» (врач, педиатр, жен.).

Таким образом, опыт первого переезда и события жизненного пути в период обучения в медицинском вузе влияют на дальнейшие профессиональные траектории врачей-целевиков. Для них, как и для других студентов, социальные связи, сформированные в процессе обучения, оказываются сильными и значимыми. Исследования показывают, что круг общения влияет на выбор специализации в процессе обучения [Валеева, Польшин, Юдкевич, 2014], места и сферы трудоустройства [Креховец, Шпилев, 2020]. Аналогично сложившиеся социальные связи влияют на принятие решения о миграции и восприятие возвращения для отработки по целевому направлению. За шесть

лет обучения происходит переоценка жизненных ценностей, изменение бытового уклада, сепарация от родителей и ряд важных дебютных событий (первые отношения, сожительства, трудоустройства и пр.). Эти вехи жизненного пути формируют особенные связи с местом, в котором они произошли, и сложны для разрушения.

Переезд или отказ от него для отработки целевого направления

Мотивация к переезду (возврату в населенный пункт, чье медучреждение выдавало целевое направление) и отработке целевого направления в нарративах информантов делится на несколько групп. При этом разные мотивации могут сочетаться.

Часть врачей говорит об отсутствии финансовой возможности выплатить средства по договору как о единственной мотивации возвращения для отработки направления. Отработка у таких целевиков связана с рядом негативных эмоций, ощущением вынужденности, принуждения и безысходности.

«Была бы у меня сумма, я бы, может быть, и выплатил. Естественно, может, за год я бы тут заработал, но расходы все на дом и прочее. На данный момент у меня нет, поэтому не могу» (врач, терапевт, муж.).

По мнениям экспертов, наличие подобной мотивации приводит и к отказам от отработки целевого направления — к выплате средств, попыткам найти юридические «лазейки» для невозвращения, выходу из программы раньше положенного срока и даже к бегству от исполнения обязательств. В некоторых случаях администрация учреждений не имеет кадровых и финансовых ресурсов для того, чтобы судиться с невернувшимися целевиками. При отсутствии желаний у целевика к возвращению, рычагов для обеспечения его возврата и удержания мало.

Личное взаимодействие, внимательное отношение кадровых служб и администрации учреждений, сложившиеся во время практики хорошие отношения с коллективом, по словам информантов, играют важную роль в готовности вернуться для отработки направления. Наличие социальных связей внутри медицинской организации, куда приходит специалист, выступает важным притягивающим фактором, так как снижает неопределенность относительно условий предстоящей работы, что объясняется высокой ценностью наставничества и поддержки коллег среди профессиональных ценностей врачей [Чирикова, 2015] и важностью профессиональной поддержки в начале практики молодых специалистов. Как говорит информантка:

«Практику [проходила] тоже в [медицинском учреждении, которое выдало целевое направление], сначала в хирургическом отделении помощником медсестры, потом на скорой помощи два раза

и в терапевтическом отделении помощником врача, то есть можно уже сказать к своим ехала. Все знали меня и ждали» (врач, невролог, жен.).

В мотивациях к возвращению для отработки целевого направления звучит желание получения опыта и первичной профессиональной реализации. Для узких специальностей, хирургии и стационара на периферии более доступна постоянная и «поточная» практика, работа с пациентами, а также подключение к операциям и так далее. Информант объясняет данную ситуацию следующим образом:

«Я бы, может, был бы и рад как-то отвязаться от своего направления. Например, поехать куда-то еще работать. Но в принципе также я еще понимал, что, начиная с таких вот небольших мест работать, можно набраться практики» (врач, терапевт, муж.).

Медики в интервью говорят о том, что трехлетняя отработка позволяет получить льготы в виде дополнительных баллов или гарантий предоставления целевого направления в ординатуру после отработки первого срока. Этот план для профессионального развития воспринимается как преимущество для отработки целевого направления и дополнительная мотивация для возвращения. С 2022 года данный фактор действует и как выталкивающий, так как введен запрет на зачисление на программы ординатуры без отработки целевого направления⁸.

Некоторые целевые студенты не меняют своих изначальных установок на возврат домой:

«Я здесь родилась, выросла, зачем мне ехать в другую область? Я как-то изначально была заинтересована вернуться в свой район, в свою больницу» (врач, педиатр, жен.).

Во-первых, возвращение в родной населенный пункт связано с меньшими издержками переезда для переезжающего и рядом притягивающих факторов: наличием социальных связей, друзей, семьи и привычным стилем жизни.

Во-вторых, для студентов, которые до поступления в вуз по целевому направлению проживали в сельской местности или в совсем небольшом населенном пункте, трудоустройство в районный центр (место расположения районных больниц) — это уже «лифт», совпадающий с вертикальной логикой миграционного движения по поселенческой иерархии в целом [Мкртчян, Гильманов, 2023].

Из ответов экспертов следует, что вероятность отработки целевого направления снижается в зависимости от удаленности места отработки от родины

⁸ Письмо Министра здравоохранения РФ от 11.08.2022 № 16–2/И/2–13202 // Минздрав России. URL: https://cardioweb.ru/files/division_ordinat_and_graduate/2022/1.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

студента-целевика: выпускники часто стремятся вернуться в родной населенный пункт, а не в тот, который выдал целевое направление. Так, выходцы из других регионов хотят ехать в свой регион.

Одной из причин возвращения информанты называют отсутствие материальных возможностей закрепиться в крупных городах после окончания обучения, необходимость аренды жилья и более высокую стоимость жизни. Как объясняет один из информантов:

«Все же не смогут остаться в стационарах каких-то — кому-то же придется возвращаться. [Региональный центр] — это очень маленькая Москва, можно так сказать. Тоже жилье купить проблематично, потому что цены космические, и тут же на работе еще нужно зарекомендовать» (врач, муж., врач общей практики).

Демографические события, случившиеся во время обучения, по-разному влияют на установки относительно отработки направления. Данные показывают, что на установки влияют такие факторы, как место жительства супруга(и) и ее/его родителей, пол, материальная обеспеченность семьи, возможности оказания помощи внутри семьи.

В России во многом сохраняются традиционные распределения ролей внутри семьи. Для целевиков-женщин формирование брачных союзов и рождение детей с выходцами из других населенных пунктов или из региональных центров в период обучения является распространенной причиной невыполнения обязательств по отработке направления. Целевиков-мужчин такие демографические события, по нашим наблюдениям, наоборот, стимулируют к возвращению в родной населенный пункт. Это может быть связано с наличием жилья, возможностями быстрого трудоустройства, межпоколенными трансфертами — помощью с детьми или материальной поддержкой.

Вступление в брак с выходцами из родного населенного пункта, как и рождение детей, способствует закреплению специалистов в нем, особенно если удастся решить социально-бытовые вопросы. Развод и одинокое материнство для женщин тоже оказываются значимыми факторами для возвращения в родной населенный пункт.

Приведенные различия между жизненной стратегией мужчин и женщин, выделенные на основе анализа биографий и экспертных оценок, нуждаются в подтверждении на количественном уровне. Полученные нами результаты соотносятся с выводами других исследований, реализованных в рамках теории жизненного пути, в которых социально-демографические события анализируются как катализаторы территориальных перемещений. Зарубежные исследования показывают аналогичные результаты: при учете других факторов развод, рождение ребенка и создание семьи являются значимыми для переезда, особенно для семей с нерешенным жилищным вопросом [Clark, Withers, 2007]. Семьи с детьми стремятся переехать ближе

к родителям и другим родственникам, когда возрастает потребность в инструментальной и материальной помощи, особенно в ситуации развода [Michielin et al., 2008].

Трудоустройство и начало врачебной практики

Переезд к месту работы (даже если речь идет про возврат к прежнему месту жительства) требует реадaptации: поиска жилья, оформления трудоустройства, начала врачебной практики и переоформления ряда документов. Кроме того, если молодой врач возвращается с семьей, то это требует поиска места работы для супруга(и), устройства детей в детские учреждения и прочих аспектов первичного встраивания в местную среду. Наши данные показывают, что целевики наиболее положительно оценивают опыт участия в программе целевого набора в тех медицинских учреждениях, где уделяют внимание первичной профессиональной социализации целевых студентов, предоставлению возможностей для получения опыта и профессионального развития и созданию комфортных условий труда. Кроме профессиональных, важными оказываются инфраструктурные и семейные факторы, социальные связи, наличие возможностей для комфортной жизни и создания семьи, которые воспринимаются целевиками субъективно и не подлежат корректировке со стороны программы.

Далее кратко опишем профессиональные аспекты опыта отработки, определяющие субъективное восприятие программы целевого набора.

Часть молодых врачей-целевиков сообщает о проблемах с первичной профессиональной социализацией, о недостатке опыта и практики для приема на работу и начала профессиональной деятельности. С 2017 года врачи первичного звена (терапевты и педиатры), вернувшиеся сразу после окончания специалитета, трудоустраиваются в медицинские учреждения для отработки целевого направления, зачастую практически не имея опыта работы и не пройдя ординатуру. При этом работа в первичном звене требует сразу включиться в проведение приема и выездных осмотров, общение с пациентами, постановку диагноза, назначение лечения, перенаправление к другим специалистам, что сложно и даже в некоторой степени опасно делать без соответствующего опыта.

По словам информантов, отсутствие или небольшой опыт работы часто сочетаются с высокими нагрузками на рабочем месте. Из-за дефицита специалистов, а также в отдельных населенных пунктах в связи с большими объемами прикрепленного населения, молодые специалисты, трудоустраивающиеся для отработки целевого направления, получают работу на ставку, в некоторых случаях на 1,5 ставки. Рабочая нагрузка медиков включает в себя прием и ведение пациентов, оформление документов, в некоторых случаях административную деятельность. Все это в сочетании с практически полным отсутствием опыта приводит к переработкам, ошибкам, недовольству пациентов, выгоранию и разочарованию в месте работы и в профессии.

«Может быть и можно [по 12 часов работать], но я не могу. Кроме как уволиться отсюда, я не могу поменять» (врач, муж., терапевт).

Поддержка коллектива и институт наставничества позволяют врачам компенсировать недостаток опыта и нивелировать воздействие высоких нагрузок. Информанты говорят о высокой ценности консилиумов разных специалистов в лечении пациентов. В интервью медики подчеркивают фактор, снижающий удовлетворенность от отработки целевого направления, — это дефицит медицинских кадров и специалистов, отсутствие административной системы поддержки наставничества и повышения квалификации.

«Потому что штата нет, если нет людей, с которыми ты можешь работать, то о чем речь — разве можно оставаться работать. Никого нет, когда все на тебя одного наваливается, ты не сможешь с этим справиться» (врач, муж., терапевт).

Некоторые информанты, помимо участия в целевом наборе, были задействованы в программе «Земский доктор»; получили другие финансовые выплаты; служебное жилье с возможностью приватизации; выплаты для софинансирования или оплаты съемного жилья. Получение дополнительных мер для таких информантов выступает фактором, который может увеличивать удовлетворенность целевых студентов от необходимости отработки, так как она накладывается на другие обязательства, связанные с выгодными условиями, и позволяет получить дополнительные финансовые выплаты, принять участие в жилищных программах. В других учреждениях, напротив, считается, что целевые студенты уже получили свою меру поддержки, поэтому для них закрыты возможности вступления в иные программы.

«Нам выделили квартиру, кто приходил, всем молодым специалистам... сейчас меня здесь держит жилье, чтобы не ехать никуда, не снимать, я считаю, что она уже моя, я не плачу какой-то там тете, а плачу через свои коммунальные услуги, я сделала тут себе ремонт и надеюсь, что я эти десять лет отработаю и эту квартиру приватизирую» (врач, невролог, жен.).

Более высокой мотивацией к работе обладают те выпускники-целевики, которые имеют соотносимый или более высокий уровень заработной платы по отношению к размерам зарплат в других населенных пунктах. В некоторых районах это обеспечивается высоким числом прикрепленного населения, региональными доплатами и выплатами молодым специалистам, которые позволяют им не иметь потерь по сравнению с работой в других населенных пунктах. Информанты подчеркивают важность качества обеспечения больниц и наличия широких возможностей для диагностики, так как в рамках полученного образования их учат опираться на широкий набор диагностических

инструментов, что не учитывает специфику работы в небольших районных больницах и в амбулаториях сельской местности.

Взаимодействие с администрацией и руководством медучреждений оказывается значимым фактором более позитивного восприятия процесса отработки целевого договора. В части интервью прослеживается нарратив бесправности целевика в отношениях с администрацией, недовольства относительно высоких требований руководства. Обязательства по отработке создают долговую ситуацию взаимоотношений между руководством и целевиками, которая в некоторых ситуациях может использоваться как рычаг давления. Напротив, всесторонняя поддержка администрации при переезде, помощь в трудоустройстве супруга(и), содействие с устройством детей в садик, создание комфортных условий для работы, поддержка в первичной профессиональной социализации, обеспечение профессионального и карьерного роста, организация и помощь в получении дополнительных мер поддержки и жилья становятся важным удерживающим фактором и повышают удовлетворенность от участия в программе.

Заключение и дискуссия

В данной работе предпринята попытка проанализировать восприятие акторами программы целевого набора своей мотивации вступления и опыта участия в программе. Мы проанализировали, как встроена программа в биографию врачей и какие возникают проблемы в связи с наложением множества событий друг на друга, какие факторы определяют субъективную оценку опыта участия в программе на разных ее этапах.

Сформулированная на основе анализа зарубежной литературы дихотомия восприятия программы как меры, направленной на обеспечение финансовой выгоды, или как программы принуждения не нашла прямого подтверждения в нарративах информантов. Наши данные по оценкам участия в программе показывают более широкий набор преимуществ и недостатков, существование социального договора между государством, реализующим эту меру социальной политики, и участниками программы. Положительные и негативные стороны участия связываются с особенностями реализации программы: неявными возможностями и ограничениями, которые лежат вне формально закрепленных правил — заключенного договора о получении бесплатного образования и необходимости последующей отработки. Данные особенности проявляются на разных этапах участия в программе целевого набора. Таким образом, ключевой вопрос анализа восприятия программы смещается в анализ баланса преимуществ и принудительного характера целевого формата обучения, а также определения этапов и условий, при которых возникает удовлетворенность и, наоборот, неудовлетворенность от участия.

Первичный интерес к получению целевых направлений, в первую очередь, связан с поступлением в медицинские вузы на бюджетные места по более

простому конкурсу, что особенно важно из-за недостаточно хорошего качества подготовки к ЕГЭ в периферийных школах. Постулируется важная функция программы — получение престижного образования становится социальным лифтом. Факторами в пользу целевого формата становятся гарантии наличия мест трудоустройства по окончании учебы, в отдельных случаях — финансовые выгоды, связанные с возвращением средств, потраченных за обучение. Часть информантов говорит о том, что обучение по целевому набору не отличается от бюджетной формы и об отсутствии вклада больниц в их обучение; направление не оценивается как замена возможной договорной формы обучения и поэтому не воспринимается участниками в качестве материально выгодной опции. Финансовые выплаты в рамках программы незначительны и рассматриваются не как мера социальной поддержки, а как дополнительное «ярмо»: возможность требовать неустойку за потенциальное неисполнение обязательств по целевому набору.

Низкая роль финансовых мотивов в установках российских целевых студентов идет вразрез с выводами, полученным в исследованиях аналогичных программ в США и Канаде [Jackson et al., 2003: 334; Renner et al., 2010: 3]. В соответствии с ними, финансовая выгода служит решающей при принятии решения об участии в программах погашения образовательного кредита на получение медицинского образования. Различия в установках относительно участия в программах можно объяснить разными формами их реализации в России и других развитых странах: в США, Канаде и Австралии программы работают в формах погашения образовательных кредитов за обучение, предоставления грантов и стипендий на обучение. Российские целевые студенты, поступающие в медицинский вуз на специалитет, проходят специальный конкурс на бюджетные места и не осознают финансовые выгоды, приобретаемые косвенно. Анализ разных типов программ отработки в США показывает, что программы погашения кредита (постоплаты образования) были более эффективны, чем программы предоставления грантов и стипендий (предоплаты по аналогии с российским вариантом) [Pathman, 2004: 566].

На этапе поступления и получения образования удовлетворенность от участия в программе зависит от возможностей целевика поступить в медицинский вуз по конкурсу для целевых студентов и закончить университет; характеристик населенного пункта, в котором находится медицинский вуз (качество среды в нем, место проживания, глубина различий с предыдущим местом жительства); индивидуальных способностей адаптироваться к новой среде в месте обучения; степени сепарации от родителей, родного населенного пункта; места для прохождения практики и трудоустройства; изменения брачного состояния, рождения детей, уровня образования и потребностей партнера.

Выбор в пользу переезда для отработки целевого направления зачастую зависит от семейных факторов; желаний возвратиться на родину; качества среды на новом или старом месте и его изменений за годы обучения целевика; условий труда в месте трудоустройства; возможностей для первичной профессиональной социализации; отношения администрации учреждения

и кадровых служб; дополнительных мер поддержки (например, предоставления жилья, вступления в программу «Земский доктор» и др.); уровня зарплаты и наличия перспектив развития.

Исходя из вышеизложенного, неудовлетворенность участием в программе целевого набора объясняется отсутствием в восприятии акторов финансовых выгод; нежеланием переезжать из регионального центра, в котором целевой студент адаптировался и привык жить и работать за годы обучения; нежеланием разрывать сложившиеся социальные связи; некомфортными условиями труда и жизни после возвращения для отработки. Часть информантов, напротив, положительно оценивает опыт участия в программе, подчеркивая, что обозначенные выше издержки компенсируются выгодами от участия, связанными с получением престижного высшего образования на бюджетной основе; успешным трудоустройством (дополнительными возможностями для получения опыта, первичной профессиональной реализации, карьерного роста), а иногда и дополнительными мерами поддержки. Для части информантов принудительность отработки компенсируется личными факторами: преимуществами, которые получают молодые врачи-целевики от возвращения в родной населенный пункт (наличие жилья, сложившиеся социальные связи, межпоколенные трансферты); возвращение в родной населенный пункт ценится в ситуации создания семьи, развода или рождения детей.

Литература / References

- Валеева Д. Р., Польдин О. В., Юдкевич М. М. Социальные связи студента и выбор специализации // Прикладная эконометрика. 2014. Т. 34. № 2. С. 80–94.
- Valeeva D. R., Poldin O. V., Yudkevich M. M. (2014) Student's Social Ties and the Choice of Specialization. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 34. No. 2. P. 80–94. (In Russ.)
- Дошчанникова О. А. и др. К вопросу о совершенствовании механизмов целевой подготовки студентов медицинского вуза // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 46–53. EDN: ZXJGFL
- Doshchannikova O. A. et al. (2017) To the Question of Improving Mechanisms of Targeted Training of Medical Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 12. P. 46–53. (In Russ.)
- Дьяченко В. Г., Пригорнев В. Б., Костакова Т. А. Кадровый кризис, как причина провала реформ здравоохранения региона // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2015. № 3. С. 1–24. EDN: UYSFNT
- Dyachenko V. G., Prigornev V. B., Kostakova T. A. (2015) Personnel Crisis as the Reason of the Failure of Health Reforms in the Region. *Vestnik obshchestvennogo zdorovya i zdavoohraneniya Dalnego Vostoka Rossii* [Far Eastern State Medical University]. No. 3. P. 1–24. (In Russ.)
- Залаяев А. Р., Шаммазова Е. Ю. Целевое обучение в оценках студентов-медиков: опыт эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 1. С. 97–102. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_97 EDN: LBJQXQ
- Zalyaev A. R., Shammazova E. Yu. (2021) Employer-Financed Education through Feedbacks of Medicine Students: Experience of Empirical Research. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1. P. 97–102. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_97

Креховец Е. В., Шпилев Д. А. Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 78–89. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010429-4> EDN: BRZDYL

Krekhovets E. V., Shpilev D. A. (2020) Student and Graduate Adaptation in the Labor Market: The Role of Informal Social Ties. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8. P. 78–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010429-4>

Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы // Известия РАН. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 1. С. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132> EDN: LUPVRI

Mkrtychyan N. V., Gilmanov R. I. (2023) Moving Up: Migration Between Levels of the Settlement Hierarchy in Russia in the 2010s. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya]. Vol. 87. No. 1. P. 29–41. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>

На сегодняшний день массовые представления об успешной карьере связаны с ИТ, математикой и здравоохранением // Новости образования в НИУ ВШЭ. 2022. 24 февраля. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/567758140.html> (дата обращения: 13.08.2024).

Nowadays popular ideas about a successful career are associated with IT, mathematics and healthcare. *Novosti obrazovaniya v NIU VShE* [Education news at HSE]. 2022. 24 February. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/567758140.html> (accessed: 13.08.2024) (In Russ.)

Путило Н. В. Целевой прием в вузы: история, вопросы и новые перспективы // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2016. Т. 11. С. 30–50. EDN: YNUBDN

Putilo N. V. (2016) Target Enrollment in High School: History Questions and New Perspectives. *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva* [Yearbook of Russian Educational Legislation]. Vol. 11. P. 30–50. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskij metod v sociologii* [The Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.)

Стрельникова А. В. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 39–46. EDN: VDGNFV

Strelnikova A. V. (2015) Social Mobility and Its Spatial Projections: Moving as Significant Event in the Biographical Narration. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 7. No. 10. P. 39–46. (In Russ.)

Тарасенко Е. А., Хорева О. Б. Экономическое стимулирование для устранения дефицита медицинских кадров в сельских территориях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 117–142. EDN: XEDGXP

Tarasenko E. A., Khoreva O. B. (2016) Economic Incentives for Medical Personnel Deficit Elimination in Rural Areas. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 4. P. 117–142. (In Russ.)

Фёдоров О. Д. «Учитель для России»: система ценностей // Образовательная политика. 2019. № 3. С. 122–130. EDN: KALIGG

Fedorov O. D. (2019) Teach for Russia: Analysis of Professional Development Program for New Educators. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy]. Vol. 79. No. 3. P. 122–130. (In Russ.)

Чернышева Н. В. и др. Мониторинг показателей эффективности целевого приема в Дальневосточном государственном медицинском университете // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 4. С. 57–61. DOI: <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2019-I-57-61> EDN: RVOOXD

Chernyshova N. V. et al. (2019) Target Enrollment Efficiency Indexes Monitoring at the Far Eastern State Medical University. *Dalnevostochnyi meditsinskii zhurnal* [Far Eastern Medical Journal]. No. 4. P. 57–61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2019-I-57-61>

- Чурикова А. Е. Этика взаимодействия врачей друг с другом: анализ неформальных практик // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 113–120. EDN: [TRRQOL](#)
- Chirikova A. E. (2015) Ethics of Physicians' Mutual Interaction: An Analysis of Informal Practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 113–120. (In Russ.)
- Шарепина Е. А. Программа «Земский доктор» как фактор миграции врачей на периферию регионов Центрального федерального округа // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 104–125. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16745> EDN: [AASMMK](#)
- Sharepina E. A. (2022) The Zemsky Doctor Program as a Factor of the Doctors' Migration to the Peripheral Territories of the Central Russian Regions. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 9. No. 4. P. 104–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16745>
- Щербатых А. В. Целевая подготовка медицинских кадров для здравоохранения Иркутской области // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2017. № 6. С. 12–15. EDN: [ZAFODH](#)
- Shcherbatykh A. V. (2017) Training of Medical Personnel for Healthcare in the Irkutsk Region. *Sistema menedzhmenta kachestva: opyt i perspektivy* [Quality Management System: Experience and Prospects]. No. 6. P. 12–15. (In Russ.)
- Bärnighausen T., Bloom D. E. (2009) Financial Incentives for Return of Service in Underserved Areas: a Systematic Review. *BMC Health Services Research*. Vol. 9. P. 1–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6963-9-86>
- Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*. Vol. 15. No. 2–3. P. 59–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Chauban T. S. et al. (2010) Recruitment Trumps Retention: Results of the 2008/09 CMA Rural Practice Survey. *Canadian Journal of Rural Medicine*. Vol. 15. No. 3. P. 101–107.
- Clark W. A. V., Withers S. D. (2007) Family Migration and Mobility Sequences in the United States: Spatial Mobility in the Context of the Life Course. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 591–622. DOI: <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.20>
- Frehywot S. et al. (2010) Compulsory Service Programmes for Recruiting Health Workers in Remote and Rural Areas: Do They Work? *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 88. P. 364–370. DOI: <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.09.071605>
- Jackson J. et al. (2003) A Comparative Assessment of West Virginia's Financial Incentive Programs for Rural Physicians. *The Journal of Rural Health*. Vol. 19. P. 329–339. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-0361.2003.tb00649.x>
- Lee E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
- Mabunda S. A. et al. (2022) Are Return-for-Service Bursaries an Effective Investment to Build Health Workforce Capacity? A Qualitative Study of Key South African Policymakers. *PLOS Global Public Health*. Vol. 2. No. 5. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0000309>
- Mathews M. et al. (2013) Evaluation of Physician Return-for-Service Agreements in Newfoundland and Labrador. *Healthcare Policy*. Vol. 8. No. 3. P. 43–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.12927/hcpol.2013.23209>
- Michielin F. et al. (2008) Distance to Parents and Geographical Mobility. *Population, Space and Place*. Vol. 14. No. 4. P. 327–345. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.509>
- Pathman D. E. et al. (2004) Outcomes of States' Scholarship Loan Repayment and Related Programs for Physicians. *Medical Care*. Vol. 42. No. 6. P. 560–568. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.mlr.0000128003.81622.ef>
- Putri L. P. et al. (2020) Factors Associated with Increasing Rural Doctor Supply in Asia-Pacific LMICs: a Scoping Review. *Human Resources for Health*. Vol. 18. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12960-020-00533-4>
- Renner D. M. et al. (2010) The Influence of Loan Repayment on Rural Healthcare Provider Recruitment and Retention in Colorado. *Rural and Remote Health*. Vol. 10. No. 4. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.22605/RRH1605>

Sempowski I. P. (2004) Effectiveness of Financial Incentives in Exchange for Rural and Underserved Area Return-for-Service Commitments: Systematic Review of the Literature. *Canadian Journal of Rural Medicine*. Vol. 9. No. 2. P. 82–88.

Сведения об авторах:

Шарепина Екатерина Александровна — аспирант, преподаватель, Институт демографии имени А. Г. Вишневецкого, младший научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** eaandreeva@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1166694; **ORCID:** 0000-0001-5551-6168; **ResearcherID:** AAD-1314-2021.

Ломанова Александра Константиновна — стажер-исследователь, департамент психологии, Научно-учебная лаборатория политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** alomanova@hse.ru. **ORCID:** 0009-0001-2764-221X.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2024

Принята к публикации: 22.07.2024

БАК: 5.4.4, 5.4.7

.....

Benefit or Coercion: the Perception of Compulsory Service Programs by Doctors Who Are Employed on the Periphery

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5

Ekaterina A. Sharepina HSE University, Moscow, Russia
E-mail: eaandreeva@hse.ru

Aleksandra K. Lomanova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: alomanova@hse.ru

The targeted recruitment program is one of the key initiatives to address the shortage of medical personnel. In recent years, the proportion of targeted placements within the budgetary intake has increased, and measures to ensure the return of targeted recruits to work in their designated areas have been intensified. However, the results of the program's implementation remain controversial. Similar foreign programs are classified either as financial incentives for doctors to work in remote areas or as coercive measures. Research indicates that perceiving the program solely as a coercive measure creates a negative attitude towards it and reduces the proportion of those who complete their service. This article, based on 21 biographical interviews, examines the perceptions of the targeted recruitment program among doctors who completed their residency and internship under the program and are now working in peripheral municipalities of the Central Federal District. The study results show that the evaluation of the program by the participating doctors is broader than the dichotomy of financial benefits from receiving free education and

coercion associated with the obligation to work off the service. Implicit costs and benefits were identified, and their balance determines the perception of the targeted recruitment program at different stages: admission, education, and return for service. The negative view of the program is linked to a lack of understanding among targeted recruits of the financial benefits of participation, the necessity of relocating from the place of medical education, reluctance to sever social ties formed over the years of study, lack of conditions for primary professional socialization, uncomfortable working and living conditions after returning to serve. For some informants, the forced nature of the service is offset by opportunities for obtaining prestigious education, prospects for gaining real work experience, professional and career growth, additional financial and housing support, support from colleagues and administration, as well as personal and family factors related to returning to their hometown or personal demographic events.

Keywords: shortage of medical personnel; targeted recruitment program; physician migration; professional migration; migration to small towns and rural areas

Authors Bio:

Ekaterina A. Sharepina — Graduate Student, Teacher, Vishnevsky Institute of Demography, Junior Researcher, Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** eaandreeva@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1166694; **ORCID:** 0000-0001-5551-6168; **ResearcherID:** AAD-1314-2021.

Aleksandra K. Lomanova — Trainee Researcher, School of Psychology, Politics & Psychology Research Laboratory, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** alomanova@hse.ru. **ORCID:** 0009-0001-2764-221X.

Received: 05.04.2024

Accepted: 22.07.2024

Рецензии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.6

EDN: QYTVNE

Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения

Ссылка для цитирования:

Бизюков П.В. Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 110–120. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6> EDN: QYTVNE

For citation:

Bizyukov P.V. (2024) Hegemony and Transformism: Post-Soviet Trade Unions as an Object of Study. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 110–120. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6>

Бизюков Пётр Вячеславович

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
проект «Мониторинг трудовых протестов»,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

Рецензия на книгу: Кулаев М. Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Центр экономической культуры, 2023, 504 с.

В статье обсуждается книга Максима Кулаева «Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России», посвященная истории профсоюзного

и рабочего движения в постсоветский период. Автор делает попытку не просто изложить то, что происходило с профсоюзами на протяжении последних тридцати с лишним лет. Он пытается осмыслить это, опираясь на теорию Антонио Грамши, который писал о необходимости формирования гегемонии не столько политической, сколько о социально-культурной, позволяющей выработать ценностные основы для доминирования трудящихся и противостояния господствующей гегемонии капиталистических элит.

Безусловную ценность представляют те разделы, где автор описывает историю, дискурс и взаимодействия профсоюзов с разными политическими силами и социальными движениями. Важно, что книга построена на огромном массиве разнообразной информации — на наблюдениях, документах, интервью, материалах других исследователей. Это позволило автору критически взглянуть на данные, полученные в 1990-х годах, когда многое еще было неизвестно и непонятно. Теперь это взгляд на постсоветское развитие рабочего и профсоюзного движения спустя треть века. Книга представляет интерес для исследователей социальных структур, профсоюзного и рабочего движения, социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: профсоюзы; рабочее движение; гегемония; трансформизм; трудовые отношения

Многие читатели и даже эксперты, услышав что-то о профсоюзах, восклицают: «Профсоюзы? А разве они еще у нас есть?» Приходится объяснять, что они не только существуют, но их довольно много, разных типов и с очень большим членством — около 20 миллионов, по отчетам самих профсоюзов. К сожалению, число это трудно проверить: независимых источников, способных оценить такие данные, нет, учетом занимаются сами профсоюзы и их аппарат. Но даже если оно завышено, то все равно это одна из самых многочисленных, если не самая многочисленная общественная организация в стране. Разумеется, членство в профсоюзе часто бывает формальным, иногда работников записывают туда автоматически, при приеме на работу, иногда они вступают туда «на всякий случай» — в расчете, что смогут что-то получить, например материальную помощь или подарок для детей к Новому году.

Есть, правда, у профсоюзов и иная функция — защита интересов и прав работников, — с которой они справляются с разной степенью успешности. Исторически сложилось два типа профсоюзов: одни наследники советских, сохранившие большую численность, разветвленный бюрократический аппарат, охватывающий своими подразделениями всю территорию страны и, что значимо, владеющие немалой собственностью, способной приносить значительный доход. Но главное, они за все постсоветские годы сохранили настолько тесное взаимодействие с работодателями и властями, что чаще это можно охарактеризовать как лояльность.

Другой тип профсоюзов возник в постсоветские годы и провозгласил иной подход к регулированию трудовых отношений. Они пытались достигать своих

целей за счет противостояния работодателям и конфликтов с ними, организуя протесты, забастовки, митинги и т.п. Позже, в конце 1990-х, когда протестная активность была взята под контроль и наказание за незаконные забастовки стало реальным, они нашли другой вариант, а именно использование закона, который давал немало прав и возможностей отстаивать интересы работников. И конфликты, и правовые методы были новым словом в профсоюзной деятельности в России, это альтернативный подход к регулированию трудовых отношений по сравнению с традиционным способом действий, когда профсоюз то ли выпрашивает у работодателя какие-то послабления, то ли сдерживает работников, не давая им задеть интересы собственников.

Одна из дихотомий, с помощью которых маркировались постсоветские профсоюзы, была такой: традиционные (наследники советских организаций, входящие в Федерацию независимых профсоюзов — ФНПР) и альтернативные (созданные в постсоветские годы, опирающиеся на новые подходы, объединенные в Конфедерацию труда России — КТР). Со временем они переняли друг у друга немало успешных практик. Традиционные профсоюзы, например, стали эффективно использовать опыт отстаивания прав своих членов в судах, а альтернативные — находения компромиссов и даже сотрудничества с работодателями.

В разные годы разными авторами делались попытки изучить состояние профсоюзов и траекторию их постсоветского развития. Эти авторы создали неплохие описания состояния и активности профсоюзов в разные годы и во многих регионах. Такой подход создает мозаичную картину, фрагменты которой взяты из разных времен, в них описываются различные организации, действующие во многих отраслях и регионах. Разумеется, при достаточно большом количестве фрагментарных описаний в конце концов можно составить более или менее полное представление о том или ином объекте. Но значительно большей ценностью обладают тексты, в основе которых лежит теория, позволяющая увязать факты и события в целостную картину и даже прогнозировать развитие ситуации или явления. В качестве иллюстрации здесь вполне уместна фраза, приписываемая К. Гельвецию, философу второй половины XVIII века: «Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов». Корректный теоретический подход позволяет не складывать мозаику, а понять, с чем мы имеем дело, как оно меняется и как будет развиваться в дальнейшем. Книга М. Кулаева «Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России», выпущенная издательством Института Гайдара в 2023 году, выглядит именно такой попыткой подвести серьезную теоретическую базу под описание того, как формировалось российское профсоюзное движение в постсоветские годы, каковы его особенности как акторов, участвующих в регулировании трудовых отношений и чего им удалось достичь.

В качестве основы своего исследования автор взял теорию А. Грамши о гегемонии, рассматривавшего ее не столько как инструмент политического господства, сколько как систему социально-культурных взаимодействий. Он считал, что во многом именно через это разные группы продвигают свои

ценности, установки и взгляды на мир. Политический контроль, безусловно, важен, но согласие большинства на некой социально-культурной платформе необходимо. Профсоюзы А. Грамши рассматривает как представителей массового класса трудящихся, который не имеет господствующих позиций в обществе, но который должен на них претендовать. Ведь, по его мнению, именно на этой основе создаются исторические блоки, определяющие не просто облик общества, а гегемоническую формацию.

В качестве дальнейшего развития грамшианской теории М. Кулаев предлагает обратиться к подходу Э. Лакло, утверждавшего, что социальные практики и знания конструируются через изменчивые взаимодействия людей и не являются жестко фиксированными или естественными. Именно так формируются идентичность людей и их отношение к окружающей среде, власти. Э. Лакло особо подчеркивает, что взаимодействия находятся в динамическом развитии. И А. Грамши, и Э. Лакло утверждают, что работники и близкие к ним социальные группы должны стремиться и даже навязывать свой дискурс, оттеснить эксплуататорские классы от власти. Фактически речь идет о формировании и развитии стратегии контргегемонии, хотя здесь приходится сталкиваться с тем, что А. Грамши назвал трансформизмом, то есть процессом, через который оппозиционные политические и социальные группы пытаются адаптироваться к существующему порядку и его нормам, вместо того чтобы открыто противостоять ему.

Здесь особо стоит обсудить идею гегемонии пролетариата, прежде всего то, насколько она возможна. Рассуждая о специфике классовой структуры, В. Ильин отмечает, что «Классовая структура формируется по одному критерию — отношению к капиталу» [Ильин, 2000: 221]. У одних он есть, у других его нет, и нетрудно понять, что обладатели капитала имеют больше возможностей для того, чтобы оказывать влияние и на наемных рабочих, и на представителей других социальных групп. Меняется структура капитала, меняется и структура труда, а следом — занятости и в конечном счете — классовая структура. В связи с этим встают вопросы. А как класс, который находится в зависимом положении, сможет установить свою гегемонию? За счет чего он будет оказывать свое влияние на другие классы, группы и слои, если «ключи» от преобразований находятся у владельцев капитала?

Культурная гегемония должна осуществляться через то, что А. Грамши называл «историческим блоком», то есть комплексом надстроечных переплетений, специфических для каждой страны, через которые формируется «национальный интерес». Как зависимый класс, то есть пролетариат или наемные работники, сможет добиться широкого согласия и создать этическое государство и моральную экономику, ограничивающую капиталистическую жадность и произвол? Это крайне важный и отнюдь не риторический вопрос, пришедший из прошлого. Необходимость переустройства экономики на моральных и этических принципах все чаще обсуждается в научной литературе. Дж. С. Скотт рассматривал эту проблему в своей книге “The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia” [Scott, 1976]. Об этом писал С. Боулз, назвавший свою книгу «Моральная экономика. Почему хорошие

стимулы не заменят хороших граждан» [Боулз, 2017]. Дж. Стиглиц [Стиглиц, 2015] и П. Кругман [Кругман, 2009], нобелевские лауреаты по экономике, также писали о том, что современная экономика не сможет нормально функционировать, если в ней не будут соблюдаться принципы справедливости и будет нарастать неравенство. Их нельзя назвать последователями А. Грамши, но они, пусть и с разных сторон, подходят к тому же вопросу: как преодолеть засилье капитала и предотвратить нарастание отчуждения и деградации общества, о котором писал еще К. Маркс.

Наследие А. Грамши редко используется в качестве теоретической базы для современных исследований. Однако М. Кулаев сделал весьма интересную попытку рассмотреть развитие российских профсоюзов с точки зрения их способности формировать гегемонию или сопротивляться той ее разновидности, которую навязывают российские господствующие классы. Он приводит довольно много примеров того, как профсоюзы выстраивали свое взаимодействие в странах, прежде всего в Южной Америке. Показано, что это было не всегда удачно и происходило скорее в рамках трансформизма, когда профсоюзы старались приспособиться к политическому режиму. Но при этом в рецензируемой книге почти не упоминается богатейший опыт польской «Солидарности», которая, пожалуй, наиболее последовательно действовала в рамках грамшианской стратегии. У «Солидарности» был тесный контакт с церковью, с журналистами, учеными и общественными деятелями — как лояльными по отношению к тогдашним властям, так и с оппозиционными. Наконец, участники польского движения взаимодействовали с артистами, спортсменами, писателями — всеми теми, кто формирует ту самую социально-культурную среду. Пожалуй, этот опыт может рассматриваться как пример успешной реализации профсоюзной гегемонии, хотя, как показала история, доминирование профсоюза продолжалось недолго. «Солидарность» расчистила дорогу тем, кого в рамках грамшианской теории называют эксплуататорскими классами, и удержать свои позиции она не смогла даже несмотря на то, что ее лидер занял президентский пост и был признан на международном уровне, получив Нобелевскую премию мира.

Здесь нужно отметить еще одну важную для анализа особенность: речь идет о классах, классовом сознании и т.п. категориях, оперирование которыми было актуально для эпохи А. Грамши. Для того времени человек был привязан к классовому статусу и чаще всего не мог его изменить. Но в современных условиях, когда доминирует корпоративный капитализм, возникает «распыление» социальных позиций — работник может иметь акции и занимать одновременно позиции наемного работника и собственника. Да и позиция работодателя (например, наемного директора) не совпадает с позицией собственника. Это ставит под вопрос классический классовый анализ и требует иного, более гибкого подхода [Ильин, 2000: 221]. Поэтому говорить о гегемонии класса, формировании исторических блоков становится непросто.

Пожалуй, наиболее ценная часть книги М. Кулаева — это главы о постсоветском развитии профсоюзов, преимущественно альтернативных. Автор довольно точно следует выбранной методологии и не просто описывает как

они возникали, с какими трудностями сталкивались и т.п. но и подробно рассматривает дискурс акторов, которые были вовлечены в те события. Особое внимание стоит обратить на информационную базу исследования автора. Он давно и тесно сотрудничает с профсоюзами и был очевидцем многих событий, происходивших с их участием. Думается, неслучайно его книга демонстрирует понимание дискурса профсоюзных лидеров и активистов, используемого ими в разные годы. То, что выходит за пределы собственных наблюдений, автор восполняет другими источниками, прежде всего документальными. Исследователи профсоюзного движения знают, что профсоюзные функционеры не очень охотно открывают свои документы и данные для внешних наблюдателей.

Большое значение имеет информация, полученная автором от лидеров, активистов, рядовых членов в ходе многочисленных интервью. Это то знание, которое может быть получено только при включении исследователя в поле и доверии опрашиваемых к нему. Перед «чужими» эти люди не откроются или дадут какую-то декларативную информацию, не будут рассказывать о проблемах, неудачах и их причинах. Наконец, автор много и добросовестно изучал литературу, в которой описывалось состояние профсоюзов в разные годы, использовал результаты и выводы, опубликованные там, и, что очень важно, подходил к ним критически. Дело в том, что в разные годы, например, в ранние 1990-е, не все исследователи были объективны по отношению к возникшим новым профсоюзам или по отношению к традиционным. Это вполне понятно, ведь тогда у них не было знаний ни о профсоюзах, особенно новых, ни об их функциях и роли в социально-экономической жизни общества, поэтому с большим сочувствием и интересом описывалось все новое и, наоборот, негативно оценивалось то, что сохранилось с советских времен [Гордон, 2000: 189–195].

Вторая глава книги посвящена истории профсоюзов, прежде всего альтернативных: как они рождались, как включались в политическую борьбу, что способствовало их подъему и какие у них были трудности и неудачи. Это очень важное описание — подробное, с деталями, позволяющее читателям в режиме исторической хроники узнать о событиях, которые все больше уходят в прошлое.

Особое внимание уделено шахтерской забастовке 1989 года, довольно подробно описана ее хронология и, что очень важно, ее развитие и влияние на социально-общественную жизнь страны. Ведь шахтеры не только создали свой Независимый профсоюз горняков (НПГ), но и политическую организацию «Союз рабочих Кузбасса», они повлияли на традиционный профсоюз, в котором тоже начались трансформации. Сегодня редко вспоминают о забастовке 1989 года, и уж тем более забыты роль шахтеров в трансформации профсоюзов и их влияние на социально-политическую ситуацию в стране. Авторы, которые описывали те события, делали это достаточно давно и, разумеется, не видели того, что произошло позже, через десять-двадцать лет.

Шахтеры, помимо собственных успехов, подали пример для других — профсоюзы стали возникать в различных отраслях и регионах. Учителя,

авиадиспетчеры, железнодорожники и др. начали создавать организации, с разной степенью успешности пытавшиеся защищать их интересы. Но, как правильно замечает автор, эффективность их деятельности во многом зависела от того, с какими силами они сотрудничали. Стало очень важно наличие политических патронов, но многие профсоюзные лидеры, которые оказывали поддержку Б. Ельцину и его команде, вскоре разочаровались в таком токсичном сотрудничестве. Падение уровня жизни, безработица, закрытие предприятий, многомесячные задержки зарплаты заставили работников и их представителей отказаться от поддержки властей и перейти к их критике. Поиск новых политических покровителей от ЛДПР до КПРФ показывает, в каком непрестом положении оказались профсоюзы в то время. Это были молодые организации, которые возглавляли люди, не имеющие никакого опыта руководства, тем более столь специфической организацией, как профсоюз.

Возможно, неслучайно целая глава книги посвящена неудачам профсоюзов. К наиболее крупным провалам автор, со ссылками на многочисленные источники, относит неспособность организовать в стране централизованное рабочее движение, которое смогло бы выработать собственную программу. Важным следствием этого стало разностороннее манипулирование профсоюзами со стороны директоров предприятий и региональных руководителей, использовавших рабочие организации и профсоюзы для оказания давления на центральные власти. В рамках грамшианской терминологии автор характеризует такую ситуацию как трансформизм, когда представители рабочих принимают существующие механизмы власти и стараются интегрироваться в систему.

Второй по масштабу неудачей рабочего движения автор считает принятие нового трудового законодательства, которое значительно сузило возможности для профсоюзов (хотя в нем и сохранилось большинство норм регламентов из советского КЗоТа). Это стало реакцией властей на требования работодателям сделать законодательство более гибким для того, чтобы иметь возможность снижать трудовые издержки. Но одновременно повысилась внимание государства к соблюдению законов, которые тем не менее оставляли работникам возможность отстаивать свои интересы. Разумеется, практически сразу в профсоюзах усилилось правовое направление, благодаря которому был получен новый импульс развития.

Одновременно открылось еще одно окно возможностей, связанное с приходом в Россию транснациональных компаний, которые вместе с технологиями принесли и традиционную культуру взаимодействия с персоналом, не только не исключаящую, но и подразумевающую сотрудничество с профсоюзами. И они, разумеется, появились сначала на заводе «Форд» в Ленинградской области, а позже на «Фольксвагене» в Калуге, на предприятии по производству мороженого «Юнилевер» в Омске, на предприятиях и в магазинах «ИКЕА» и др. Важно не то, что там возникли профсоюзы, а то, что они стали добиваться успехов, сочетая умение опираться на закон, коллективные действия и даже забастовки.

Их успехи, которые стоит оценить как скромные, тем не менее воодушевили других, и вот уже в Пикалево традиционный горно-металлургический профсоюз организует не просто забастовку, а акцию гражданского неповиновения,

которую приходится улаживать высшему руководству страны. Вспыхивает протест в Междуреченске (Кемеровская область), вызванный неуклюжими высказываниями руководителей угольных предприятий и региональных властей после аварии на шахте «Распадской», приведшей к гибели десятков работников.

Углубляясь в перипетии развития профсоюзного движения, автор рассказывает, что и как профсоюзы делали на разных этапах. Он описывает крайне непростую ситуацию, связанную с тем, как профсоюзы удерживают свое членство и пытаются решать актуальные проблемы. Традиционные профсоюзы, входящие в состав ФНПР, действуют несколькими способами: распределение благ и воздействие на работодателя через внешних акторов, таких как региональная и федеральная власть, политические партии, провластные общественные организации и т.п. Нельзя сказать, что они многого добились такими методами, но и отрицать, что им удается удовлетворять некоторые наиболее актуальные требования и просьбы работников, нельзя.

Иначе обстоят дела у альтернативных профсоюзов, которые изначально делали ставку на конфликт, пусть даже и в рамках правового поля: направляя материалы в прокуратуру, Гострудинспекцию и обращаясь в суды. Хотя, конечно, главным их оружием были коллективные действия — забастовки, пикеты, митинги, протесты и т.п.

Но итог, который стал вполне очевиден к концу 2010-х годов, был ожидаем. Профсоюзы, выбравшие своей стратегией то, что Грамши называл трансформизмом, то есть вписывание в политическую и управленческую структуру, сохранили и собственные организации, и определенное влияние, которое помогало им решать некоторые проблемы своих членов. Для большинства альтернативных профсоюзов, пытавшихся действовать иначе, «коридор возможностей» значительно сузился, и они встали на грань исчезновения. Деятельность многих из них свелась к «борьбе за выживание», бесконечным судебным процессам, где они пытались восстановить уволенных профсоюзных лидеров и активистов.

Но апогеем беспомощности профсоюзов стала эпопея с повышением пенсионного возраста, с которым категорически были не согласны не только работники, но и большинство населения. Руководство профсоюзов не захотело противостоять этому решению, а низовые организации не смогли мобилизоваться и сформировать централизованную кампанию по противодействию столь непопулярной реформе.

Некоторые организации нашли еще один способ выживания — развитие профсоюзных сервисов. Не имея возможности защитить права, заключить коллективное соглашение, профсоюзы — как традиционные, так и альтернативные — стали организовывать правовые консультации «только для членов профсоюза». Речь шла как о том, чтобы получить грамотный совет от юриста-трудоустроителя, так и о том, как действовать в случае несправедливого штрафа, необоснованного депремирования или незаконного увольнения. Появились возможности для получения дисконтных карт в местных торговых сетях, льготных поездок в столичные города на культурно-массовые предприятия,

выезды на природу и т.п. Даже были попытки, в том числе удачные, по созданию кредитных союзов.

М. Кулаев рассматривает «сервисную» функцию профсоюзов как еще один шаг в сторону трансформизма и, как следствие, отдаление от шансов на установление гегемонии работников и профсоюзов. Но не только это свидетельствует о выборе российскими профсоюзами трансформистской стратегии. Автор подробно, с большим количеством деталей, рассматривает, как профсоюзы взаимодействуют с общественными организациями и политическими партиями. Размер рецензии не позволяет детально рассматривать такое сотрудничество, тем более что почти все примеры сводятся к тому, что профсоюзы, либо подстраиваются под тех, кто предлагает сотрудничество, либо напрямую подчиняются их требованиям. Все это происходит в рамках того самого трансформизма.

Подводя итоги, можно сказать, что книга М. Кулаева — это, безусловно, вклад в теорию трудовых отношений современного российского общества. Сделана попытка с теоретических позиций изучить столь многогранное явление, как профсоюзы. Сложность этой задачи в том, что они за рассматриваемый автором период довольно сильно трансформировались. Начиналось с одного — новые демократические организации, активно участвующие в формировании трудовых отношений, а спустя три десятилетия — уже организации, ради выживания встраивающиеся во властные и корпоративные структуры. Говорить о гегемонии, о формировании исторических блоков и тем более национальных интересов, для которых, по мнению А. Грамши, нужна гегемония, не приходится. Но профсоюзы, растерявшие многие свои преимущества и достижения, сохраняют социально-экономический статус, они по-прежнему значимые акторы регулирования трудовых отношений и способны влиять на ситуацию.

Читатели встретят в книге разные сюжеты. Те, кто хочет ознакомиться с историей постсоветских профсоюзов, найдут там огромный объем информации об их активности, дискурсе и взаимодействиях. Разумеется, это не энциклопедия, но тем не менее подробная и добросовестная хронология жизни рабочих и профсоюзных организаций. Те, кого интересуют теоретические проблемы, могут узнать, как на основе грамшианской теории, о которой нечасто вспоминают, анализируются современные явления. В своей книге М. Кулаев показывает, что такой подход может использоваться достаточно плодотворно, хотя оснований для полемики здесь возникает немало. В любом случае предлагаемая книга станет вкладом в изучение истории и роли профсоюзов. С ней будут соглашаться, будут оспаривать ее выводы, но ее будут читать и изучать.

Литература/References

Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Bowles S. (2017) *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshiye stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens.]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения большинства. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.189–195.

Gordon L. A., Klopov E. V. (2000) *Poteri iobreteniyav Rossii devyanostykh: Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki ekonomicheskogo polozheniya bolshinstva. T. 1.* [Losses and Gains in Russia in the Nineties: Historical and Sociological Essays on the Economic Situation of the Majority. Vol. 1.]. Moscow: Editorial URSS. P. 189–195

Ильин В. И. Социальное неравенство. М.: Издательство «Институт социологии РАН», 2000. С. 213–214.

Ilin V. I. (2000) *Sotsialnoye neravenstvo* [Social Inequality]. Moscow: Izdatelstvo "Institut sotsiologii RAN". P. 213–214

Кругман П. Кредо либерала. М.: Издательство «Европа», 2009.

Krugman P. (2009) *Kredo liberala* [The Liberal's Creed]. Moscow: Izdatelstvo "Yevropa".

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

Stiglits Dzh. (2015) *Tsena neravenstva. Chem rassloyeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality. How the Stratification of Society Threatens Our Future]. Moscow: Eksmo.

Scott J. C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022050700106035>

Сведения об авторе:

Бизюков Пётр Вячеславович — ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН, руководитель независимого проекта «Мониторинг трудовых протестов», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [714792](https://elibrary.ru/author_profile.aspx?id=714792).

Статья поступила в редакцию: 21.08.2024

Принята к публикации: 10.09.2024

БАК: 5.4.1, 5.4.4

Hegemony and Transformism: Post-Soviet Trade Unions as an Object of Study

DOI: [10.19181/inter.2024.16.3.6](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6)

Petr V. Bizyukov

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

The article discusses Maksim Kulaev's book "Trade Unions, Workers' Movements, and Hegemony in Contemporary Russia", which is dedicated to the history of trade union and workers' movements in the post-Soviet era. The author attempts not only to reconsider what has happened to trade unions over the last thirty years but also to make sense of them drawing on Antonio Gramsci's theory, which emphasized the need for the formation of hegemony as a sociocultural framework rather than purely political framework, enabling the establishment

of value foundations for the dominance of the working class and resistance to the dominant hegemony of capitalist elites.

The book chapters, in which the author describes the history, discourse, and interactions of trade unions with various political forces and social movements, are undoubtedly valuable. Importantly, this analysis is built on a vast array of diverse information — observations, documents, interviews, and data by other researchers. This allowed the author to critically reassess the data obtained in the 1990s, a time when much was still unknown and unclear. Now, this work represents a significant milestone, providing a perspective on the post-Soviet development of the workers' and trade union movements after a quarter of a century. The book is of interest to researchers studying social structures, trade union and workers' movements, and socio-labor relations.

Keywords: trade unions; labor movement; hegemony; transformism; labor relations

Author Bio:

Petr V. Bizyukov — Research Associate, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, Head of the Project "Monitoring of Labor Protests", St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **RSCI Author ID:** [714792](#).

Received: 21.08.2024

Accepted: 10.09.2024

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2024. Том 16. № 3. Дата выхода в свет 30.09.2024.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com